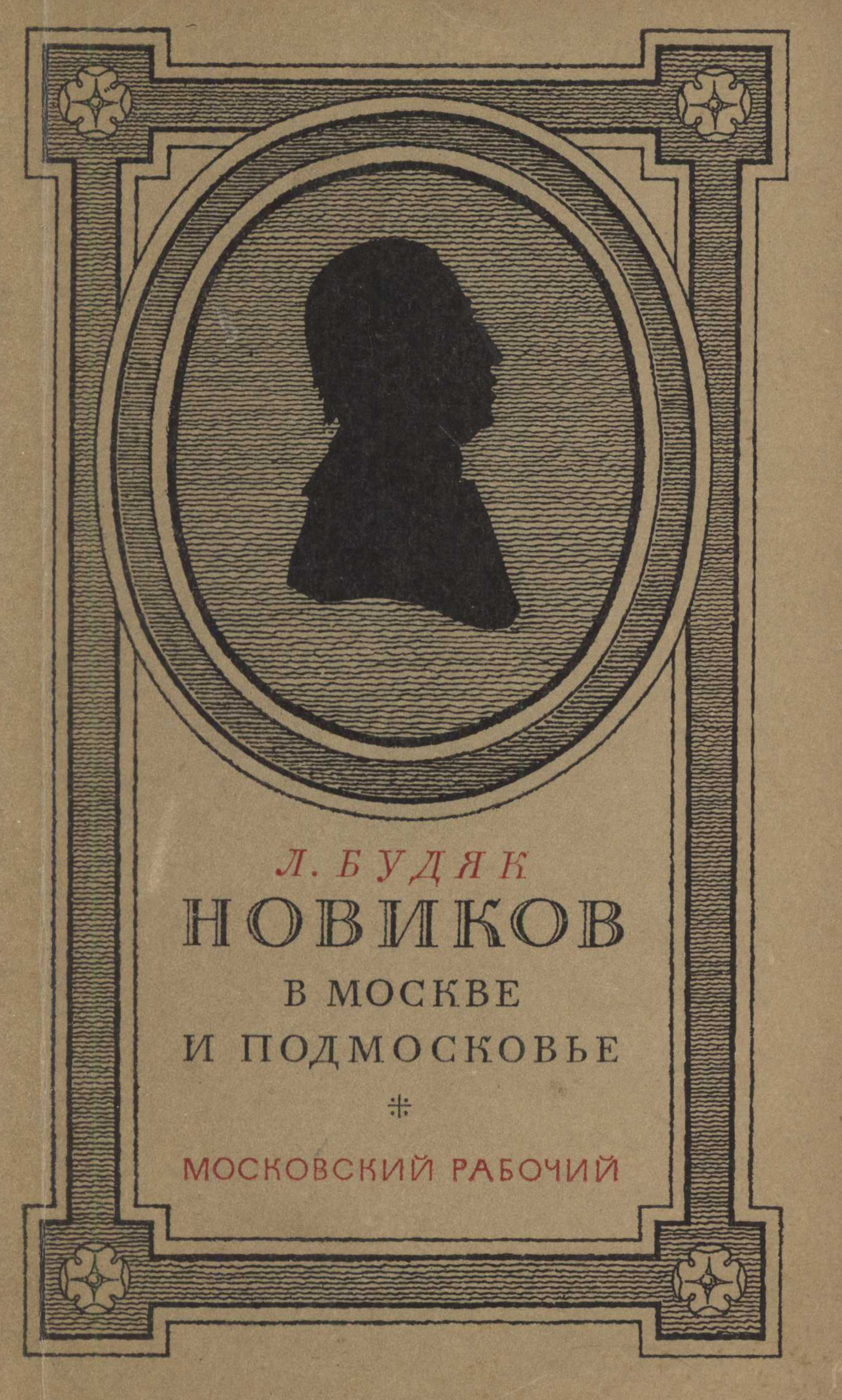
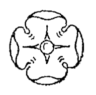

Л. БУДЯК
НОВИКОВ
В МОСКВЕ
И ПОДМОСКОВЬЕ
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Л. БУДЯК

НОВИКОВ
В МОСКВЕ И ПОДМОСКОВЬЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1970

7—2—2

«...Царствование Екатерины II было ознаменовано таким дивным и редким у нас явлением, которого, кажется, еще долго не дождаться нам, грешным. Кому неизвестно, хотя понаслышке, имя Новикова? Как жаль, что мы так мало имеем сведений об этом необыкновенном и, смею сказать, великом человеке!..

...Этот человек... имел сильное влияние на движение русской литературы и, следовательно, русской образованности... Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстию — разливать свет образования в своем отечестве».

В. Г. Белинский

АВДОТЬИНО-ТИХВИНСКОЕ

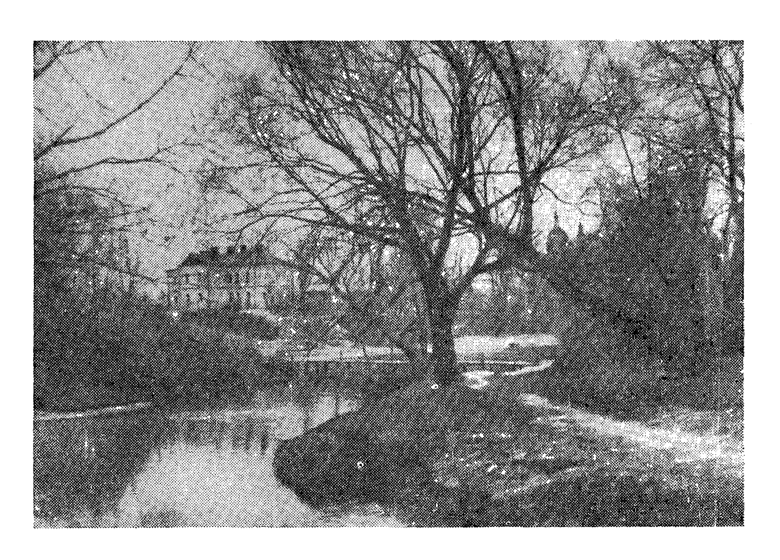
Авдотьино лежит словно на дне громадной чаши — в низине, со всех сторон окруженной лесами. Леса строгие и величественные, даже чуть-чуть мрачноватые. Солнцу приходится туго в их пахнущих вечной сыростью чащах, оно с трудом пробивается сквозь перепутанные кроны огромных деревьев. И совсем не вяжутся с этими суровыми стражами солнечные лужайки вокруг села и тихая серебристая речка с нежным и поэтичным названием Северка.

Низко склонились по обеим ее берегам столетние ивы. То целыми днями молчаливо глядятся они в зеркальные воды, то под легким порывом ветра неторопливо ведут понятный лишь им одним разговор.

И от этих раскидистых ив, протянувших свои гибкие руки от одного берега к другому, и от самой словно уснувшей реки, с отполированными камешками на дне и с бесчисленными стайками суматошных мальков, веет каким-то бесконечным покоем и умиротворенностью.

Но вот в голубом высоком небе прочеркивает свой четкий серебристый след реактивный самолет, вдали раздается хрипловатый гул трактора, а совсем рядом, на дороге, тяжелое дыхание засопевшей на подъеме машины — и век техники решительно врывается в мир тишины и покоя.

А потом опять все стихает, и снова кажется, что нет ничего на свете, кроме этих строгих лесов, кроме проз-

Авдотьино сегодня. Слева дом Н. И. Новикова.

рачных лужаек, согретых полуденным солнцем, кроме этой поражающей своей неповторимой красотой речки.

Вот в этом удивительном подмосковном уголке более двух столетий назад 27 апреля 1744 года и родился Николай Иванович Новиков — крупнейший общественный деятель XVIII века, выдающийся просветитель, талантливый писатель и журналист, неутомимый издатель и книготорговец.

Новико̀вы (свою фамилию они произносили с непременным ударением на втором «о», считая, что она происходит от слова «нови́к» — новобранец) принадлежали к старинному дворянскому роду. Когда-то их предки жили в Новгороде, Угличе и Рязани. В Подмосковье перебрались во времена Ивана Грозного в XVI веке.

Известно имя Андрея Меркурьева, сына Новикова (предка просветителя), который при царе Михаиле Федоровиче «был послан в Свияжск для принятия у дьяка Пятого Григорьева государевой казны, военных снаряжений и прочего и для исправления в том городе всяких дел заодно с воеводою князем А. П. Долгоруким».

Прапрадед Николая Ивановича Новикова имел поместье близ Коломны и был объезжим головою в Москве. Под его

началом находилась часть Белого города от Покровских до Яузских ворот. Как объезжий голова, он должен был предотвращать антиправительственные выступления, надзирать за общественным порядком, охранять владения от пожара, а население — от грабежей. Помогали ему в этом стрельцы, уличные сторожа и решеточные приказчики из посадских людей.

Прадед Новикова, свидетель петровских преобразований, участник похода против крымских татар, в 1700 году состоял стольником при сочинении нового Уложения. Правда, Уложение так и не появилось на свет, но имена тех, кто имел к нему отношение, навсегда вошли в историю.

Во времена Петра I начал службу и отец замечательного русского просветителя Иван Васильевич Новиков. Был он сначала корабельным секретарем во флоте, потом капитаном. В царствование императрицы Анны Ивановны определился воеводою в Алатор. При Елизавете Петровне стал статским советником, а потом ушел в отставку и поселился на постоянное жительство недалеко от Москвы в своем родовом имении Авдотьине-Тихвинском [1].

Уже тогда никто не мог точно сказать, с каких пор существовало это село. Даже в церковной летописи значилось просто: «с незапамятных времен».

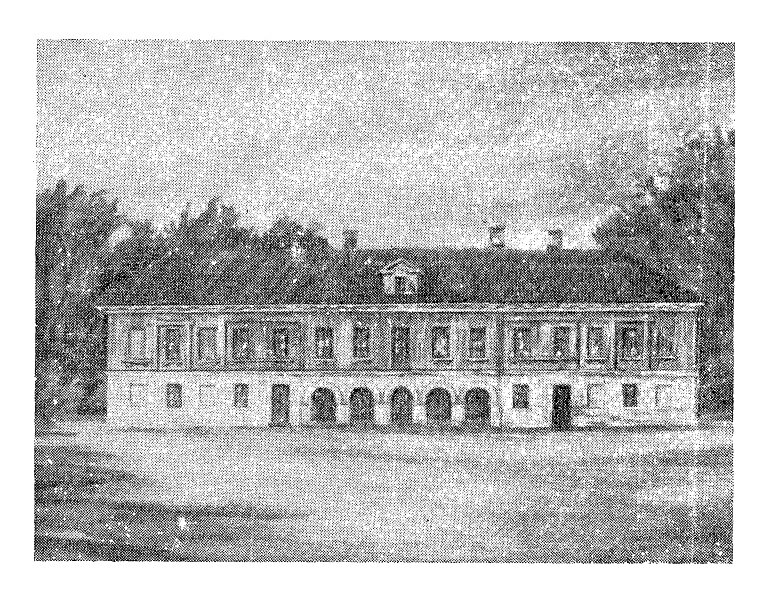
Что касается рода Новиковых, то им Авдотьино, по всей вероятности, принадлежало с XVI века, то есть с того самого времени, когда предки великого просветителя переселились в Подмосковье.

Название «Авдотьино» связано с именем Авдотья, которое носила жена одного из владельцев имения. Название «Тихвинское», как утверждает церковная летопись, происходит от храма Тихвинской божией матери. Правда, архитектор А. П. Витберг, навестивший Новикова незадолго до его смерти, придерживался другого мнения. Он писал, что село названо Тихвинским «по местечку близ Шлиссельбурга, где Новиков жил в величайшем уединении».

Трудно сказать, откуда появилась эта версия. Думается, сам Новиков тут ни при чем. Тем более, что в годы заточения он находился не «близ Шлиссельбурга», как утверждает Витберг, а в самой Шлиссельбургской крепости, и село называлось Тихвинским задолго до этой ссылки.

---

[1] Ныне это Ступинский район Московской области, в 20 километрах от станции Барыбино (с Павелецкого вокзала).

Дом в Авдотьине-Тихвинском, в котором родился Новиков (рисунок Б. С. Земенкова).

Между прочим, в XVIII веке название «Авдотьино», которое бытует в наши дни, употреблялось очень редко. По крайней мере в своих письмах Николай Иванович в обратном адресе всегда указывал «Тихвинское».

Итак, отец просветителя Иван Васильевич Новиков поселился в Авдотьине в царствование императрицы Елизаветы Петровны. Он был женат на Анне Ивановне Павловой — дочери гвардии капитана поручика Ивана Михайловича Павлова. У них были три сына и две дочери. Старший Андрей дожил лишь до 33 лет. Он умер в 1769 году, когда его брату Николаю было 25 лет, а младшему Алексею — 22. Имена дочерей Ивана Васильевича и Анны Ивановны неизвестны. Кажется, они были замужем и жили отдельно.

И. В. Новиков имел приличное для своего времени состояние: 700 душ крестьян в Мещевском и Бронницком уездах, поместье в Авдотьине да деревянный дом в Москве, недалеко от Серпуховских ворот. После смерти своего отца получила небольшое наследство и Анна Ивановна.

Детство Николая Ивановича Новикова прошло в кругу благочестивой помещичьей семьи на лоне сказочной среднерусской природы. Биографы говорят, что мальчиком он сильно отличался от своих сверстников, не любил шумных ребячьих игр, никогда не участвовал в драках, всегда был тих, робок и замкнут.

Без конца мог слушать маленький Коля «Жития святых». Примостится где-нибудь в уголке, укутает ноги старой шубейкой, сложит на коленях пухлые свои ручонки и глядит на отца задумчиво и серьезно. А потом заберется на теплую печь и, вдыхая терпкий аромат нагретого кирпича, унесется в своих мечтаниях в мир таинственный и прекрасный...

Но вот раздается громкий, недовольный голос отца и виноватый кого-то из прислуги. Мечты разлетаются, словно вспугнные воробьи. Мальчик с тоской и тревогой поглядывает на дверь: Иван Васильевич, упорно пытавшийся преподать своему малолетнему сыну уроки благонравия и терпимости, становился безжалостным и суровым, если, не дай бог, кто-то из дворовых не смог угодить ему.

Крутые расправы отца над крепостными крестьянами оставили в душе Новикова неизгладимый след. Даже много лет спустя он не мог без содрогания вспоминать об этих мучительных сценах, невольным свидетелем которых ему пришлось быть. И, вероятно, уже тогда в чувствительном сердце мальчика рождалось твердое убеждение о внесословной ценности людей: «В природе человеческой находится много такого, что внушает в нас истинное к нему почитание и искреннюю любовь»,— говорил он впоследствии.

Нести людям добро и радость — вот о чем мечтал Коля Новиков, укрывшись от разгневанного отца в самом дальнем углу их большого деревянного дома.

Бывали минуты, когда нестерпимо хотелось поделиться с кем-нибудь из близких своими мечтами и выслушать чей-то добрый совет. Но поговорить было не с кем. Отца он хотя и любил, но боялся. Мать не понимала застенчивого, нелюдимого сына. Со старшим братом дружба не клеилась. Не идти же к деревенскому дьячку, который с недавнего времени начал обучать его грамоте — читать, считать да писать? Дьяк хоть и добрый старик, но такой забитый, недалекий и набожный, что разговора все равно не получится. Достать бы такую книгу, где про все распи-

сано: и каким человек должен быть, и к чему обязан стремиться, и как научиться делать добро... Но где достанешь ее? Попросить бы отца — пусть привезет из Москвы. А что, если он разгневается?

Так и жил мальчик до 13 лет, опасаясь отцовского гнева и мечтая о настоящей учебе и книгах — друзьях и советчиках.

УЧЕНЬЕ — СВЕТ...

Можно представить безмерную радость Николая Новикова, когда в 1757 году родители неожиданно решили отправить своего сына в недавно открывшуюся гимназию Московского университета.

Университет, о котором мечтал еще Петр I, был создан по инициативе Михаила Васильевича Ломоносова в царствование дочери Петра — императрицы Елизаветы. До его открытия дворянская молодежь обучалась преимущественно дома: отцы и матери с большой неохотой отпускали избалованных своих деток из-под родительского крова. Иностранные языки, география, история, верховая езда, музыка, танцы — вот предметы, которые были наиболее популярны в то время. Причем предпочтение почти всегда отдавалось учителям-иностранцам. И мало кого настораживал тот факт, что среди них то и дело попадались бывшие кучера, лакеи да лекари: что за беда, если это французы, немцы или англичане?

Даже госпожа Простакова в бессмертной комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» нанимает для своего ненаглядного Митрофанушки француза Вральмана, платит ему 300 рублей в год (сумма по тем временам значительная) и сажает рядом с собою за стол. А Вральман-то в прошлом только кучер.

Другой герой Фонвизина — учитель Пеликан (в комедии «Выбор гувернера») когда-то был лекарем в богадельне. Он умеет «рвать зубы, вырезывать мозоли, но больше ничего».

А вот еще одно литературное свидетельство. У С. Т. Аксакова в незаконченной повести «Наташа» читаем: «Старая француженка мадам де Фуасье, не знавшая никаких языков, кроме французского, умела только ворожить на картах и страстно любить свою огромную болонку Азора... Шевалье де Глейхенфельд, нидерландский уроженец, «Мо-

рис Иванович», как его звала в доме прислуга, знал основательно два языка — немецкий и французский, неосновательно — латинский, да четвертый еще — составленный им самим из всех европейских языков и преимущественно из польского и других славянских наречий, потому что капитан служил в австрийской армии и много таскался по австрийским славянским владениям. Вот образчик его речи на этом составном языке. Хотел ли он назвать кого-нибудь глупым, он говорил: «Она имана свой глува шанки, прбата и слома», то есть он имеет в своей голове сено, траву и солому. Разговоры называл гаврианье, сказки — кишкерес, вора — двур, девушку — кобитка и пр. Сверх того, он был большой проказник, иногда называл барыню — баранина, притворяясь, что не умеет различать этих слов».

Или такой курьезный случай, но уже из жизни: говорят, к одному московскому дворянину нанялся чухонец, выдававший себя за парижанина, и научил детей его вместо французского чухонскому языку.

В середине XVIII века в огромном количестве стали появляться иностранные пансионы. Как и домашние учителя, лишь немногие из них давали глубокие и прочные знания своим питомцам. Да и чему мог научить русских дворянских отпрысков какой-нибудь французский комедиант Пьер Рено или учитель Эрье, считавший себя специалистом и в географии, и в политике, и в геометрии, и в фортификации, и в архитектуре?

Не случайно в указе об учреждении Московского университета говорилось: «Великое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых бóльшая часть не токмо учить науке не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют, и только... младые лета учеников и лучшее время к учению пропадает, а за учение оным бесполезно великая плата дается».

Открытие университета состоялось 26 апреля 1755 года. По распоряжению сената было освобождено трехэтажное каменное здание у Воскресенских ворот. Когда-то здесь размещалась дворцовая аптека. При Петре I в этом старинном здании находилась «австерия» — нечто вроде кофейни или кондитерской.

Теперь в «австерии» устроили университетскую залу. В восемь часов утра здесь собрались учителя и ученики. Приехали знатные гости. Все было залито светом. Гре-

мела музыка. Состоялась торжественная часть, затем подали роскошное угощение.

Целый день и почти всю ночь толпились люди возле Воскресенских ворот. Так праздновала Москва открытие своего университета.

В память об этом событии была отлита медаль. На одной ее стороне изображена императрица Елизавета, на другой — Кремль с башнями и храмами, Воскресенские ворота и здание университета — все в лучах восходящего солнца.

Николай Новиков, приехавший в Москву в 1757 году, не был свидетелем этих незабываемых событий, но знал обо всем из рассказов своих старших товарищей по гимназии.

Две гимназии — одна для дворян, другая для разночинцев — были учреждены вместе с открытием университета. Им предстояло готовить слушателей для трех университетских факультетов: юридического, медицинского и философского (кстати, в отличие от всех университетов мира, в Московском университете отсутствовал богословский факультет).

Вначале гимназии помещались у Воскресенских ворот. Но уже через год здесь стало тесно, и сенат приказал передать университету здание главной аптеки на Моховой. Во времена Новикова там размещались аудитории и столовая, а в старом здании у Красной площади находились общежития, библиотека, кабинеты, лаборатории, книжная лавка и типография.

Книжную лавку содержали немцы Вевер и Школярий. Русских книг в ней не было: одни только немецкие и французские издания. Правда, кроме книг здесь продавались микроскопы, телескопы, математические инструменты английской работы, глобусы, рисовальные книги и т. д. Новиков иногда захаживал в эту лавку, наблюдал, как идет торговля.

Отсюда мальчик обычно шел на Никольскую. Мимо Никольского монастыря к Печатному двору. В этой типографии, созданной еще при Иване Грозном, была издана одна из первых русских печатных книг, вызвавшая в свое время бурю негодования у реакционного боярства и духовенства. И каждый раз 13-летний гимназист с некоторым страхом вспоминал трагическую судьбу создателей «Апостола»: Иван Федоров и Петр Мстиславец, несмотря на

покровительство царя, вынуждены были покинуть родину и жить на чужбине. «Неужели таков жребий всех издателей книг на святой Руси?» — думал мальчик.

Но тут он вспоминал о Славяно-греко-латинской академии, мимо которой только что проходил. Здесь когда-то учились М. В. Ломоносов, А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский. Теперь они прославляют Россию своим трудом и талантом. Новиков успокаивался и уже тверже ступал по деревянному настилу Никольской. Он с любопытством заглядывал в лавки, встречавшиеся на его пути, в какой-нибудь из них покупал горячий бублик с маком, на минутку задерживался перед самым большим на Никольской улице особняком Шереметевых и вдруг решительно поворачивал на весело шумевший неподалеку «толкучий» рынок.

Побродив немного по рынку, отправлялся к себе на Серпуховку, где в приходе Екатерины-мученицы находился небольшой пятикомнатный дом Новиковых. После шумной и благоустроенной Никольской он попадал на тихую московскую окраину: грязные, немощеные улицы, маленькие домишки, утопавшие в садах, бесчисленные сараи, амбары, конюшни, погреба.

Неподалеку от дома проходил земляной вал с воротами на Серпуховской дороге и знаменитой церковью Вознесения по соседству. В окрестностях располагалось несколько постоялых дворов, харчевен, питейных заведений, погребов для продажи вина, бань, кузниц. Все это было хорошо знакомо гимназисту Николаю Новикову, хотя большую часть времени он проводил на Моховой.

В ту пору на месте так называемого «старого» здания университета, построенного М. Ф. Казаковым и восстановленного после пожара 1812 года Д. И. Жилярди, стояла церковь Георгия на Красной горке с кладбищем. Ближе к современной улице Горького располагался двор С. Годунова. На месте «нового» университетского здания, воздвигнутого по проекту Е. Д. Тюрина, находился двор князей Репниных. Рядом с ним располагались дворы Пушкиных, предков великого поэта, и князей Прозоровских. Напротив, на месте Манежа, была площадь.

Об учебе Новикова в университете известно очень мало. Мы знаем только, что в 1758 году его имя значилось в списке учеников, достойных награды, и три года находилось в росписи гимназистов французского класса.

Надо полагать, что, хотя дворянская гимназия выгодно отличалась от разного рода частных пансионов, обучение в ней поначалу тоже было не на высоте. Вот что рассказывает, например, один из первых питомцев университетской гимназии, Денис Иванович Фонвизин.

Предстоял экзамен по латинскому языку. Гимназисты были в отчаянии: в премудростях латыни они разбирались слабо. Но вот накануне экзамена преподаватель собрал их в одной из аудиторий и, плотно прикрыв за собой дверь, начал загадочный разговор.

— Ну-ка, господа,— сказал он,— посчитайте, сколько пуговиц на моем кафтане?

— Пять! — удивленно, но дружно ответили гимназисты.

— Верно. А теперь скажите, сколько пуговиц у меня на камзоле? — учитель подошел поближе, чтобы его воспитанники могли лучше разглядеть камзол.

— Четыре! — весело зашумели ребята.

Учитель решительно ударил кулаком по столу и заговорил важно, отчеканивая каждое слово:

— Извольте, господа, слушать все, что стану говорить. Пять пуговиц на моем кафтане — это пять латинских склонений. Ясно? Четыре пуговицы на моем камзоле — это четыре спряжения. Ясно?

— Ясно, ясно! — снова оживились ребята.

Учитель поднял палец, требуя тишины. Воспитанники его тут же смолкли.

— Завтра экзамен. И я хочу, чтобы вы его сдали. Поэтому слушайте меня внимательно. Когда вас станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого оно склонения, не гадайте зазря, а примечайте, за которую пуговицу я возьмусь. Ежели за вторую пуговицу на кафтане, то смело отвечайте, второго, ежели за третью — третьего. Ясно?

— Ясно! Ясно!

— Со спряжениями поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете.

Говорят, экзамен латинского языка прошел превосходно. Гимназисты отвечали бойко и без ошибок. Доверчивые экзаменаторы были довольны, а «находчивый» преподаватель с удовольствием рассказывал эту историю своим друзьям и знакомым.

Д. И. Фонвизин вспоминает и другой забавный случай. «Тогдашний наш инспектор,— пишет он,— покровитель-

ствовал одного немца, который принят был учителем географии. Учеников у него было только трое. Но как учитель наш был тупее прежнего латинского, то пришел на экзамен с полным партищем пуговиц, и мы, следовательно, экзаменованы без всякого приготовления. Товарищ мой спрошен был: «Куда течет Волга?» — «В Черное море»,— отвечал он. Спросили о том же другого моего товарища. «В Белое»,— отвечал тот. Сей же самый вопрос сделан был мне. «Не знаю»,— сказал я с таким видом простодушия, что экзаменаторы единогласно мне медаль присудили».

Неизвестно, случалось ли что-нибудь подобное в классе, в котором учился Николай Новиков. Наверное, случалось. Ведь недаром в одном из писем, напечатанном 10 лет спустя в новиковском «Живописце», говорится: «...всего удивительнее, что вы, не зная ни по-французски, ни по-немецки, следовательно, по одному природному разуму и остроте, не заимствуя у чужестранных писателей, пишете такие листочки, которые многим вкус знающим людям нравятся». В 1815 году, уже незадолго до смерти, сам Новиков писал Н. М. Карамзину: «...не забывайте, что с вами говорит невежда, не знающий никаких языков, не читавший никаких школьных философов».

Конечно, нельзя на основании этих высказываний делать далеко идущие выводы, тем более, что всем известно — Новиков был одним из самых культурных людей своего времени. Но какая-то доля правды в отношении его первоначального образования здесь, несомненно, есть.

В те времена родители сами отвлекали своих детей от науки. То и дело отъезжали от Воскресенских ворот кареты, увозившие барчуков то на именины, то на крестины, а то и просто так. А потом выяснялось, что иные гимназисты за весь год проучились только 30 или 40 дней.

Директор умолял кураторов университета (директор подчинялся двум кураторам, непосредственно связанным с императорским двором) не давать отпусков иначе, как во время каникул. Но разве могли они совладать с каким-нибудь графом Шереметевым или князем Долгоруким? Не помогали и черная доска, на которую заносились имена прогульщиков, и даже карцер, куда сажали провинившихся в конце каждого месяца.

Тогда «за леность и нехождение в классы» стали исключать из университета. Чтобы не повадно было другим, имена исключенных печатали в «Московских ведо-

мостях» рядом с сообщениями обо всех интересных событиях, происходивших в России и Западной Европе, рядом с указами и другими правительственными материалами.

В 1760 году в одном из номеров «Московских ведомостей» появилась и фамилия Новикова, между прочим, рядом с именем Г. А. Потемкина — впоследствии известного екатерининского вельможи.

Почему Николай Новиков не закончил гимназии, точно не известно. Скорее всего, из-за болезни отца он вынужден был подолгу оставаться в Тихвинском, и гимназическое начальство потеряло терпение...

ПЕРЕВОРОТ

Надо было решать, что делать дальше. На Анну Ивановну рассчитывать особенно не приходилось: на ее плечах лежали заботы по имению, и ей было не до сына. К тому же Николай с самого детства был далек от матери, а сейчас, несколько повзрослев, при всей искренней сыновней любви к ней тем более понимал, что люди они абсолютно разные и едва ли смогут жить под одной крышей.

«Поеду в Петербург!» — решил юноша и отправился в лейб-гвардии Измайловский полк, солдатом которого, по обычаям того времени, был записан с самого детства и где числился в отпуску до совершеннолетия.

Картины одна заманчивее другой рисовались ему в пути. Он видел себя блестящим гвардейским офицером, в парадном мундире, среди друзей и единомышленников. Что-то таинственное и привлекательное было и в самом городе, в котором предстояло служить. Неизвестность и надежда будоражали воображение. Будущее представлялось светлым и прекрасным.

Но в действительности все оказалось иным. Петербург встретил Новикова пронзительным ветром, изморосью и свинцовыми тучами. Юноша чувствовал себя беспомощным и одиноким в этом великолепном, холодном и чужом городе.

А потом началась служба, но совсем не такая, какой она представлялась в мечтах: учения с утра до вечера в любую погоду, тоскливые часы караула, очистка канав и улиц, бессмысленные распоряжения командиров. Никаких

развлечений, никакой умственной жизни. И так шесть месяцев подряд...

Правда, летом 1762 года все круто изменилось. Но прежде чем говорить об этих событиях, нам придется перенестись на 30 с лишним лет назад из Петербурга в немецкий город Штетин. Там 21 апреля 1729 года в обедневшей княжеской семье родилась дочь София Фредерика Августа. Она росла обыкновенной, ничем не примечательной девочкой. Когда ей исполнилось 15 лет, княжна Ангальт-Цербская вместе с матерью получила приглашение приехать в Россию.

Двоюродный брат Иоганны Елизаветы, матери Софии Августы, герцог Карл Фридрих был женат на младшей дочери Петра I Анне. Императрица Елизавета, у которой не было своих детей, решила подыскать наследнику русского престола, своему племяннику Петру Федоровичу, достойную невесту. После бурных обсуждений выбор пал на Софию. София, не колеблясь и не раздумывая, согласилась: она не рассчитывала на столь блестящую партию. Правда, в детстве один каноник в Брауншвейге предсказал ей великое будущее. «На лбу вашей дочери,— сказал он матери,— я вижу три короны». Но мало ли что предсказывают каноники!..

Императрица Елизавета Петровна встретила своих гостей с пышностью необыкновенной. Она отвела им роскошные апартаменты, назначила целый штат придворных «Мы живем, как королевы»,— писала княгиня мужу в Штетин, хотя вскоре затем, перессорившись со всем двором, вынуждена была вернуться домой.

София осталась в России. Внимательно приглядывалась она к своему окружению, пытаясь проникнуть в тайный смысл дворцовых взаимоотношений. Чтобы понять русскую жизнь, начала изучать русский язык, русские обычаи и нравы и делала все это с редким упорством и целеустремленностью.

27 июля 1744 года в Успенском соборе Московского Кремля под торжественный перезвон колоколов штетинская гостья обручилась с русским наследником престола (в этот день Николаю Новикову исполнилось ровно 3 месяца). Через год состоялось бракосочетание. София Фредерика Августа приняла православную веру и была наречена Екатериной.

Жизнь ее в чужой стране была на первых порах без-

радостной. Петр Федорович оказался тупым, невежественным и грубым солдафоном. Круг его интересов был резко ограничен. Иногда, не зная, чем заняться, он часами бродил по комнатам и хлопал кучерским кнутом. А то вдруг начинал немилосердно упражняться на скрипке, а потом, забросив ее, отправлялся в лакейскую играть в солдатики. Екатерину Петр Федорович не любил, был в обращении с нею дерзок и раздражителен. И все же, окруженная неблагожелательными слугами, вдали от родных и близких, молодая женщина не падала духом. Она занялась самообразованием, начала бурную переписку с французскими просветителями.

Историки утверждают, что всегда веселая и остроумная Екатерина, не блиставшая красотой, была интересна и привлекательна в обществе. Она делала все возможное, чтобы найти себе друзей и единомышленников, и не жалела для этого никаких средств: на подарки шли все ее сбережения. А где «нельзя было взять лаской, там брала она твердостью, упорством, угрозой... и многое узнавала прежде тех, кому это следовало знать»,— пишут ее биографы. Страстная мечта о власти и славе была важной пружиной деятельности «Семирамиды Севера», как впоследствии ее льстиво величали царедворцы.

В декабре 1761 года умерла Елизавета Петровна. На русский престол вступил муж Екатерины — Петр III. Неожиданно для всех он начал свое правление весьма либерально: вернул всех опальных (впрочем, так поступали, придя к власти, и другие русские владыки), издал указ о «вольности дворянской», уничтожил тайную канцелярию, ведавшую политическими преступлениями.

Но этим все и ограничилось. Очень скоро обнаружились «нерусские» симпатии императора, что прежде всего отразилось на армии, которая стала срочно перестраиваться на прусский манер. Затем Петр III вопреки национальным интересам России прекратил военные действия против Пруссии в Семилетней войне (1756—1763) и, заключив союз с недавними врагами, отказался от всех завоеваний. Он так преклонялся Фридриху II, что постоянно носил в перстне его портрет. Большой портрет прусского короля висел рядом с кроватью Петра III. Даже мундир русского императора был прусского покроя.

Вот что писал о личной жизни мужа Екатерины адъютант главного начальника полиции Н. А. Корфа — А. Т. Бо-

лотов, не раз наблюдавший Петра III и его окружение: «Не успеют, бывало, сесть за стол, как загремят рюмки и бокалы, и столь прилежно, что, вставши из-за стола, сделаются иногда все, как маленькие ребяточки, и начнут шуметь, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущие. А однажды, как теперь вижу, дошли до того, что вышедши с балкона прямо в сад, ну играть все тут на усыпанной песком площадке, как играют маленькие ребятки; ну все прыгать на одной ножке, а другие согнутым коленом толкать своих товарищей...»

Любовными похождениями, особенно открытой связью с графиней Елизаветой Воронцовой, и шумными пирушками императора возмущался весь Петербург. Выражала свое недовольство и жена, которую Петр III то собирался оставить, то грозился заключить в монастырь, то намеревался заточить в Шлиссельбургскую крепость. «Екатерина знала,— пишет историк,— что рано или поздно погибнет, если не попытается разделаться с мужем». Так при дворе возник заговор против императора.

Уже в начале лета 1762 года заговорщики были готовы к выступлению и ждали только подходящего случая. Вскоре случай такой представился: был арестован капитан Пассек — один из противников Петра III. Всем стало ясно: медлить больше нельзя.

Рано утром 28 июня в Петергофе в покоях Екатерины (она занимала павильон «Монплезир» — в прошлом личный дворец Петра I) неожиданно появился рослый гвардейский офицер.

— Ваше величество, пора вставать,— обратился он к Екатерине спокойным деловым тоном.— Все готово для вашего провозглашения.

— Что? — не поняла она.

— Пассек арестован,— отвечал ей гость, в котором она узнала наконец одного из братьев Орловых — Алексея.

Екатерина поспешно оделась. Села в карету. Граф Орлов устроился на козлах, другой офицер — В. И. Бибиков — поместился у дверей. Орлов погнал лошадей. За пять верст до Петербурга, когда лошади уже начали выбиваться из сил, их встретил Григорий Орлов.

Екатерина с большим трудом скрыла охватившую ее радость. Воспитанник сухопутного кадетского корпуса 27-летний красавец Григорий Орлов недавно стал ее любовником. Оттого, что он оказался рядом в такую минуту,

Екатерина почувствовала новый прилив энергии и уже не сомневалась в успехе.

В седьмом часу утра достигли гвардейских казарм, располагавшихся в предместьях столицы. Сначала отправились в Измайловский полк, в котором давно вели агитацию братья Орловы и их друзья офицеры. Командир полка, последний гетман Украины, младший брат Алексея Григорьевича Разумовского — певчего украинской капеллы, ставшего супругом Елизаветы Петровны, Кирилл Григорьевич Разумовский тоже был в числе заговорщиков.

В то знаменательное утро солдат Николай Новиков стоял на карауле у подъемного моста, перекинутого через ров, окружавший казармы. Появление Екатерины было для него неожиданным: он лишь мог догадываться о предстоящих событиях — солдаты не принимали активного участия в перевороте.

Екатерина прошла мимо: часовой не привлек ее внимания. Не очень высокий, уже полнеющий, бледнолицый, с огромным покатым лбом, мягко очерченным подбородком и умными темными глазами, он не произвел на нее впечатления. Могла ли предположить тогда новоявленная императрица, что через семь лет этот человек станет одним из самых популярных в России и доставит ей самой немало хлопот и тревог?

А события того дня шли своим чередом. Стоило появиться Екатерине, как весь лагерь был уже на ногах. Измайловцы радостно приветствовали свою «избавительницу». Она произнесла речь, прося защиты для себя и сына Павла. Затем пришел полковой священник с крестом: гвардейцы присягнули новой императрице.

Екатерина села в карету и поехала дальше — в казармы Семеновского полка. Семеновцы прокричали «ура!» и последовали примеру измайловцев. Потом Екатерине присягнули преображенцы, конная гвардия и артиллерия.

После этого в окружении гвардейцев она отправилась в Казанский собор, где ее встретили архиепископ Димитрий и высшее духовенство. Екатерину официально объявили императрицей, а великого князя Павла Петровича наследником престола. Около десяти часов вечера Екатерина выступила против Петра III. Она была в гвардейском мундире Преображенского полка, в шляпе, украшенной дубовыми листьями. Из-под шляпы на плечи спускались красивые длинные волосы.

Надо полагать, что Николай Иванович Новиков вместе с однополчанами участвовал в этом знаменитом походе на Петергоф и обратно. Рядом с ним были конной гвардии вахмистр Г. А. Потемкин и рядовой Преображенского полка, будущий известный русский поэт Гавриил Державин.

6 июля Екатерина обнародовала манифест, в котором объясняла, почему произошел переворот и как она собирается править. Императрица готовилась быть либеральной. «Самовластье,— говорила она в манифесте,— не сдерживаемое в государе, царствующем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным последствиям непосредственно бывает причиной». Но обещания Екатерины так и остались на бумаге. Правда, интересы дворян она всегда усердно отстаивала.

После отречения Петра III от престола императрица решила отблагодарить людей, которые помогли ей захватить власть. Все видные участники событий 28 июня были щедро награждены — получили повышения по службе, а военные, кроме того, придворные чины, имения и денежные награды. Монаршьи «милости» перепали и Новикову: он был произведен в унтер-офицеры.

При Екатерине военная служба из тяжелой и изнурительной, какой она была недавно, превратилась в веселое и приятное времяпрепровождение. «В гвардии,— пишет один из историков,— празднества сменялись празднествами. Офицеры старались превзойти друг друга в роскоши и безумных кутежах. Жить на широкую ногу, держать карету и по крайней мере четверку лошадей, роскошную квартиру и массу прислуги было для каждого из них почти обязательно. Бедные, боясь навлечь на себя презрение товарищей, тянулись за богатыми и впадали в долги. О службе мало кто думал. Императрица смотрела сквозь пальцы на служебные упущения, а между тем в полках происходили подчас такие злоупотребления, что «если бы их изобразить,— говорит в своих записках А. Т. Болотов,— то потомки наши не только бы стали удивляться, но едва в состоянии были поверить».

Очень часто бывало, что солдаты в полках вместо учений занимались приготовлением иллюминаций: генералы почему-то обожали фейерверки. Для удовольствия командиров создавались музыкальные и певческие хоры. На все это шли казенные деньги.

Судя по всему, Н. И. Новиков устоял от соблазнов светской жизни. Его друзья проводили дни и ночи в кутежах и дружеских пирушках, а он все свободное время отдавал учебникам и книгам, пытаясь хоть немного наверстать упущенное. С большим удовольствием посещал молодой гвардеец, который и сам пописывал стихи, литературные вечера, устраиваемые Екатериной в Эрмитаже.

В эти годы Новиков начал пробовать свои силы и на издательском поприще. В 1766 году он напечатал две книги в библиотеке Академии наук. Тогда же им был выпущен «Дух Пифагоров, или нравоучения его, состоящие в золотых стихах». В архивных делах 1-го кадетского корпуса сохранились ведомости от 5 ноября о напечатании «на счет гвардии Измайловского полка каптенармуса Николая Новикова» на собственной его бумаге 1000 экземпляров этой книги.

В предисловии, не называя себя, издатель пишет, что нашел «сие сочинение у некоторого приятеля между старыми тетрадями без имени переводчика» и, «рассмотря его превосходство, принял попечение выправить находящиеся в нем погрешности и потом выдать его в свет для пользы и увеселения общества, которое само разберет, стоит ли оно внимания».

Так в 22-летнем юноше пробуждается интерес к книжному делу, который захватит его на всю жизнь и определит характер всей его будущей деятельности. Пройдет немного времени, и он «заболеет» книгой прочно и надолго. Дорогу его книгоиздательскому поприщу проложат сатирические журналы. Большое значение для выбора жизненного пути будет иметь также еще одна страница биографии Новикова.

ДЕРЖАТЕЛЬ ДНЕВНОЙ ЗАПИСКИ

Молодой унтер-офицер не зря просиживал над книгой ночи напролет. Очень скоро начитанный и широкоэрудированный в самых различных областях, он стал выделяться среди сверстников, которые превосходно разбирались лишь в трех вещах — в вине, женщинах и лошадях. Николай Новиков и в том, и в другом, и в третьем был не силен, но удивлял своими познаниями в современных философских течениях, в истории и географии, литературе и

искусстве. Бывало, он терялся в легкой светской беседе, краснел и смущался, разговаривая с дамами, но с людьми умными и образованными чувствовал себя превосходно, становился смел и красноречив.

И нет ничего удивительного в том, что когда в 1767 году надо было послать в Москву нескольких самых образованных гвардейцев для занятий письмоводством в комиссии депутатов для составления нового Уложения, то в их числе оказался и Новиков. Что же это была за комиссия и как она возникла?

Придя к власти, Екатерина очень скоро убедилась, что легче захватить трон, чем удержаться на нем. Первое время она постоянно жила под страхом отставки и нового переворота. Боясь нажить себе врагов, императрица была со всеми доброжелательна и любезна, каждого, кто того хотел, принимала и выслушивала. Немного привыкнув к своему положению и осмотревшись, Екатерина решила, что главным препятствием в осуществлении ее планов является отсутствие подходящего законодательства. Конечно, не надо было обладать большим государственным умом и прозорливостью, чтобы понять это: ведь Россия в середине XVIII века продолжала жить Соборным уложением 1649 года. Со времен царя Алексея Михайловича прошло более 100 лет, в стране произошли коренные изменения, Русь пережила бурную Петровскую эпоху, а законодательство оставалось прежним. Соборное уложение обросло массой разнообразных указов и тормозило проведение в жизнь тех или иных начинаний.

Все ждали нового свода законов, понимали его необходимость, и Екатерина воспользовалась этим настроением. Она издала указ о борьбе со взяточничеством, ростовщичеством, мотовством, в интересах дворянства учредила Вольное экономическое общество и начала генеральное межевание для упорядочения помещичьего землепользования, открывшее еще бо́льшие возможности для его расширения, и, наконец, решила созвать комиссию для составления нового Уложения.

Для этой комиссии Екатерина написала «Наказ». «Наказ» не был оригинальным произведением императрицы: она скомпоновала его из трудов западноевропейских философов и правоведов, беззастенчиво обворовав французских просветителей. Так, почти половина статей «Наказа» была извлечена ею из книги Монтескье «О духе законов».

Екатерина вдохновенно говорила о всеобщем блаженстве, гуманизме, правах личности, взаимном доверии между правительством и народом, утверждала необходимость просвещения. Но каждому было ясно, что цель императрицы состоит лишь в том, чтобы укрепить самодержавную власть и крепостное право перед лицом растущего недовольства крестьян.

«В течение 1760-х годов,— пишет академик Н. Дружинин,— одновременно были охвачены волнением 100 тысяч крестьян церковных имений, 100 тысяч крестьян, приписанных к горным заводам, и 50 тысяч крестьян помещичьих имений; массовое волнение наблюдалось и в районах южных однодворческих поселений. Волнения охватили обширную территорию центральных и восточных губерний. Это были массовые протесты нового типа: в отличие от крестьянских бунтов XVII и начала XVIII столетий, которые явились борьбой против процесса закрепощения, волнения церковных, приписных и помещичьих крестьян 1760-х годов были борьбой против феодальной эксплуатации, осложненной новыми капиталистическими отношениями. Это была первая волна крестьянского протеста, который в результате усилившегося прибоя привел к крестьянской войне 1773—1775 годов и сохранил свои характерные черты до самой отмены крепостного права».

Восстание на уральских заводах приняло такие размеры, что для усмирения рабочих пришлось послать войска и пустить в ход пушки. Феодальная система в России заколебалась, и Екатерина срочно созвала свою знаменитую комиссию.

460 депутатов от разных областей страны собрались в древней русской столице Москве. Они привезли с собой и представили на обсуждение местные наказы — от дворян, купцов, духовенства, государственных крестьян. В отличие от местных екатерининский проект называли «Большим наказом».

Перед открытием комиссии 30 июля 1767 года в Успенском соборе Кремля состоялся торжественный молебен. Екатерина приехала в карете, запряженной восьмеркой лошадей, в императорской мантии, с малою короной на голове. Ее сопровождали придворные в 16 парадных экипажах и взвод кавалергардов под командой Григория Орлова. Из Чудова монастыря явились депутаты во главе с генерал-прокурором князем А. А. Вяземским. Представи-

тели христианской веры вошли в собор, иноверцы остались на улице.

В своей хвалебной проповеди тверской епископ заявил, что в «сем... обществе спокойствие, тишина, безопасность... насаждается», и призвал депутатов выработать такие правила, которые «удержали бы народ от предерзости на закон».

Эта его мысль целиком соответствовала духу манифеста от 14 декабря 1766 года «Об учреждении в Москве комиссии для сочинения нового Уложения и о выборе в оную депутатов», где говорилось: «Депутатов... мы созываем не только для того, чтоб от них выслушать нужды и недостатки каждого места, но... чтобы видеть нам законы в своей силе и почтении, а правосудие в действии».

Так с самого начала были установлены определенные рамки в работе комиссии, открытие которой произошло после молебна и подписания присяги в Кремлевском дворце.

На следующий день состоялось первое заседание. В Грановитой палате Кремля поставили скамейки, обитые красным сукном, с пюпитрами для письма и четыре «налоя» из красного дерева — кафедры для ораторов. Посредине торжественно возвышался императорский трон. Но Екатерине хотелось понаблюдать за депутатами со стороны, не смущая их своим присутствием, и ей соорудили особое секретное место, откуда она могла следить за ходом прений.

Работа законодательных комиссий началась с чтения «Большого наказа». Вот что писал о нем великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин: «Наказ» ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами; но, перечитывая сей лицемерный «Наказ», нельзя воздержаться от праведного гнева». Так отзывался о «Наказе» поэт. Но большинство депутатов приняло это творение императрицы почти с восторгом.

Затем началось обсуждение местных наказов, привезенных депутатами. Вот тут-то и вышли наружу жестокие внутренние противоречия, терзавшие Русское государство. Интересы различных социальных слоев были настолько антагонистичны и столкнулись так остро, что достигнуть какого-то соглашения или компромиссных решений в большинстве случаев оказалось практически невозможно.

Купеческие депутаты хотели, например, добиться, чтобы их сословию разрешили владеть крепостными крестьянами. Этого же требовали казаки и духовенство. Против них ополчились дворяне, которые пытались закрепить свои старые права и приобрести новые. Они требовали отмены петровской «Табели о рангах», открывавшей людям недворянского происхождения возможность стать потомственными помещиками по службе. Дворянские депутаты ставили также вопрос о том, чтобы помещикам «позволено было продавать кто где захочет земские деревень своих продукты, заводить и содержать фабрики и мануфактуры, вступать во внешние и внутренние валовые и мелочные торги и предпринимать всякие промыслы».

От крепостных крестьян депутатов не было. Их интересы отстаивать было некому.

Николай Иванович Новиков, как свидетельствуют документы, в комиссии по составлению нового Уложения вел Дневные записки по седьмому из 19 его отделений — «о среднем роде людей». Кроме того, в его ведении находился журнал общего собрания депутатов, который он читал при докладах императрице.

Теперь Екатерина и Новиков были знакомы лично. Императрица сразу же оценила умного, добросовестного и скромного делопроизводителя. Правда, бывали минуты, когда взгляд его черных глаз казался ей чересчур проницательным, а в ровном, бесстрастном голосе слышался еле сдерживаемый гнев. Но Екатерина не придавала этому большого значения: молодого гвардейца в комиссии окружали люди, на которых она вполне могла положиться: князь Михаил Щербатов, Семен Нарышкин, князь Иван Вяземский, Михаил Степанов, граф Эрнст фон Миних.

Первое заседание комиссии «о среднем роде людей» от 23 октября 1767 года занесено в Дневную записку Александром Дурново. С 24 октября ее подписывает «держатель Дневной записки Николай Новиков». В продолжение 1767—1768 годов с ним чередовались Федор Шишков, Михаил Лыков и Петр Соймонов.

В Дневную записку вносились фамилии участников заседания, указывалось, сколько времени занимали те или другие дела, кто из депутатов выступал, что и по какому поводу говорил.

Вот, к примеру, запись, сделанная Николаем Новиковым 26 февраля 1768 года: «... г. член комиссии князь Ми-

хайло Щербатов предлагал в рассуждение собранию о женитьбе крепостным людям на вольных девках и чтоб оные по смерти своих мужей могли оставаться опять свободными; також и о том, что всякий помещик не должен престарелых и увечных людей отпускать на волю для того, чтобы оные люди по немощи своей на воле не могли быть без пропитания, чему протчия Господа члены и не противуречили...»

Екатерина II была недовольна работой комиссии по составлению нового Уложения. На исходе января 1768 года, опасаясь, как бы острота обсуждения наказов не дошла до широких народных масс, она перевела депутатов поближе к себе — из Москвы в Петербург, а в конце года под предлогом войны с Турцией вообще распустила их на неопределенный срок.

Еще раньше, в марте, закончила свою работу комиссия «о среднем роде людей», в которой был Новиков. Она внесла целый ряд серьезных предложений. Примечательно, что только они одни вошли впоследствии в русское законодательство.

Комиссия по составлению нового Уложения просуществовала полтора года и провела 203 заседания. К концу работы в нее входило 564 депутата. Практических результатов от их деятельности почти не было, но общественная жизнь России заметно всколыхнулась. Одни поверили в возможность перемен, другие почувствовали себя крупными деятелями, третьи испугались нововведений и решительно подняли голоса в защиту «старины». А некоторые... Некоторые решили бороться до конца. Бороться за правду и справедливость. Первым среди них был 24-летний Николай Новиков — «держатель Дневной записки» в комиссии «о среднем роде людей», где он получил обильный материал для глубоких размышлений над судьбами русского народа, для выяснения своих симпатий и антипатий, для определения своего места в жизни.

Снова, как 8 лет назад, перед Новиковым встал вопрос, что же делать дальше. Уйти в отставку и стать образцовым помещиком? Теперь у него для этого были все возможности: он получил наследство. Ему и брату Алексею досталось около 400 душ крестьян, родовое имение Авдотьино-Тихвинское и дом в Москве. Открывалась перед Новиковым и другая дорога — можно было остаться в армии. Он стал уже прапорщиком и мог рассчитывать на военную

карьеру. И то и другое обеспечивало спокойную жизнь. Но молодой человек избрал третий путь — полный трудностей, душевных мук и невзгод, тернистый путь журналиста.

РОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Днем рождения русской журналистики принято считать 2 января 1703 года. В этот день по указу Петра I вышла из печати первая русская газета «Ведомости о военных и иных делах...».

До этого в Москве существовала рукописная газета — «куранты», или «столбцы», которые читались царю и его приближенным. Основное содержание «курантов» составляли описания военных, экономических и политических событий, различных приемов и церемоний, необыкновенных случаев. По внешнему виду это были длинные, в несколько метров, узкие листы бумаги, на которых писали «столбцом».

Эти самые «куранты» и легли в основу первой печатной русской газеты. До 1711 года она издавалась только на московском Печатном дворе, с 1711 по 1790 год печаталась и в Москве и в Петербурге, затем только в городе на Неве. В редактировании газеты принимал участие сам Петр. Сохранилось несколько номеров с его поправками. Газета была маленького формата, в восьмую долю листа, и состояла из нескольких страниц. «Ведомости» рассказывали о международной и внутренней жизни России, печатали письма дипломатов и реляции о русских победах.

Вслед за этой газетой стали выходить «Санкт-Петербургские ведомости», просуществовавшие вплоть до Октябрьской революции. В 1756 году при Московском университете начали издаваться «Московские ведомости».

За год до этого появился первый русский журнал — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Он помещал научные статьи по истории, географии, экономике и статистике России. Редактором журнала был академик Г. Ф. Миллер, но идея издания принадлежала М. В. Ломоносову.

В 1759 году увидели свет еще два журнала: один выходил при Шляхетском сухопутном корпусе в Петербурге — «Праздное время, в пользу употребленное», другой

несколько позднее стал издавать А. П. Сумароков. Это была «Трудолюбивая пчела». Первый журнал просуществовал два года, второй — год.

В начале 60-х годов инициатива перешла к москвичам. Первым московским журналом было «Полезное увеселение» М. М. Хераскова. Его продолжением стал «Свободный час». Оба издания печатали повести и рассказы, стихи и поэмы, защищали добродетель и обличали пороки. Никаких острых социально-политических проблем, разумеется, не ставили.

Почти одновременно с журналами Хераскова выходили два других издания — «Невинное упражнение» И. Ф. Богдановича и «Доброе намерение» В. Д. Санковского. Издание профессора истории И. Рейхеля «Собрание лучших сочинений к распространению знаний и к произведению удовольствия» было рассчитано на купечество. В этом журнале принимал активное участие Д. И. Фонвизин.

В 1765 году огонь русской журналистики неожиданно погас. «Мертвый» сезон продолжался 4 года, пока не появился журнал «Всякая всячина». Официальным редактором был объявлен секретарь Екатерины II Г. В. Козицкий. На самом деле изданием руководила сама императрица. Оппозиционные настроения, возникшие во время обсуждения крестьянского вопроса в комиссии по составлению нового Уложения, сильно напугали Екатерину, и она хотела направить общественную мысль в нужное ей русло. «Всякая всячина» защищала умеренную абстрактно-литературную морализирующую сатиру.

То, о чем она рассуждала, как правило, не имело никакого отношения к русской жизни. Материал брался в основном готовый — из зарубежных сатирических журналов. И бродили по страницам «Всякой всячины» безликие щеголи и невежды, сплетники и моты, скряги и неряхи. «Многие молодые девушки чулков не вытягивают,— глубокомысленно рассуждал журнал,— а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут; через то подымают юбку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего».

Жизнь народа Екатерину не интересовала. Зато на все голоса восхваляла она деньги и богатство:

Можно ли нищенство
Деньгам предпочесть?
Деньги — лучшее средство
В свете все обресть.

Деньги в честь выводят...
Где богач идет,
Путь открыт свободный...

И в заключение:

...Это есть бесспорно:
Деньгам все покорно.
Все находим в них.

Очень метко определил характер «Всякой всячины» журнал Чулкова «И то и сё»: «Ты исправила грубые наши нравы и доказала нам, что надобно обедать тогда, когда есть захочется. Твоя философия научила нас и тому, что ежели кто не имеет лошади, то тот непременно пешком ходить должен».

Но и журнал самого Михаила Дмитриевича Чулкова мало чем отличался от «Всякой всячины». Чулков, человек разносторонних интересов,— он был журналистом и историком, романистом и собирателем фольклора,— к сожалению, не имел четкого мировоззрения и ясных политических взглядов. Приступая к своему изданию, он сразу же предупредил подписчиков: «Впрочем, господин читатель, не ожидай от меня высоких и видных замыслов...»

Серьезных общественных вопросов Чулков в своем журнале не ставил, весь его полемический пыл был направлен против литературных противников. «Я пишу на произволящего,— говорил он в первом номере «И то и сё»,— ни о ком самолично не говорю и никого именем не называю, меряю дела аршином, так, как купцы товары, и оценяю их не слишком дорого, за смехом за море не езжу, а шучу около себя, вреда и убытка не наношу моему отечеству, наук не ломаю и языка нашего не порчу, таким образом, опасаться меня не должно».

Прямо смыкался с этими двумя изданиями и журнал В. Г. Рубана «Ни то ни сё». Он проповедовал «практический материализм» — беспечное наслаждение жизнью. «Жизнь наша — день, и надо прожить ее беспечально, не задумываясь, используя всякое мгновение для веселия и забавы»,— призывал Рубан.

А в это время в России страшные эпидемии уносили миллионы человеческих жизней, тысячи несчастных погибали от голода; безработица выбрасывала на улицу ремесленников и работных людей мануфактур, закрытых по распоряжению правительства.

Вскоре по России прокатилась крупная волна «чумных бунтов». В них принимали участие и жители городов, и крестьяне. Перепуганный генерал-губернатор Москвы П. С. Салтыков молил Екатерину о помощи: «Пожалейте, милостивая государыня, о нас бедных, живущих в Москве; с одной стороны чума... а с другой — бунт, так чума когда еще придет, а бунтовщики изрежут».

Жестоко подавлялись волнения в Москве и других городах России.

В этих обстоятельствах только один человек смело и мужественно взглянул на русскую действительность. Это был Николай Иванович Новиков. Получив отставку с чином поручика армии, он съездил к матери в Авдотьино и весной 1769 года снова вернулся в Петербург.

К этому времени кроме «Всякой всячины», «И то и сё», «Ни то ни сё» появилось несколько новых журналов: «Полезное с приятным», «Поденщина» и «Смесь». Своему журналу Николай Иванович дал название «Трутень» — такой заголовок наиболее точно выражал замысел издателя.

«ОНИ РАБОТАЮТ, А ВЫ ИХ ХЛЕБ ЯДИТЕ...»

Первый номер «Трутня», или лист первый, как назвал его Новиков, вышел 2 мая 1769 года. Издатель сильно волновался, отдавая свое детище на суд публики. Ведь от первого номера зависела дальнейшая судьба журнала. И не только журнала, но и самого издателя тоже. Решив посвятить свою жизнь печатному слову, Новиков хотел быть уверен, что его затея с «Трутнем» не обернется для него моральным и материальным крахом.

Но такой убежденности поначалу не было. Полусерьезный тон предисловия, которым открывался журнал, свидетельствовал о том, что издатель не очень-то верил в успех своего предприятия. Шуткой прикрывал он тревогу: «...я знаю, что леность... непримиримый враг трудолюбия... Порок сей так мною овладел, что ни за какие не могу приняться дела... От лености никакой еще и службы по сие время не избрал... Думал иногда услужить каким-нибудь полезным сочинением, но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреоборимые препоны. Наконец вспало на ум, чтобы хотя бы изданием чужих трудов принесть пользу моим согражданам. Итак, вознамерился

издавать в сем году еженедельное сочинение под заглавием Трутня...»

В этих словах, разумеется, определенная дань моде. На заре русской журналистики многие литераторы говорили о своей деятельности в таком пренебрежительном тоне. «Между множеством ослов и мы вислоухими быть не покраснеем»,— заявлял Рубан. «Когда есть ваканция публичных дураков,— вторил ему Чулков,— то занимают у нас такие места мелкотравчатые писаки».

В отличие от Рубана и Чулкова Новиков иронизирует лишь над собой. Во всем остальном у молодого издателя чувствуется необыкновенная серьезность и целеустремленность. Так, он совершенно четко определяет цель своего журнала, предполагая печатать в нем главным образом произведения сатирические, «ко исправлению нравов служащие».

Уже на первых страницах «Трутня» эта декларация находит практическое воплощение. Объясняя читателям, почему он обратился именно к журналистике, Новиков пишет: «Военная (карьера.— *Л. Б.*) кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество... Приказная хлопотлива, надобно помнить наизусть все законы и указы, а без того попадешь в беду за неправое решение. Надлежит знать все пронырства, в делах употребляемые, чтобы не быть кем обмануту и иметь смотрение за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорят: Дай за работу, а это очень трудно. И хотя она и по сие время еще гораздо наживна, но, однако ж, она не по моим склонностям. Придворная всех спокойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства гораздо в вышнем степене, нежели сколько должно знать ее актеру: тот притворно входит в разные страсти временно, а сей беспрестанно то же делает, а того я не могу терпеть. Придворный человек всем льстит, говорит не то, что думает, кажется всем ласков и снисходителен, хотя и чрезвычайно надут гордостию. Всех обнадеживает и тогда же позабывает; всем обещает и никому не держит слова; не имеет истинных друзей, но имеет льстецов, а сам так же льстит и угождает случайным людям. Кажется охотником до того, от чего имеет отвращение. Хвалит с улыбкою тогда, когда внутренне терзается завистию. В случае нужды никого не щадит, жертвует всем для снискания своего счастия, а иногда, полно, не забывает ли и человечество! Ни-

чего не делает, а показывает, будто отягощен делами: словом, говорит и делает почти всегда противу своего желания, а часто и противу здравого рассудка. Сия служба блистательна, но очень скользка и скоро тускнеет».

Перед нами не жиденькая мораль «Всякой всячины» — Новиков начинает свою деятельность резкой критикой «высшего света», его нравов, принципов, интересов, убеждений. Он смело и откровенно говорит о таких явлениях, о которых в то время предпочитали умалчивать. Не мелкие человеческие слабости и недостатки, а язвы и пороки общества в целом — вот что становится с этого времени объектом его критической мысли. И все это освещено одной великой целью: оказать посильную услугу своему отечеству. «Без пользы в свете жить — тягчить лишь только землю»,— повторяет Новиков вслед за своим любимым стихотворцем А. П. Сумароковым.

Такое серьезное понимание необходимости общественного служения и такая гражданская активность для 25-летнего юноши просто удивительны. Хотя, впрочем, русская история подобных примеров знает немало.

В 19 лет А. С. Пушкин пишет свое знаменитое послание к Чаадаеву, полное ненависти к самовластью и веры в светлое будущее:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

Современник Пушкина Александр Сергеевич Грибоедов создает свою бессмертную комедию «Горе от ума» в 29 лет. «Язык, стих, слово — все оригинально в «Горе от ума»,— писал В. Г. Белинский.— Содержание этой комедии взято из русской жизни; пафос ее — негодование на действительность, запечатленную печатью старины... Какая убийственная сила сарказма, какая едкость иронии, какой пафос в лирических излияниях раздраженного чувства; сколько сторон, так тонко подмеченных в обществе; какие типические характеры; какой язык, какой стих — энергический, сжатый, молниеносный, чисто русский!»

А гениальный преемник Пушкина Михаил Лермонтов?

Его «Смерть поэта» Максим Горький назвал «одним из сильнейших стихотворений в русской поэзии».

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
. . . .
А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..

Лермонтову было в это время 23 года. А в 27 его не стало. Но он столько успел сделать за свою короткую жизнь, что на века остался в памяти потомков!

26-летний Н. А. Некрасов возглавил журнал «Современник» — самое прогрессивное издание своей эпохи. Примерно в том же возрасте Иван Сергеевич Тургенев вынес на читательский суд бессмертные «Записки охотника».

В 1852 году вышла в свет повесть «Детство». Автором ее был 24-летний Лев Толстой.

Первые юмористические рассказы Антоши Чехонте появились в середине 80-х годов прошлого столетия. Антону Павловичу Чехову не было 25, а русская критика уже считала его вполне зрелым мастером.

Первый рассказ Максима Горького «Макар Чудра» был напечатан в 1892 году — автору было 24 года.

Итак, приступая к изданию «Трутня», Николай Иванович Новиков находился в том счастливом возрасте, когда незаурядному таланту приходит пора проявить себя в полную силу.

С первых же шагов своей журналистской деятельности издатель оказался в оппозиции к правительству. В «Трутне» было напечатано немало таких материалов, что до сих пор диву даешься, как они увидели свет и как их автор не пострадал в самом начале своего творческого пути.

Эпиграф к журналу взят из Сумарокова: «Они работают, а вы их хлеб ядите...» Авторские симпатии выражены здесь четко и недвусмысленно: они целиком на стороне простого народа. «Мнится, что похвальнее бедным быть... и полезным государству членом, нежели знатной породы тунеядцем, известным только по глупости, дому, экипа-

жем и ливрее»,— заявляет автор в одном из листов «Трутня».

В другом номере журнала писатель создает гротескный и в то же время очень жизненный тип помещика Безрассуда, который «болен мнением, что крестьяне не суть человеки». «Я — господин, они мои рабы,— рассуждает он,— они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка».

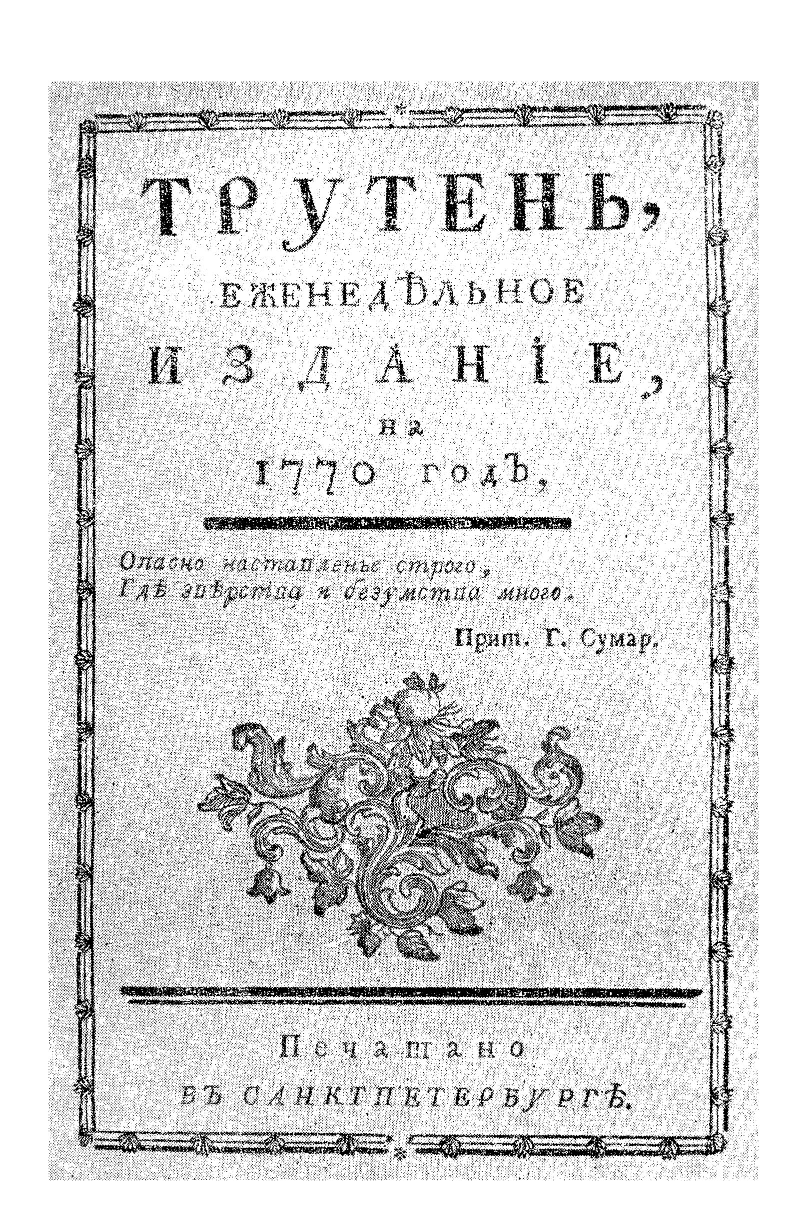
Придворные писаки постоянно твердили о «трогательной любви и преданности» крестьян помещикам, об их мирной и нежной дружбе. «Бедные крестьяне,— полемизирует с ними Новиков,— любить его (помещика.— *Л. Б.*), как отца, не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут». Таков истинный смысл взаимоотношений господ и рабов в представлении издателя «Трутня».

Решительное выступление Новикова в защиту «черни» вызвало серьезное недовольство Екатерины. Потакавшая дворянскому произволу, она не могла позволить молодому издателю так бесцеремонно обращаться с сильными мира сего. В полемике, которая разгорелась между «Трутнем» и «Всякой всячиной», императрица призывала к «человеколюбию», «милосердию» и «христианскому смирению». Она обвиняла Новикова в излишней «меланхолии», нетерпимости и даже жестокости.

«По моему мнению,— возражал ей писатель,— больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит, или (сказать по-русски) потакает». И в следующем номере поместил такое «объявление»: «Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям до просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенно свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам города (сообщение из Кронштадта)».

Этот выпад Новикова вызвал негодование Екатерины. Опять речь шла о придворных господах и помещиках, которые слепо перенимали все иностранное, стремились по-французски и одеваться, и говорить, и обставлять квартиру, а свое родное, русское презирали.

«Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась,— писал «Трутень» через две недели,— и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу,

Титульный лист журнала «Трутень» за 1770 год.

что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может»,— подчеркивал он, намекая тем самым на немецкое происхождение Екатерины.

Новиков не мог не понимать, что такая дерзость не останется безнаказанной. Тем более, что в придворных кругах давно уже поговаривали про издателя «Трутня», что он-де не в свои сани садится, что это недозволенная смелость — писать сатиры на знатных господ, бояр, дам, судей и вообще всяких именитых людей: «Знать... он не слыхал, что были на Руси сатирики и не в его пору, но и тем рога поломали...»

Это уже была угроза, и Новикову пришлось «сбавить тон». «Трутень» 1770 года по своей сатирической остроте значительно уступает «Трутню» 1769 года. «Не годится и в слуги»,— с горечью признавался сам издатель.

Читатели мгновенно отреагировали на изменения, которые произошли в характере журнала. Переплетчик Веге, что жил на Луговой Миллионной, в доме асессора Савы Яковлева, и торговал «Трутнем», теперь все чаще и чаще жаловался Новикову, что журнал расходится с трудом. Николай Иванович огорчался, искал выход, но придумать ничего не мог.

Лишь одно событие этого времени несколько приободрило писателя: закрылась «Всякая всячина», не выдержавшая полемики с «Трутнем». Вот как откликнулся на это Новиков.

«Г. издатель,— писал он.— Скрепи свое сердце! Я поразить тебя намерен! Несчастный! ты не ведаешь своей горести. Послушай, да не заплачь, не пролей реками слез твоих, ныне и без того грязно. Ну! укрепись и выслушай. Прабабка твоя, госпожа Всякая всячина, скончалась. Это еще скрывают, но через неделю о том узнают все. Бедный сирота! ты остался у нас один. Что я вижу? ты не плачешь! Не плачь, бедняжечка, а мы, право, не заплачем. Во утешение твое, сочиняю я твоей прабабке похвальное слово и как скоро оное кончу, то к тебе его сообщу. Ах, бедный Трутень! как ты мне жалок! Не умри и ты, ибо многие видят в тебе смертельные признаки. Добро, вы, читатели, всех издателей переморили, экие варвары! Ну прости, голубчик мой Трутень, миленький Трутень, пожалуй, береги себя, не простудись, ныне еще

погода не очень хороша. Прости, сироточка, живи невредимо на многие лета. Сего желает.

С превеликой печали о кончине твоей прабабки, право, позабыл, как меня зовут.

За сожаление благодарствую, печаль о кончине Всякой всячины хотя и велика, однако же не такая, чтобы я позабыл, что мы все смертные. Впрочем, много милости...»

«Трутень» одержал литературную победу над «Всякой всячиной»: «Всякая всячина» умерла, а «Трутень» продолжал жить. Но осталась Екатерина, облеченная самодержавной властью, оскорбленная дерзким «меланхоликом» и ожидающая лишь подходящего случая, чтобы отомстить. «Человек, который для показания остроты не жалеет матери, жены, сестер, братьев, друзей, каков бы умен ни был, достоин уничижения честных людей» — таков был приговор императрицы издателю «Трутня».

Полемика между Екатериной и Новиковым — это не просто невинный журнальный спор. В ней отразились два противоположных взгляда на тогдашнюю действительность. Екатерина страстно хотела, чтобы Россию считали страной всеобщего благоденствия. «У нас умирают от объедания, а никогда от голода,— говорила она.— У нас вовсе нет людей худых и ни одного в лохмотьях, а если есть нищие, то по большей части это ленивцы: это говорят сами крестьяне».

Новиков же видел, что русская действительность совсем не такова, какой ее пытается представить императрица: бесправие народа, его темнота, забитость, нищенское существование — все это не желала видеть Екатерина. «...Одна сторона смеялась, другая плакала»,— писал об этих разногласиях в оценке русской жизни один из биографов Новикова.

Даже когда под давлением правительства писателю пришлось сузить круг тем для своего критического обозрения, в «Трутне» по-прежнему оставалась «меланхолия», по выражению «Всякой всячины», и совсем не было тех веселых мотивов, которые она считала непременными для сатиры, ибо не было их и в окружающей действительности.

В конце концов императрица не выдержала и личным посланием к издателю выразила свое недовольство. В бумагах Екатерины впоследствии было найдено еще одно письмо, написанное ею собственноручно, адресатом кото-

рого, по всей вероятности, тоже является Николай Иванович Новиков. «Господин издатель,— говорится в нем.— Имел терпение до сего дня, но скучно мне становится от ваших листов. Я стар и много на свете видывал. Я, чаю, вы без бороды еще: по молодости и вздумали, чаю, что весь свет переменится, кой час еженедельно вы начнете писать, и для того выдумали тонкости, кои, однако, от нас, стариков, право, не скрылися — мы, небось, с первого листа узнали, куда целите».

20 апреля 1770 года, видя, как над ним сгущаются тучи, «Трутень» жаловался своим читателям: «Всякая всячина простилась, и то и се в ничто превратилось, Адская почта остановилась, а Трутню пора лететь на огонек в кухню, чтоб подняться с пламенем сквозь трубу на воздух и занестись сам не знаю куда, только, чтоб более людям не быть в тягость и не наскучать своими рассказами».

«Трутень» едва дотянул до конца апреля. 27-го числа вышел его последний, 53-й номер. «Против моего желания, читатели, я с вами разлучаюсь»,— говорил издатель в своем прощальном извещении, намекая на насильственную смерть своего детища.

Екатерина и ее приближенные торжествовали. Им стало намного спокойнее. Но надолго ли?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Новиков не собирался складывать оружия. Он вынужден был распрощаться с «Трутнем» и поступить на службу в коллегию иностранных дел переводчиком, но в его голове уже зрели новые планы. Человек решительный и целеустремленный, он никогда не останавливался на полпути, особенно, если был твердо убежден в пользе дела, которому служил.

Уже в июне 1770 года появился второй журнал Новикова — «Пустомеля». В конспиративных целях — монаршья злость еще не остыла — пришлось воспользоваться подставным лицом: издание выходило под редакцией некоего маклера Фока. Правда, истинного автора журнала нетрудно было угадать: нападки на «Всякую всячину», на традиционных литературных противников — Лукина, Петрова и других прямо перекликались со многими страницами «Трутня».

В целом же критическая струя в «Пустомеле» оказалась значительно слабее, чем в предыдущем издании. Самым ярким сатирическим произведением, напечатанным в этом журнале, является известное «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке», принадлежащее перу Дениса Ивановича Фонвизина — впоследствии знаменитого автора «Недоросля», а незадолго до этого одного из сотрудников «Трутня»:

Попы стараются обманывать народ,
Слуги дворецкого, дворецкие господ,
Друг друга господа, а знатные бояря...
Нередко обмануть хотят и государя...
Что дурен здешний свет, то всякий понимает,
А для чего он есть, того никто не знает.

Духовные власти обвинили Фонвизина в атеизме, а «Пустомелю», напечатавшего стихи, закрыли. Издателю не оставалось ничего другого, как продолжить службу в коллегии иностранных дел.

Но и вторая неудача не обескуражила неугомонного журналиста. В апреле 1772 года на Луговой Миллионной улице в доме Позняева у переплетчика и книготорговца К. В. Миллера появилось третье детище Новикова — журнал «Живописец», одно из самых ярких сатирических изданий XVIII века.

Наученный горьким опытом, Николай Иванович начал свою деятельность очень осторожно. На этот раз он решил быть хитрее и действовать дипломатичнее. Первый номер «Живописца» издатель посвятил «неизвестному г. сочинителю комедии «О время!».

«Государь мой! — писал Новиков.— Я не знаю, кто вы, но ведаю только, что за сочинение ваше достойны почтения и великия благодарности... Вы первый сочинили комедию точно в наших нравах, вы первый с таким искусством и остротою заставили слушать едкость сатиры с приятностию и удовольствием, вы первый с такой благородною смелостию напали на пороки, в России господствовавшие... Вы открыли мне дорогу, которой я всегда страшился, вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге исправлять нравы своих единоземцев...»

Н. И. Новиков отлично знал анонимного автора комедии «О время!». Пьесу написала сама Екатерина. Но издатель сделал вид, что даже не догадывается об этом. От-

крыто высказанная похвала должна была польстить самолюбию гордой самодержицы. Новикову в его положении приходилось доказывать властям, что все, о чем он собирается писать в своем новом журнале, зародилось «наверху».

Вот почему не только первый номер «Живописца», но и многие последующие (а некоторые почти целиком) в прозе и стихах воспевают «светлое царствование Екатерины». Больше того: в одном из номеров мы находим панегирик Дашковой — единомышленнице и приближенной императрицы, в другом — Григорию Орлову, одному из первых фаворитов Екатерины.

Осторожность издателя проявляется и в том, что начинает он свой журнал не обличением порядков, как это было в «Трутне», а обличением нравов. Щеголи и щеголихи — вот главные герои первых номеров «Живописца». Нарисованы они с необыкновенным мастерством, свидетельствующим о незаурядном писательском даровании автора. «Не для географии одарила нас природа красотою лица,— рассуждает одна из героинь Новикова,— не для математики дано нам острое и проницательное понятие; не для истории награждены мы пленящим голосом; не для физики вложены в нас нежные сердца... В слове уметь нравиться все наши заключаются науки... Ученая женщина! ученая женщина — фуй! как это неловко... Ужасть, как завидно состояние красавицы и как беспримерно жалко ученой женщины. Божусь, что я своего состояния ни на какое не променяю. Какая ж нужда мне в науках? — право никакой».

А вот философия щеголя: «Моя наука состоит в том, чтобы уметь одеваться со вкусом, чесать волосы по моде, говорить всякие трогающие безделки, вздыхать кстати, хохотать громко, сидеть разбросану... В беседе со щеголихами бываю я волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости... Впрочем, всегда должен я быть ветрен и злоязычен... Необходимо также должен я уметь портить русский язык и говорить нынешним щегольским женским наречием... Открытие любви должен я делать по новому обыкновению и никогда не допускать, чтобы в такие разговоры вмешивалось сердце. Это было бы дурачиться по-дедовски. По-нашему любить надобно так, чтобы всегда отстать можно было... Вот моя наука! она без сомнения важнее всех наук, и я знаю ее в совершенстве».

бакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содроганiемъ чувствительнаго сердца, начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня ласкательство и пристрастiе, низкiя свойства подлыхъ душъ: истинна перомъ моимъ руководствуетъ!

Деревня *Разоренная* поселена на самомъ низкомъ и болотномъ мѣстѣ. Дворовъ около двадцати, стѣсненныхъ одинъ подлѣ другаго, огорожены изсохшими плетнями, и покрыты отъ одного конца до другаго, сплошь соломою. Какая нещастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостiю ихъ господина! Избы, или лучше сказать бѣдныя развалившiяся хижины, представляютъ взору путешественника оставленное человѣками селенiе. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимнимъ временемъ. При въѣздѣ моемъ въ сiе обиталище плача, я не видалъ ни одного человѣка. День тогда былъ жаркiй; я ѣхалъ въ открытой коляскѣ; пыль и жаръ столько обезпокоивали меня дорогою, что я спѣшилъ войти въ одну изъ сихъ развалившихся хижинъ, дабы нѣсколько успокоиться. Извощикъ мой останови

вился

Страничка из статьи «Отрывок путешествия в *** И *** Т ***», помещенной в журнале «Живописец».

А как точно и колоритно передает Новиков речь щеголей и щеголих! «Мущина, притащи себя ко мне,— говорит девица,— я до тебя охотница. Ах, как ты славен! Ужасть, ужасть: я от тебя падаю!»

Екатерина была довольна издателем: сатира на русские нравы не подрывала ее государственную власть. Императрица праздновала нравственную победу. Она решила, что Новиков «одумался».

И вдруг... как гром среди ясного неба, пятый лист «Живописца». «Отрывок путешествия в *** И*** Т***. Глава XIV»,— прочла Екатерина в заголовке.

«По выезде моем из сего города я останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали; но в три дня сего путешествия ничего не нашел я, похвалы достойного. Бедность и рабство повсюду встречалися со мною в образе крестьян»,— первые же строки привели Екатерину в бешенство. Она лихорадочно стала читать дальше, и ее величественное, мужеподобное лицо становилось все мрачнее и мрачнее.

Помимо воли императрица переносилась из роскошных своих хором в глухую, позабытую богом деревню. «Маленькие, покрытые соломою хижины из тонкого заборника» заставляли ее содрогаться. «Дворы, огороженные плетьми» вызывали отвращение. «Непаханые поля» наводили на мысль о голодной смерти. Ей мерещилось, что ноги ее вязнут в осенней грязи, что от запаха нечистот перехватывает дыхание, а палящее солнце жжет нежную кожу.

«Коляска моя взвезена была в грязный двор...— читала она хмуро,— а я вошел в избу с растворенными настежь дверями. Заразительный дух от всякой нечистоты, чрезвычайный жар и жужжение бесчисленного множества мух оттуда меня выгоняли, а вопль трех оставленных младенцев удерживал в оной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям... у одного упал сосок с молоком; я его поправил, и он успокоился. Другого нашел обернувшегося лицом к подушонке из самой толстой холстины, набитой соломою; я тотчас его оборотил и увидел, что он был распеленан, множество мух покрывали лицо его и тело и немилосердно мучили сего ребенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил произающий крик».

Дочитав до этого места, Екатерина решительно отложила журнал и подошла к окну. Внизу весело шумел под

легким майским ветром старинный парк. Высоко в небо неслась звонкая соловьиная трель. Вечерело. Солнце у горизонта напоминало громадный медный пятак, начищенный до блеска. «Благодать!» — прошептала императрица, чуть угловатым движением стряхнула с пышных плеч своих какую-то невидимую тяжесть, спокойно вернулась на прежнее место и снова принялась за чтение.

На ее властном лице с орлиным носом уже не было прежнего мрачного и несколько растерянного выражения. Оно было, как всегда, спокойно и величественно. Только время от времени в уголках ее небольших карих глаз вспыхивали злые зеленые огоньки. «...Жестокосердный тиран, отъемлющий у крестьян насущный хлеб и последнее спокойство! — читала она равнодушно, будто это не имело к ней никакого отношения,— посмотри, чего требуют сии младенцы!..— Необходимого только пропитания».

«В Сибирь бы его!» — подумала со злостью императрица, дочитав до конца. Но листов не отложила, а почему-то снова пробежала глазами заключительные строки: «Если бы это было в то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою нациею, то не осмелился бы я читателя моего попотчевать с этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нежных вкусов благородных невежд горьковато».

Екатерина хорошо понимала, какую бурю негодования вызовет очерк среди дворян: автор прямо назвал причину бедственного положения крестьян. «Помещики их сами тому были виною»,— говорил он.

Да и Новиков очень скоро почувствовал, что многих задел за живое. Задним числом попытался «оправдаться». Через два месяца в «Живописце» появился разговор с одним знатным человеком. «Многие наши дворяне братья,— говорил тот издателю,— пятым вашим листом недовольны... Тут описан помещик, не имеющий ни здравого рассуждения, ни любви к человечеству, ни сожаления к подобным себе; и, следовательно, описан дворянин, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющий. Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмеет утверждать, что сие злоупотребление не достойно осмеяния? И кто скажет, что худое рачение помещиков о крестьянах не наносит вреда всему государству? Пусть вникнут в сие здравым рассуждением: тогда увидят, отчего останавливаются и приходят в не-

доимку государственные наборы? Отчего происходит, что крестьяне бывают бедны? Отчего у худых помещиков и у крестьян их частые бывают неурожаи хлеба...»

Так «оправдательный документ» обернулся у Новикова новым обвинительным актом. Тем более, что вслед за этим издатель начал публиковать «Письма к Фалалею», в которых поместному дворянству был нанесен новый удар.

Отец Фалалея недоволен своей жизнью и с тоской вспоминает о добрых старых временах. «...С мужика ты хоть шкуру сдери,— жалуется он сыну,— так не много прибыли. Я, кажется, таки и так не плошаю, да что ты изволишь сделать: пять дней ходят они на мою работу, да много ли в пять дней сделают? Секу их нещадно; а все прибыли нет; год от года все больше мужики нищают... право, Фалалеюшка, ума не приложу, что с ними делать... да на что они и крестьяне: его такое и дело, что работай без отдыху. Дай-ка им волю, так и неведь что затеют».

Так же жестока со своими крепостными и мать Фалалея. «То-то прокaзница! — говорит о ней отец.— Я за то ее и люблю, что уж коли примется сечь, так отделает, перемен двенадцать (розог) попадут: попросит, небось, воды со льдом».

Правда, ни в «Письмах к Фалалею», ни в «Отрывке путешествия...» Новиков не выступает прямо против крепостного права. Он считает виновниками тяжелого положения крестьян жестоких, грубых, своенравных помещиков. Но писатель так горячо и страстно восстает против жестокости, произвола и невежества высших классов, что мысль о крепостном праве как о величайшей человеческой несправедливости становится логическим итогом его раздумий.

Историки литературы много спорили об авторстве статей, напечатанных в «Живописце». В частности, «Отрывок путешествия...» долгое время приписывали А. Н. Радищеву, находя в нем много общего с «Путешествием из Петербурга в Москву». Были среди исследователей и такие, которые считали, что он приналлежит перу одного из друзей и сотрудников Новикова — И. П. Тургеневу. Автором «Писем к Фалалею» числился какое-то время Д. И. Фонвизин. Сейчас большинство литературоведов сходятся во мнении, что и «Письма к Фалалею», и «Отрывок путешествия...» написаны самим Николаем Ивановичем Новиковым.

Так или иначе, но поплатился за них издатель. Правда, в первый момент Екатерина не предприняла никаких решительных мер против журнала. Ей было не до «Живописца»: назревало восстание Е. И. Пугачева. Перед лицом этого мощного народного движения выступление Новикова не казалось ей особенно опасным — взбунтовавшаяся чернь пугала ее гораздо больше.

Но и дни «Живописца» были уже сочтены. Его конец в какой-то степени напоминает конец «Трутня». Из последних номеров журнала совершенно исчезают статьи о положении крестьян, даже сатира на нравы теряет свою остроту: на страницах «Живописца» появляются пространные рассуждения о человеческих недостатках вообще.

В начале июля 1773 года, за три месяца до пугачевского восстания, журнал, в котором сотрудничали А. Н. Радищев, Д. И. Фонвизин, А. П. Сумароков, И. П. Тургенев, прекращает свое существование.

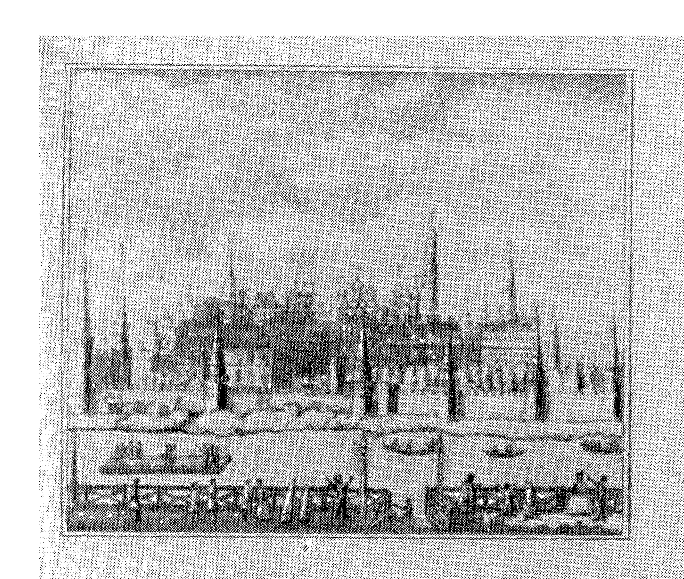
В этом же году умирает мать Николая Ивановича — Анна Ивановна Новикова.

ПОИСКИ НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА

Политические взгляды Н. И. Новикова выявились к этому времени со всей определенностью. Антиправительственный, антикрепостнический характер его статей говорит сам за себя.

Сложнее обстояло дело с поисками нравственного идеала. Здесь у Николая Ивановича Новикова не было раз и навсегда сложившихся убеждений.

Так, во времена «Трутня» и «Живописца», видя пустоту и легкомыслие представителей высшего света, писатель воспевал крестьянские добродетели: трудолюбие, религиозность, чистоту нравов, близость к природе, умение довольствоваться малым. Но, приглядевшись внимательнее к крестьянскому бытию, он неожиданно для себя обнаружил в своем идеале немало уязвимого. Трудолюбие крепостного крестьянина каким-то удивительным образом уживалось с отсутствием духовных запросов, прочная вера — с религиозным фанатизмом, чистота нравов — с первобытной дикостью, близость к природе — с убожеством жизни. Новиков понимал, что сами крестьяне не виноваты в этом,— ответственность полностью лежала на помещиках, кото-

ДРЕВНЯЯ РОССІИСКАЯ
ИДРОГРАФІЯ.

Въ началѣ книги сея написанъ царствующій градъ *Москва* на рѣкѣ на *Москвѣ*, на лѣвомъ берегу; а рѣка *Москва* вытекла по *Вяземской* дорогѣ, за *Можайскимъ* верстъ съ тридцать, или не много больше.

а А

Издание Н. И. Новикова «Древняя российская идрография».

рые беззастенчиво эксплуатировали и грабили их, но тем не менее вера уже пошатнулась.

Тогда писатель обратился к старине, к «добродетельным предкам», попытался увлечь читателей идеей национального превосходства русского народа и немало ярких страниц «Трутня» и «Живописца» посвятил прошлому России. Но чем глубже Новиков заглядывал в старину, тем яснее сознавал, что и там не найти ему той внутренней чистоты и гармонии, которые он хотел видеть в людях. И вот родились «Письма к Фалалею» — прямая сатира на старинные добродетели.

Правда, вслед за этим появились два издания, свидетельствовавшие, что интерес Новикова к прошлому еще довольно устойчив. Это «Древняя российская вивлиофика» (библиотека.— *Л. Б.*) и «Древняя российская идрография» (гидрография.— *Л. Б.*).

В «Древней российской вивлиофике» (с 1773 по 1775 год появилось 10 ее частей) собраны описания старинных русских обрядов, обычаев и нравов, исторических и географических достопримечательностей. Здесь же помещены редкие грамоты и сочинения древних российских стихотворцев.

«К тебе обращаюсь я, любитель российских древностей! — писал Новиков в предисловии.— Для твоего удовольствия и познания предпринял я сей труд; ты можешь собрать с него полезные плоды и употребить их в свою пользу. Не взирай на молодых кощунов, ненавидящих свое отечество; они и самые добродетели предков наших пересмыхают и презирают».

В «Вивлиофике» писатель опять с большим чувством патриотизма говорит о прошлом своей родины. Он пытается воспитать у соотечественников уважение к земле, на которой они родились и живут и с которой связаны многими поколениями своих предков.

«Одно это издание могло бы дать ему почетное место в истории нашей словесности»,— писал о «Вивлиофике» И. И. Дмитриев в книге «Взгляд на мою жизнь». Громадное воспитательное значение этой работы несомненно, как, впрочем, и «Древней российской идрографии», появившейся в то же время.

Новиков хотел сохранить для потомков не только обычаи и обряды прошлого, сочинения древних стихотворцев, но и старинные названия городов и урочищ, вышедшие или

уже выходящие из употребления и тоже по-своему выражающие дух нации.

Такой же патриотический характер носил и «Опыт исторического словаря о российских писателях», предпринятый Новиковым еще раньше, в 1772 году. Кстати, это единственное издание, в котором писатель указал свое авторство. Исторический словарь Новикова — фактически первая литературная энциклопедия в России. Хорошо понимая, какая сложная и ответственная задача стоит перед ним, автор осторожно именует свое издание «опытом». Действительно, многое здесь несовершенно: Новиков очень снисходителен в оценках, у него немало восторженных слов по поводу самых заурядных явлений и имен. Это и понятно — критического опыта в русской литературе того времени еще не было.

В историческом словаре рассказывается о 317 писателях, принадлежащих главным образом к XVIII веку. Почти все статьи построены одинаково: сначала перечисляются звания литераторов, потом рассказывается об их научных интересах, знании языков, а в заключение дается анализ их творчества. Особенно подробно автор останавливается на жизни и творчестве Феофана Прокоповича, М. В. Ломоносова, А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского и первого русского актера Ф. Г. Волкова.

Многие сведения Новиков получал непосредственно от самих писателей — его современников. Только благодаря энтузиазму издателя они сохранились для потомков. Во многих позднейших сочинениях о русской литературе XVIII века в той или иной форме, с различными поправками и дополнениями, использовались материалы новиковского словаря.

В «Опыте исторического словаря о российских писателях» чувствуется огромная гордость Новикова за свой народ и его культуру. Автор настойчиво проводит мысль, что образование возвышает человека, делает его умнее, благороднее, чище.

В этом труде Новиков впервые с большим уважением говорит о многих иностранных писателях и философах — Плутархе, Локке, Шекспире, Жан-Жаке Руссо, Вольтере, Монтескье. Видно, что автор словаря пытается избежать тенденциозности. Человек, совсем недавно утверждавший, что из-за Франции русские потеряли свои добрые нравы, называет Вольтера «славным европейским писателем».

ОПЫТЪ

ИСТОРИЧЕСКАГО

СЛОВАРЯ

о россійскихъ

ПИСАТЕЛЯХЪ.

Изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій, и словесныхъ преданій

Собралъ

Николай Новиковъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1772 ГОДА.

Титульный лист книги «Опыт исторического словаря о российских писателях».

Любопытен и другой факт. Создатель лучших сатирических журналов России неожиданно выказывает себя чуть ли не противником сатиры. Он очень сдержанно говорит и о сатирических произведениях, и об их авторах. Так, прославляя Кантемира за его нравственные достоинства, писатель довольно холодно отзывается о его творчестве.

Появление словаря было знаменательным событием для русской литературы. В. Г. Белинский считал его «...богатым фактом собственно литературной критики того времени», который «нельзя миновать в историческом обзоре русской критики».

«Не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сея книги меня побудило»,— как объясняет Н. И. Новиков свое обращение к словарю.

Исторический словарь Новикова приобрел широкую известность не только в России, но и за рубежом. Известно, например, что к нему обращался Дидро, когда ему нужно было получить какие-то справки по русской литературе.

Правда, труд Новикова понравился не всем. Одним из самых яростных его врагов оказался Шлецер. Он издал три книжки на русском языке и считал себя знаменитым русским писателем, но в историческом словаре, сколько он его ни листал, имени своего не нашел. Тогда он разразился бранью по адресу его составителя. «К чести русских,— писал Шлецер,— Новиков — редкость между ними; русская нация слишком велика для того, чтобы завидовать иностранцам».

Ополчился против Новикова и популярный поэт того времени, личный чтец Екатерины II — В. П. Петров. Автор отозвался о Петрове сдержанно и даже с иронией, что не соответствовало общему хвалебному тону его статей о других писателях.

В 1773 году совместно с книгопродавцем К. В. Миллером Николай Иванович Новиков приступил к организации «Общества, старающегося о напечатании книг». Один из первых членов Вольного российского собрания, он придавал огромное значение издательской деятельности и считал книгу действенным средством просвещения народа.

На заре своего царствования, в 1768 году, Екатерина II основала «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг». Это общество должно было знакомить русских с лучшими образцами западноевропейской литературы. Со-

брание, состоявшее при Академии наук, но фактически не подчиненное ей, получало от Екатерины 5 тысяч рублей в год. Денег было достаточно, чтобы оплачивать труд переводчиков, но не хватало для издания самих переводов.

Теперь Новиков создал «Общество, старающееся о напечатании книг». Помимо переводов оно издавало и оригинальные произведения. В частности, им была выпущена в свет драма Хераскова «Борислав». К сожалению, жизнь первого издательского общества Новикова оказалась короткой: в 1774 году его пришлось закрыть из-за недостатка средств.

Все силы писатель обратил теперь па издание своего четвертого по счету журнала — «Кошелек». «Кошелек» выходил с 8 июля по 2 сентября 1774 года.

В 1773—1774 годах по России прокатилась волна народного движения под предводительством донского казака Емельяна Пугачева. Воспользовавшись слухами о том, что Петр III, якобы свергнутый за намерение освободить крестьян, жив и скрывается от властей, Емельяп Пугачев назвался именем императора. «Я, государь Петр Федорович,— заявлял он в своих манифестах, обращенных к яицким казакам,— во всех винах прощаю, и жалую я вас рекою с вершины и до устья, и землею, и травами, и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом» и «вечною вольностию». Конечную цель восстания Пугачев видел в построении крестьяпско-казацкого государства во главе со справедливым «мужицким царем».

Крестьянская война в короткий срок захватила огромную территорию России: Урал, Башкирию, Поволжье — Пензенскую, Тамбовскую, Симбирскую, Нижегородскую губернии. Состояние, в котором находилось в это время русское дворянство, очень ярко передал в своих мемуарах А. Т. Болотов: «...Мысли о Пугачеве не выходили у всех нас из головы, и мы все удостоверены были, что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги, когда не вьявь, так втайне, сердцами своими были злодею сему преданы и в сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей возгоревшейся искре произвести огонь и полымя».

До смерти была перепугана и сама Екатерина. Видя, что Пугачев угрожает Москве, она решила поехать в первопрестольную и руководить оттуда борьбой с крестьянским движением. Екатерина срочно заключила Кучук-Кайнард-

жийский мир с Турцией и направила правительственные войска против Пугачева. В августе 1774 года они разгромили отряд повстанцев под Царицыном. Емельян Пугачев бежал, но вскоре был выдан властям изменниками из ближайшего своего окружения.

В такой обстановке «опальному» издателю волей-неволей приходилось держаться подальше от политики. «Кошелек» почти целиком посвящен борьбе с галломанией. Космополитизм всегда вызывал у Новикова неприязненное чувство, теперь эта проблема стала в центре его внимания.

Свое название журнал получил не случайно. Как писал Н. А. Добролюбов, издатель стремился показать экономическую сторону галломании: французы приезжали в Россию для легкой наживы — потуже набить свой кошелек. «...В здешней земле,— говорит один из героев Новикова,— француз не умрет от голода».

Но проблема галломании в этом издании, как всегда у Новикова, была связана с другой — патриотическим воспитанием народа. Сам писатель до боли сердечной любил необозримые русские просторы, золотистые поля пшеницы, прозрачные березовые рощи, плакучие ивы, низко склонившиеся над водой, села, живописно раскинувшиеся по берегам рек, с церквами на высоких холмах. Он любил русского мужика с его долготерпением, смекалкой и душевным оптимизмом, самозабвенно любил русскую литературу, только что начавшую расправлять крылья. Эту свою любовь он и хотел передать своим читателям. «Русский спокойно владеет собою, говорит благоразумно и здраво, он добрый и доверчивый,— утверждал Новиков в «Кошельке».—...Русские люди в рассуждениях наук и художеств столь же имеют остроты, разума и проницания, сколько и французы, но гораздо более имеют твердости, терпения и прилежания».

Писателю было горько и обидно видеть, как попирается все национальное на его родине. «Без французов,— рассуждает один из персонажей «Кошелька»,— разве могли мы называться людьми? Умели ли мы прежде порядочно одеться и знали ли все правила нежного, учтивого и приятного обхождения, тонкими вкусами утвержденные? Без них не знали бы мы, что такое танцованье, как войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу и одною ею разные изъявлять страсти и показывать состояние души и сердца нашего».

Боль и гнев в этих строках. Постоянно сталкиваясь с подобными рассуждениями и в великосветских салонах, и в безвкусно обставленных гостиных мелкопоместных дворян, писатель не мог равнодушно взирать на галломанию, охватившую русское общество, и снова и снова поднимал свой голос в защиту национальной гордости и самобытности.

«Кошелек» просуществовал всего два месяца. Правда, за это время вышло девять его номеров. Говорят, что закрыли журнал из-за протеста французского посланника, возмущенного резкими нападками на его соплеменников. Но царское правительство могло прекратить издание журнала и по другим причинам. Статьи Новикова в «Кошельке» кроме критики галломании содержали немало острых политических намеков на русскую действительность. В общем, «Кошелек», едва увидя свет, должен был покинуть его.

Из-за восстания Пугачева Новиков не мог открыто писать о положении крестьян. Но уже через год он все-таки умудрился выпустить третье издание «Живописца», включив в него самые сильные сатирические произведения из «Трутня» и таким образом выразив свое истинное отношение к недавним событиям. «Новиков, как известно, был первый и, может быть, единственный из русских журналистов, умевший взяться за сатиру смелую и благородную, поражавшую порок сильный и господствующий...— писал Н. А. Добролюбов.— Он затрагивал такие вопросы и интересы, которые только еще в настоящее время находят свое разрешение и о которых поэтому во времена Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно...»

«Кошелек» был последним сатирическим журналом Николая Ивановича Новикова. Снова пришла пора подводить итоги и решать, как жить дальше.

Приступая к изданию журналов, Новиков надеялся, что императрица, проявившая инициативу выпуском «Всякой всячины», поддержит его начинание. Однако общий тон новиковской сатиры, обличавшей дикие крепостнические порядки, казнокрадство, взяточничество, отсутствие правосудия, родовую спесь, лицемерие, ханжество, низкопоклонство перед иностранщиной, не мог быть приемлем для самодержавной императрицы, и она начала с издателем решительную борьбу.

Вначале это была словесная полемика с «Трутнем» на

страницах «Всякой всячины». Но издатель «Трутня» оказался намного сильнее ее в аргументации своих взглядов, и тогда императрица решила прибегнуть к власти. Она уже не делала бесплодных попыток «уговорить» Новикова, а стоило ему немного усилить критику — и он получал «по рукам»: очередное издание немедленно закрывалось.

Это постоянное единоборство с самодержавной властью подорвало веру писателя в сатиру. Иногда ему казалось, что общество еще нравственно не созрело для борьбы за те идеалы, которые он защищал.

Пытаясь найти выход из тупика, Николай Иванович Новиков попал в масонское общество.

Первые масонские ложи возникли в Англии в 20-х годах XVIII века. «...Группа лиц,— пишет один из исследователей масонства В. Боголюбов,— проникнутых идеей общечеловеческого братства, воспользовалась для своего объединения старинной формой организации цеха каменщиков... Самая «работа» первоначального английского масонства была очень простой... она определялась как религиозно-нравственное воспитание членов организации... Каменщики должны были относиться друг к другу по-братски, взаимно помогать и наставлять друг друга. Равенство и любовь должны были царить в их союзе...»

В России масонство появилось десятилетием позже. На первых порах русские масоны пользовались полной свободой. В ложах собиралась самая избранная публика. При императрице Елизавете Петровне в масонстве состояли князья Голицыны, Трубецкие, Мещерские, главнокомандующий русской армии А. Б. Бутурлин, известный русский историк И. Н. Болтин, поэт А. П. Сумароков.

Постепенно русские масоны, как и западноевропейские, начали делиться на отдельные группы, каждая из которых имела свою организацию, свою программу и свои задачи. Одних привлекала обрядовая сторона масонских собраний и празднеств: пышная, замысловатая, таинственная, интригующая. Были и такие масонские ложи, где с большим вдохновением занимались алхимией, астрологией, магией, искали «философский» камень, превращающий в золото простые металлы, пытались изобрести лекарство, помогающее от всех болезней. «Известная часть западноевропейских масонов,— пишет профессор А. Н. Веселовский,— но сравнительно небольшая, живо интересовалась вопросами чисто политическими и принимала участие в

политической борьбе, что в связи с таинственностью, какою всегда была окружена деятельность масонов, вызывало много тревог и подозрений у правительств различных стран, иногда плохо разбиравшихся в оттенках масонства».

Основные степени масонства — ученик, подмастерье, мастер — в некоторых системах дополнились высшими степенями, число которых иногда доходило до 90.

Вот как описываются обряды масонов в одном из донесений Екатерине II. Ложа собирается в особой палате, обшитой черным сукном с белыми цветами. Посредине комнаты стоит черный стол, на нем мертвая голова и обнаженная шпага с заряженным пистолетом. Голова закреплена на пружинах и вращается.

Сначала вступающего в масонскую ложу приводят в эту палату и сажают перед столом. Потом, сняв платье и все металлические украшения, разув правую ногу и завязав глаза, спрашивают, сколько лет и где служит. Затем двое масонов и метр, обнажив шпаги, ведут в ложи, к гранметру. Он сидит прямо напротив дверей в кресле за столом, покрытым пунцовым бархатом. На столе обнаженная шпага и циркуль. На полу от стола до дверей постелена клеенка, на которой начертан мелом храм Соломонов. Вокруг него стоят члены секты.

Вновь приведенного предают трем мытарствам: обводят два раза по кругу с зажженными свечами, потом поднимают на специальную горку и сталкивают с нее к ногам гранметра и, наконец, заставляют присягать через гранметра Христу. Вступающему в ложу кладут на левое плечо печать Соломонову, циркулем прокалывают грудь и самого заставляют стирать текущую кровь платком. После этого, развязав глаза, повелевают целовать у гранметра левую ногу три раза.

А вот как описана ложа мартинистов в романе Льва Толстого «Война и мир» (события происходят в 1807 году в Петербурге).

«Въехав в ворота большого дома, где было помещение ложи, и пройдя по темной лестнице, они прошли в освещенную небольшую прихожую, где без помощи прислуги сняли шубы. Из передней они прошли в другую комнату. Какой-то человек в странном одеянии показался у двери. Вилларский, выйдя к нему навстречу, что-то тихо сказал ему по-французски и подошел к небольшому шкафу, в котором Пьер заметил невиданные им одеяния. Взяв из шка-

фа платок, Вилларский наложил его на глаза Пьеру и завязал узлом сзади...

Проведя его шагов десять, Вилларский остановился.

— Что бы ни случилось с вами,— сказал он,— вы должны с мужеством переносить все, ежели вы твердо решили вступить в наше братство. (Пьер утвердительно отвечал наклонением головы.) Когда вы услышите стук в двери, вы развяжите себе глаза,— прибавил Вилларский,— желаю вам мужества и успеха...

Оставшись один, Пьер продолжал все так же улыбаться. Раза два он пожимал плечами, подносил руку к платку, как бы желая снять его, и опять опускал ее. Пять минут, которые он пробыл с завязанными глазами, показались ему часом... В дверь послышались сильные удары. Пьер снял повязку и оглянулся вокруг себя. В комнате было черно-темно: только в одном месте горела лампада в чем-то белом. Пьер подошел ближе и увидал, что лампада стояла на черном столе, на котором лежала одна раскрытая книга. Книга была евангелие; то белое, в чем горела лампада, был человечий череп с своими дырами и зубами. Прочтя первые слова евангелия: «В начале бе слово и слово бе к богу», Пьер обошел стол и увидал большой, наполненный чем-то и открытый ящик. Это был гроб с костями...

При слабом свете, к которому, однако, уже успел Пьер приглядеться, вошел невысокий человек...

— Для чего вы пришли сюда? — спросил вошедший...

— Да, я... я... хочу обновления,— с трудом выговорил Пьер.

— Вы ищите истины, для того, чтобы следовать в жизни ее законам; следовательно, вы ищите премудрости и добродетели, не так ли? — сказал ритор после минутного молчания.

— Да, да,— подтвердил Пьер.

— Теперь я должен открыть вам главную цель нашего ордена,— сказал он,— и ежели цель эта совпадает с вашею, то вы с пользою вступите в наше братство. Первая и главнейшая цель... от самых древнейших веков и даже от первого человека до нас дошедшего, от которого таинства, может быть, зависит судьба рода человеческого. Но так как сие таинство такого свойства, что никто не может его знать и им пользоваться, если долговременным и прилежным очищением самого себя не приуготовлен, то не всяк может надеяться скоро обрести его. Поэтому мы имеем

вторую цель, которая состоит в том, чтобы приуготовить наших членов, сколько возможно, исправлять их сердце, очищать и просвещать их разум теми средствами, которые нам преданием открыты от мужей, потрудившихся в искании сего таинства... Очищая и исправляя наших членов, мы стараемся, в-третьих, исправлять и весь человеческий род, предлагая ему в членах наших пример благочестия и добродетели...

Добродетели эти были: 1) скромность, соблюдение тайны ордена, 2) повиновение высшим членам ордена, 3) добронравие, 4) любовь к человечеству, 5) мужество, 6) щедрость и 7) любовь к смерти.

— Я готов на все,— сказал Пьер.

— В знак повиновения прошу вас раздеться.— Пьер снял фрак, жилет и левый сапог по указанию ритора. Масон открыл рубашку на его левой груди и, нагнувшись, поднял его штанину на левой ноге выше колена...— И наконец, в знак чистосердечия, я прошу открыть мне главное ваше пристрастие...

— Женщины,— сказал тихим, чуть слышным голосом Пьер. Масон не шевелился и не говорил долго после этого ответа. Наконец, он подвинулся к Пьеру, взял лежавший на столе платок и опять завязал ему глаза.

— Последний раз говорю вам: обратите все ваше внимание на самого себя, наложите цепи на свои чувства и ищите блаженства не в страстях, а в своем сердце... Источник блаженства не вне, а внутри нас...

Пьер уже чувствовал в себе этот освежающий источник блаженства, теперь радостию и умилением переполнявший его душу».

Так стал масоном Безухов. А что привело в масонскую ложу Н. И. Новикова? Вот его собственный ответ на этот вопрос: «Находясь на распутьи между вольтерьянством и религией, я не имел точки опоры или краеугольного камня, на котором мог бы основать душевное спокойствие, а потому неожиданно попал в общество (масонов)».

В том, что Новиков стал масоном, есть своя внутренняя закономерность. Потеряв веру в силу сатиры, писатель стал искать каких-то других путей воздействия на общество. Познакомившись с программой масонства, он подумал, что путем нравственной проповеди, путем просвещения и призыва к обновлению сумеет подействовать на умы своих соотечественников.

Русские масоны, особенно после поражения крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, решительно отрицали необходимость социальных реформ, а тем более революции. Однако и существующий порядок их тоже не устраивал. Окружающую действительность они рассматривали как царство зла и противопоставляли ей свою мечту о всемирном объединении человечества в религиозном братском союзе, в котором будут процветать любовь и гуманность, навсегда исчезнут насилие, угнетение и несправедливость.

Увлеченные своей идеей, масоны создали утопическую концепцию о мирном перерождении несовершенного современного общества путем всеобщего просвещения и нравственного самоочищения в царство добра и справедливости.

Н. И. Новиков не разглядел двойственного характера идеалов масонства, которое противостояло и революции и реакции одновременно. Он не мог даже предположить, что через некоторое время многие русские масоны, в том числе и его друзья, начнут открытую борьбу с научным познанием, с идеалами Французской революции, а позже — с материалистической философией. В программе масонов Новиков увидел только ее положительную сторону — пропаганда просветительской и филантропической деятельности. Правда, в ложу вначале вступать не хотел: его пугала таинственность обрядов. Боясь потерять Новикова, масоны решили принять его без всякой присяги и обязательств и «открыли три первые градуса наперед», то есть сразу признали мастером.

Но английское масонство (Новиков состоял в ложе, которую возглавлял историк И. П. Елагин) его не удовлетворяло. «...Хотя и делались изъяснения по градусам на нравственность и самопознание,— объяснял издатель на допросе в Шлиссельбургской крепости,— но они были весьма недостаточны и натянуты».

Тогда Н. И. Новиков примкнул, как он говорил, к «истинным» масонам — ученикам барона Рейхеля — и подружился там с Николаем Никитичем Трубецким и Михаилом Матвеевичем Херасковым. Эта система удовлетворяла его больше других.

Но ни тогда, ни позже масонство не являлось для Новикова самоцелью: служение отечеству — вот что было для него всегда, в любых обстоятельствах самым главным.

В сентябре 1777 года русские масоны приступили к

изданию своего первого журнала. «Душа и дух да будут единственными предметами нашими»,— говорилось в «Предуведомлении» к «Утреннему свету». Журнал проповедовал идею самопознания, пытался теоретически обосновать философию и этические понятия масонства, призывал уравнять всех людей независимо от их классовой принадлежности: «...всякий человек может некоторым образом сказать сам себе: весь мир мне принадлежит».

Сотрудниками «Утреннего света» были М. М. Херасков, В. И. Майков, М. Н. Муравьев, А. М. Кутузов, И. П. Тургенев. Журнал имел около 800 подписчиков и приносил издателям солидный доход. На эти деньги в Петербурге было открыто два начальных училища для бедных детей: в 1777 году — Екатерининское, а в следующем — Александровское, при церкви Благовещения на Васильевском острове. «Утренний свет» постоянно информировал читателей об учебе и жизни своих воспитанников и приглашал желающих посетить занятия.

Екатерина, как всегда, отнеслась к новому мероприятию Новикова неодобрительно. Она не только не вложила ни одного рубля в содержание училищ, но, когда через некоторое время правительство решило заняться народным образованием, даже не вспомнила о Новикове. А ведь именно от него исходила идея народного просвещения.

Кроме «Утреннего света» в это время Н. И. Новиков редактировал еще один журнал. Это были «Санкт-Петербургские ученые ведомости». Их главная задача состояла в том, чтобы сблизить русских ученых и писателей с западноевропейскими: направление, принципиально новое для Новикова.

НА МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Летом 1778 года Николай Иванович побывал на родине. В Москве он встретился со своим другом Михаилом Матвеевичем Херасковым, назначенным куратором университета. Исход встречи был самый неожиданный: Новиков решил покинуть Петербург и переехать на постоянное жительство в Москву. Дело в том, что М. М. Херасков предложил ему взять в аренду университетскую типографию.

Типография была создана в 1756 году. Тогда ею заведовал сам Михаил Матвеевич. Благодаря его решительным

действиям университету были переданы гражданские шрифты Синодальной типографии и типографии главной канцелярии артиллерии и фортификации. В университетской типографии стали печататься переводы, которые, как правило, делали студенты. Здесь же начала выходить газета «Московские ведомости». Но распространялась она плохо, тираж ее не превышал 600 экземпляров.

Возглавив университет, Херасков решил всерьез заняться типографией. Как всякий культурный человек, он понимал, какое огромное значение имеет хорошо налаженное издательское дело, и не случайно вспомнил о Новикове.

Сам Херасков был одним из образованнейших людей своего времени. Его имя навсегда вошло в историю Московского университета, в котором он был сначала асессором конференции (1755—1763), потом директором (1763—1770) и, наконец, куратором. К студентам Михаил Матвеевич относился с отеческой теплотой. Если бывало нужно, помогал им материально; когда появлялась возможность, печатал их переводы, оказывал воспитанникам университета протекцию, используя для этого свои многочисленные светские знакомства.

Его гостеприимный дом был своеобразным литературным клубом. Здесь собирались все истинные поклонники искусства и просвещения. Не случайно Херасков стал «крестным отцом» многих молодых дарований. На его глазах делали свои первые шаги в литературе Богданович, Фонвизин, Державин, Карамзин, Дмитриев, Жуковский.

Херасков и сам писал стихи, драмы, поэмы. Многим его друзьям и почитателям они нравились, хотя историки литературы и критики позднейшего времени были не очень высокого мнения о его творчестве. «Херасков был человек добрый, умный, благонамеренный и, по своему времени, отличный версификатор, но решительно не поэт,— говорил В. Г. Белинский.— Его дюжинные «Россиада» и «Владимир» долго оставляли предмет удивления для современников и потомков, которые величали его русским Гомером и Виргилием и проводили во храм бессмертия под щитом его длинных и скучных поэм; пред ним благоговел сам Державин; но, увы! ничего не спасло его от всепоглощаемых волн Леты!» «У Хераскова было воображение, но не было творчества»,— заметил в свое время поэт Дмитриев.

Михаил Матвеевич Херасков.

Жена Хераскова Елизавета Васильевна тоже сочиняла стихи. Это была очень добрая, умная и милая женщина. Ее веселая общительность и живой характер уравновешивали некоторую сдержанность и официальную суховатость мужа.

Рассказывают, что в детстве с Херасковым произошла одна странная история. Мать как-то посадила его на подоконник и вышла из комнаты. В это время мимо дома проходили цыгане. Мальчик им приглянулся, и они забрали его с собой. Обнаружив исчезновение сына, мать пришла в ужас. К счастью, кто-то из домочадцев вспомнил о цыганах; помчались вслед за табором и отобрали ребенка...

Для Хераскова переезд в Москву его друга Николая Ивановича Новикова был настоящим праздником.

С Новиковым заключили контракт следующего содержания:

«1) Университетская типография поступает в арендное содержание Новикова на 10 лет с 1 мая 1779 года по 1 мая 1789 года.

2) Новиков обязуется платить ежегодно за эту аренду 4500 рублей.

3) Все типографские служители должны получать жалованье и заработную плату от Новикова».

Надо было безгранично верить в дело, которому служишь, надо было самозабвенно любить его, чтобы подписать подобный договор, зная, в каком плачевном состоянии находится типография Московского университета.

Но Николай Иванович принял предложение Хераскова, почти не колеблясь. К этому времени он уже приобрел солидный издательский опыт и надеялся на успех. С 1766 по 1779 год помимо журналов Новиков выпустил 53 книги, которые печатал в типографиях Академии наук, кадетского корпуса, в «вольных» типографиях Вейтбрехта и Шнора. Новиков мечтал о широкой издательской деятельности. Но в Петербурге рассчитывать на успех не приходилось: Екатерина зорко следила за каждым его шагом. Оставалось одно — переехать в Москву.

Хотя власть здесь в то время находилась в руках главнокомандующего князя Михаила Никитича Волконского, беззаветно преданного императрице, а его правой рукой был обер-полицмейстер Николай Петрович Архаров, который своей ловкостью и находчивостью в сыскных делах приводил в восторг самого знаменитого начальника париж-

ской полиции Сартина, все же в Москве жилось вольготнее, легче, чем в Петербурге. Екатерина приезжала сюда всего три раза: в 1762 году — на коронацию, в 1767 году — на открытие депутатской комиссии по составлению нового Уложения и в 1775 году — на празднование Кучук-Кайнарджийского мира.

Поэтому все, недовольные Екатериной и ее политикой, укрывались в Москве. Здесь же, ближе к своим родовым поместьям селились и те, кто уходил в отставку. Среди «опальных» были князь Григорий Орлов — недавний придворный фаворит, вытесненный более ловким Потемкиным, его братья, помогавшие Екатерине захватить престол, князь А. М. Голицын — бывший вице-канцлер, удаленный от должности с почетным, но бесполезным титулом обер-камергера.

Барские хоромы высились на всех центральных московских улицах: на Тверской, Воздвиженке, Покровке, Пречистенке, Басманной, Дмитровке. Жизнь текла привольная, беззаботная, полупровинциальная, полусветская. «Тут бок о бок шли праздники на европейский лад, где напудренные и затянутые красавицы чинно и кокетливо приседали в менуэтах не хуже, чем в Версале,— пишут историки,— и кипели пиры на русскую ногу, разгульные и широкие, где гремели удалые песни, дрались кулачные бойцы и среди отчаянных попоек плясали доморощенные грации. Все вкусы, все наклонности встречали себе удовлетворение и не могли находить стежек, потому что никакие служебные или другие обязанности не отвлекали людей от любимых забав».

В отличие от многих других Николая Ивановича Новикова, как мы видели, влекли в Москву отнюдь не забавы.

Новиков появился на московской земле в конце апреля 1779 года. Был чудесный весенний день. Сияло полуденное солнце. Почки на деревьях уже набрали силу и не сегодня-завтра готовы были распуститься нежными клейкими листочками. Звонко распевали птицы в садах.

Вдыхая пьянящий аромат пробудившейся земли, Николай Иванович радостно поглядывал по сторонам и не заметил, как въехали во Всехсвятское. Надо было покормить лошадей, да и самому отдохнуть после долгой дороги. Ямщик отправился на постоялый двор, а Новиков — в ближайший трактир. Трактирщик, огромный, широкогрудый мужик с черной курчавой бородой, острыми маленькими

глазами, большим красным носом и пухлыми крупными губами, встретил его ласково и почтительно.

— Милости просим, барин,— проговорил он низким, осипшим голосом — видно, с недавнего перепоя.— Что прикажете подать?

— Чем богат, то и подавай,— ответил весело путник.

Глядя на круглое, улыбающееся лицо барина, трактирщик тоже повеселел.

— Будет сделано! — ответил он по-солдатски и, переваливаясь с ноги на ногу, зашагал за перегородку.

Николай Иванович огляделся. В трактире было пусто и прохладно. Пол белел, как полотно. То ли от этой чистоты, то ли от предчувствия вкуса горячих ароматных щей на душе стало тепло и спокойно. «Все будет хорошо, все будет хорошо...» — повторил он несколько раз, словно убеждая себя, что поступил правильно, оставив Петербург и снова шагнув в неизвестность.

Из трактира он отправился смотреть новый дворец, который строил Матвей Федорович Казаков. Работы были начаты четыре года назад, и конца еще не было видно. Полюбовавшись мощными красными стенами и белокаменной резьбой, зашагал к постоялому двору: пора было отправляться в путь.

Дорога от Всехсвятского бежала к Тверской заставе. Слева осталась вековая роща с огромным пустынным полем за ней, справа промелькнула песчаная Ходынка. Недалеко от Тверской заставы на Ходынском поле обычно происходили «медвежьи травли». Сейчас здесь было безлюдно и тихо, и Новиков, перестав глядеть по сторонам, задумался.

Не заметил, как доехали до Тверской заставы. Здесь путешественник снова оживился и с жадностью всматривался в полузнакомый пейзаж. Промелькнули каменные домики ямщиков (после пожара 1773 года Тверская слобода была заново спроектирована архитектором Петром Бортниковым и застроена однотипными каменными домами), началась любимая Новиковым Тверская улица. Она тоже пострадала от пожара и выглядела теперь совсем поиному. То тут, то там мелькали строительные леса: это знать возводила себе новые каменные особняки.

По левую руку Николай Иванович увидел великолепный трехэтажный дом в итальянском стиле, с балконами и колоннами, знакомый ему с гимназических лет. Это зда-

ние еще при Петре I построил сибирский воевода князь М. П. Гагарин. Остались позади Георгиевский женский монастырь и бывший дом окольничего князя С. Львова, теперь принадлежавший князю П. И. Одоевскому. По соседству с Одоевским жил князь М. И. Долгоруков. Напротив, на другой стороне Тверской, находилась усадьба камергера князя С. М. Голицына. Заканчивалась улица ветхой церковью Спаса преображения. Сама церковь, каменная ее колокольня и одноэтажный деревянный домик священника доживали свой век. Долгоруковы давно с вожделением поглядывали на эти земли.

Карета выехала на Моховую и покатила к Красной площади. Справа остался Московский университет, с которым Николай Иванович снова прочно связывал свою судьбу.

Поселился он в доме у Воскресенских ворот (между теперешним Историческим музеем и Музеем В. И. Ленина) и сразу же отправился осматривать типографию. Служащие встретили его настороженно (кто знает, каким он будет, их новый хозяин?), неохотно отвечали на вопросы и почему-то прятались за спины друг друга. Новиков понял их состояние и не стал докучать расспросами. Он вернулся к себе, взял лист бумаги и быстро начал писать.

Часа через два Николай Иванович составил себе четкий и подробный план: где какое закупить оборудование, скольких служащих еще нанять, как платить им, какие издавать книги.

Под руководством Новикова типография ожила. Появилось новое оборудование. Значительно пополнились шрифты. Была закуплена за границей хорошая бумага, приобретены стойкие красители. Рабочие заметно повеселели: новый хозяин пришелся им по душе — и дело знал превосходно, и платил исправно.

Очень скоро, по утверждению друзей Новикова, университетская типография стала одной из лучших в Европе.

Уже в первый год вышло 45 изданий. Среди них такие различные по характеру книги, как «Эмиль и София, или хорошо воспитанные любовники» Ж.-Ж. Руссо, «Собрание разных забавных и веселых повестей, или Исторический магазин для разума и сердца», комедия М. М. Хераскова «Ненавистники», «Латинская грамматика», «Исследование юридическое», «Поваренные записки», «Городской и деревенский садовник», «Как делать фейерверки» и даже «Лю-

бовный лексикон» — для желающих углубить познания в сердечных делах.

В следующем, 1780 году вышло еще 70 названий. Теперь основной упор был сделан на учебники: увидели свет «Немецкая азбука», «Латинский лексикон», «Французская грамматика», «Опыт естественной истории», «Правила пиитические», букварь, учебник по тригонометрии.

Новиков, придававший огромное значение народному образованию, делал все от него зависящее, чтобы повысить научный уровень книг, которые предполагал издать. Очень часто он заказывал перевод одного и того же произведения двум или трем переводчикам одновременно, щедро оплачивал их труд, а выбирал для издания только один перевод, тот, который оказывался лучшим.

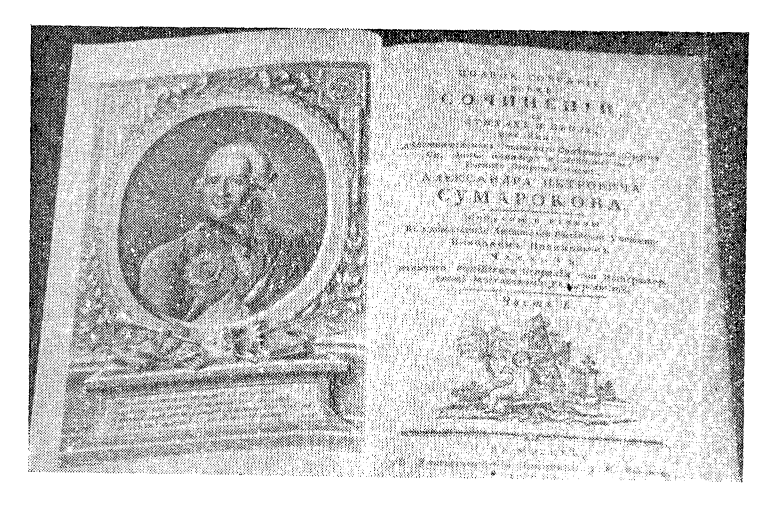
В том же 1780 году увидели свет роман «Потерянный рай» Г. Мильтона, «Русские сказки», полное собрание российских песен, читатель получил «Нравоучительные рассуждения о супружеских должностях» и «Слово о способе, как предупредить можно немаловажную между прочим медленного умножения народа, причину, состоящую в неприличной пище младенцам, даваемой в первые месяцы их жизни».

Еще 73 издания вышли в 1781 году. Среди них «Нравоучения древних философов», «О блаженстве» Руссо, «Опыт о свойстве, нравах и разуме женщин в разных веках», «Ботанический подробный словарь», «Начальные основания алгебры», «Энциклопедия, или Краткое начертание наук и всех частей учености».

Все это были переводные издания. Кроме них из университетской типографии вышло несколько оригинальных произведений: «Бабушкины сказки», ряд пьес и полное собрание сочинений А. П. Сумарокова.

Прошло всего два с половиной года, как Николай Иванович приехал в Москву, а его издательская деятельность уже приобрела невиданный размах.

Во многих городах России, в том числе и в Петербурге, стали появляться издания с маркой Московского университета. Комиссионеры Полтавы, Тамбова, Коломны, Киева, Казани, Пскова, Вологды, Рязани, Симбирска, Архангельска, Риги, Тулы, Твери, Ярославля, Смоленска устанавливали деловые связи с Новиковым, который отдавал им свою литературу на очень выгодных условиях — со скидкой и с рассрочкой платежа.

Титульный лист к полному собранию сочинений А. П. Сумарокова, изданному Новиковым.

В организацию этого дела издатель вложил около 20 тысяч рублей, вырученных им от продажи наследственного имения в Мещевском уезде. Это было весьма рискованное предприятие: Новиков в любой момент мог оказаться разоренным.

Но желание дать народу дешевую книгу было настолько велико, что Николая Ивановича Новикова не могла испугать даже крайняя бедность.

Еще в 1773 году в журнале «Живописец» Новиков указывал, что книгопечатание «соблюдает наилучшим образом все истины, доставляет наибольшему количеству народа об оных сведение, через то очищает общество от заблуждений и предрассудков, всегда вредных». Тогда же он говорил: «...не довольно сего, чтобы только печатать книги... а надобно иметь попечение о продаже напечатанных книг». Особое внимание Новиков обращал на распространение литературы в провинции. Теперь его идеи начали осуществляться на практике.

Издатель стремился выпускать в свет только то, что, по его мнению, могло благотворно повлиять на души читателей. Поэтому он безоговорочно отвергал всякие лубочные, рыночные и безнравственные издания. А чтобы вос-

препятствовать их распространению, он иногда специально покупал такие рукописи и потом уничтожал их.

Много внимания и сил уделял Новиков в эти годы и газете «Московские ведомости», которая перешла к нему вместе с типографией. Благодаря ему подписчики получили наконец вполне занимательное чтение. На страницах «Московских ведомостей» рядом с официальными материалами печатались статьи о новинках литературы, рассказы, стихи, эпиграммы, сообщения об общедоступных культурных мероприятиях Московского университета, последние новости светской жизни и много других полезных и разнообразных сведений.

О том, как были популярны тогда новиковские «Ведомости», рассказывает Н. М. Карамзин. Одному его московскому знакомому «случалось видеть несколько пирожников, которые, окружив чтеца, с великим вниманием слушали описание сражения между австрийцами и французами. Он спросил и узнал, что пятеро из них складываются и берут московские газеты, хотя четверо не знают грамоте. Но пятый разбирает буквы, а другие слушают».

Новиков, по словам Карамзина, сделал «Московские ведомости» «гораздо богаче содержанием, прибавил к политическим различные другие статьи... Число субскрибентов (подписчиков.— *Л. Б.*) ежегодно умножалось». Через 10 лет оно дошло до 4 тысяч.

Но на газетных страницах издатель при всем желании не мог воплотить всех своих замыслов. И вот он задумал бесплатно раздавать подписчикам по листу «Прибавлений» к каждому номеру.

Одно из главных мест в этих «Прибавлениях» вначале занимали материалы о воспитании детей. Вот несколько выдержек из одной такой статьи: «Не погашайте любопытства детей», «...научите их чувствовать справедливо», «...упражняйте их всегда во внимательности», «Остерегайтесь подавать детям ложные или не довольно точно определенные понятия о какой-нибудь вещи, сколько бы ни была она маловажна», «Не учите детей ничему такому, чего они по возрасту своему... разуметь не могут», «Старайтесь не только умножать и распространять их познание, но и сделать его основательным и верным», «Научите их мыслить основательно», «Научите их здравие и крепость тела ценить выше богатства и красоты, похвалу совести выше почтения и похвалы людской...», «...не должны

они слышать от вас других, кроме справедливых мнений», «Старайтесь охранять детей своих от многоречия и болтливости», «...приучайте их к трудолюбию, порядку и прилежанию в их делах», «Старайтесь влить в них искреннюю любовь и благоволение ко всем человекам, без различия состояния, религии, народа или внешнего счастия», «...научите их терпению в страдании, бодрости и постоянству в несчастии, смелости и неустрашимости во всяких обстоятельствах», «Следуйте в воспитании детей своих некоторому плану... и сколько возможно никогда от оных не отступайте».

Новиков считает, что «воспитание — тонкая наука, требующая для своего усвоения чтения, опыта, размышления. Цель воспитания — сделать детей благополучными и приготовить хороших граждан».

История другого постоянного «Прибавления» к «Московским ведомостям» такова. Однажды к Николаю Ивановичу пришел известный агроном и журналист Андрей Тимофеевич Болотов. Хозяин искренне обрадовался его приходу, встретил гостя ласково и доброжелательно. Они познакомились и вскоре разговаривали как старые друзья.

Новиков предложил Болотову взять на себя составление и редактирование «Экономического магазина» — своеобразного сборника статей по вопросам сельского хозяйства. «Сим неожиданным мне предложением,— писал впоследствии Андрей Тимофеевич,— он меня так ошарашил, что я с минуту времени не в состоянии был ему ничего отвечать...»

Договорились издавать «Экономический магазин» с 1780 года по два листа в неделю. Болотов относился к своим обязанностям с большой ответственностью, старался не подводить издателя и снабжал его материалами на полтора-два месяца вперед. Не призывая ни к каким коренным преобразованиям, он давал помещикам практические советы, как лучше организовать хозяйство, учитывая, например, свойства и качество почв.

В 1781 году Николай Иванович попытался вовлечь Болотова в масонское общество, но получил решительный отказ. Возвращаясь от издателя, которого нашел живущим «в просторнейших и порядочно убранных комнатах», Андрей Тимофеевич размышлял: «Нет, нет, государь! Не на такого глупца и простачка напал, который бы дал себя ослепить твоими раздабарми и рассказами и протянул бы

тебе свою шею для возложения на нее петли и узды, дабы тебе после на нем верхом ездить и неволею заставлять все делать, что тебе угодно».

Но Новиков и не собирался насильно вовлекать Болотова в масоны. Он сделал предложение, Андрей Тимофеевич отказался, и инцидент был исчерпан. Для издателя хороший, добросовестный сотрудник был гораздо дороже, чем еще один масон.

Типографская деятельность настолько захватила Новикова, что для отдыха и развлечений почти не оставалось времени, но Николай Иванович все-таки урывал часок-другой, чтобы навестить своих старых друзей, в большинстве своем знакомых масонов. Он по-прежнему с удовольствием бывал в семье Михаила Матвеевича Хераскова. Все чаще и чаще Новиков стал посещать братьев Трубецких — сыновей известного фельдмаршала и генерал-прокурора князя Никиты Трубецкого. У них на шумных праздниках бывали ученые, литераторы, художники. В Москве у Трубецких было несколько домов, в том числе «дом-комод» на Покровке (ныне улица Чернышевского) и дача на Большой Калужской (сейчас Ленинский проспект).

У Николая Никитича Трубецкого Новиков познакомился со своей будущей женой, племянницей хозяина Александрой Егоровной Римской-Корсаковой.

«Она училась в Смольном монастыре,— пишет автор книги о Новикове А. В. Западов,— была девица образованная и с интересом присматривалась к гостям дядюшкина дома, сановным и чудаковатым. Ей нравились степенные беседы, что вели они между собою,— о добродетели, о боге, о врагах и завистниках.

Александра Егоровна сразу отличила Новикова. Не то чтобы он был моложе других — нет, он приходился им ровесником,— но в его лице было столько живости, таким умом светились добрые глаза, такой убежденностью веяло от речей, всегда кратких, но основательных, что Александра Егоровна ожидала его приездов. Ей приятно было, что Новиков стал заезжать к Николаю Никитичу и в неназначенные дни, но связать его участившиеся визиты со вниманием к ее собственной персоне робкая девушка долго не осмеливалась.

А это было именно так. Новиков, отлично понимавший светскую науку любви, примеры которой описал он в своих изданиях, сам избегал любовных искушений. Вероятно,

Александра Егоровна была первой девушкой, для которой раскрылось его сердце. Намерений своих Новиков не таил. Александра Егоровна воспитана в строгих правилах масонского дома — где искать более надежную подругу?

Николай Никитич Трубецкой заметил склонность Новикова и ей отнюдь не препятствовал. Александра Егоровна была сирота и бесприданница, замуж ее выдавать — дело неминучее, если ждать женихов — непременно спросят они, что дают за невестою, а Новиков о том и не заикнется.

Так оно и сбылось. Новиков сделал предложение, Николай Никитич его благословил, Александра Егоровна ответила согласием — и свадьбу отпраздновали в 1781 году».

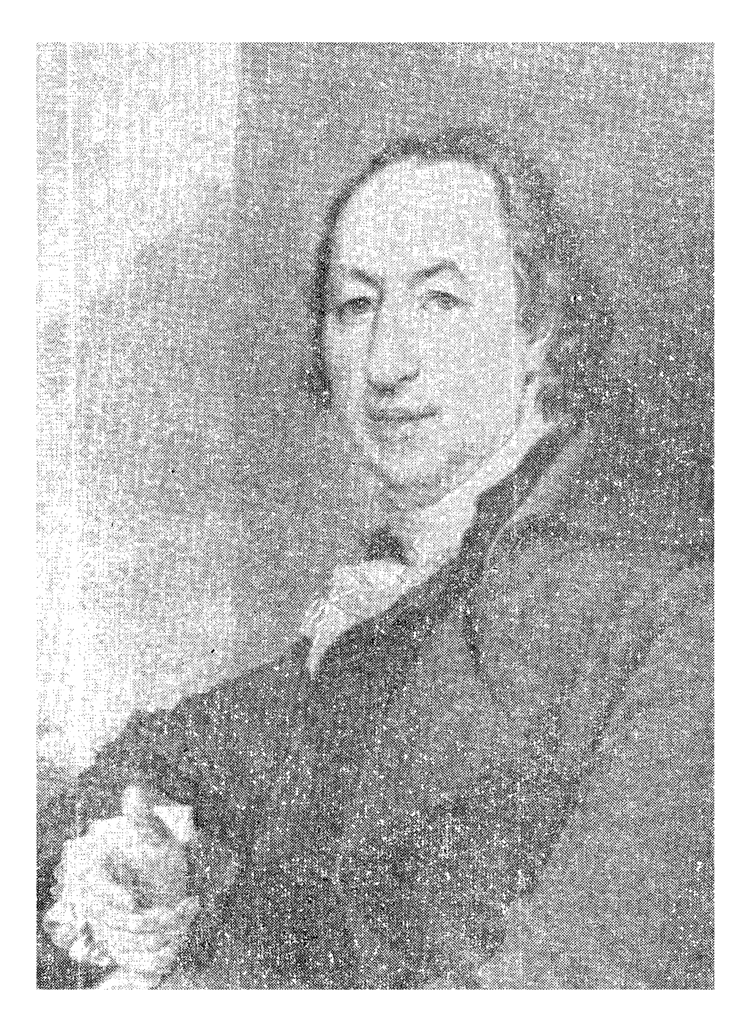
Судя по всему, брак этот не был счастливым. Обе стороны в своем решении больше руководствовались разумом, чем сердцем. Да и прожили супруги вместе недолго: в 1791 году Александра Егоровна умерла, оставив мужу троих малолетних детей — сына и двух дочерей.

ОТ ДРУЖЕСКОГО УЧЕНОГО ОБЩЕСТВА ДО ТИПОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ

Николаю Ивановичу Новикову не везло в любви, у него было мало радостей в семейной жизни, но на отсутствие друзей и почитателей он пожаловаться не мог. Об одном из них рассказывает сам Новиков: «Однажды пришел ко мне немчик, с которым я, поговоря, сделался на всю жизнь до самой смерти неразлучным». «Немчик» этот был Иван Григорьевич Шварц.

Шварц родился в Силезии и воспитывался в религиозной общине. Страстный и темпераментный, он не мог усидеть на месте и отправился в Ост-Индию. Там Шварц не раз бывал на краю гибели, а когда вернулся на родину, серьезно занялся науками. Он мечтал о педагогической деятельности и очень обрадовался, когда в 1776 году князь Гагарин, путешествовавший по Германии, пригласил его воспитателем к детям своего друга Александра Михайловича Рахманова в Могилев. После коротких сборов Шварц покинул родину.

Очень скоро по каким-то делам ему пришлось побывать в Москве. Здесь энергичный и общительный Иван Григорьевич познакомился с писателем Василием Ивановичем Майковым. Майков ввел Шварца в ложу князя Н. Н. Тру-

Николай Иванович Новиков.

бецкого. Через год умер Рахманов. Иван Григорьевич переехал в Москву и стал преподавать в университете.

О Новикове Шварц был наслышан от его друзей, которые все до единого отзывались о нем с восторгом. Шварца заинтересовала деятельность замечательного русского про-

светителя, и он стал упорно искать встречи с этим необыкновенным человеком.

«По домам Трубецкого и Майкова познакомился он со мною,— рассказывал Новиков.— Знакомство наше, кажется, продолжалось около года, только по литературе и типографии, об масонстве же я с ним не говорил ни слова... но, впрочем, я его весьма полюбил за его отличные дарования, ученость, да за заслужливость; наипаче за отменное его дарование изъясняться о самых ученнейших материалах просто, ясно, вразумительно».

Между Новиковым и Шварцем установились теплые дружеские отношения, хотя глубокого взаимопонимания не было. «По приезде моем в Москву 1779-го года упражнен я был и совершенно занят типографскими делами, а масонством совсем не занимался»,— вспоминал впоследствии Новиков.

Шварц уделял много внимания мистическим исканиям, Николай Иванович же ими не увлекался, а стремился использовать масонский орден и его денежные средства для осуществления своих просветительских идей.

По инициативе Новикова и при непосредственном участии Шварца 13 ноября 1779 года при Московском университете была учреждена филологическая семинария, призванная готовить для народа образованных и проникнутых новым духом учителей.

Студенты семинарии жили в общежитии в Кривоколенном переулке близ Мясницкой (этот дом существовал до конца XIX века). Шварц стал их преподавателем. Чтобы приохотить слушателей к чтению, он разделил между ними свою библиотеку. Молодежь отвечала ему искренней привязанностью и любовью. «Все это,— говорит Иван Григорьевич,— исполнило меня райскими ощущениями; я сгорал желанием выразить благодарность свою народу, столь благородному, столь жаждущему науки».

Создание филологической семинарии было лишь первым шагом в совместной просветительской деятельности Новикова и Шварца. Долгими зимними вечерами, когда за окнами мела колючая поземка и ветер тоскливо завывал в трубе, друзья усаживались поближе к старинному камину в гостеприимном доме Шварцев близ Меншиковой башни и, попивая горячий душистый чай, умело приготовленный супругой Ивана Григорьевича (с недавних пор он был женат на гувернантке князя Голицына), мечтали о

создании общества, которое будет распространять просвещение по всей России.

Этим мечтам в какой-то мере вскоре суждено было сбыться. В начале 1781 года Иван Григорьевич был приглашен воспитателем сына московского богача Петра Алексеевича Татищева, отец которого был очень известным человеком — денщиком при Петре, строителем «Ледяного дома» при Анне Ивановне, генерал-полицмейстером при Елизавете.

П. А. Татищев попал под влияние Шварца, который с необыкновенным красноречием рассказывал ему об их с Новиковым просветительских планах. Расчувствовавшийся богач решил передать в распоряжение друзей значительную часть своего состояния. Его примеру последовали Трубецкие, Черкасский, Тургенев и другие масоны.

Так появилась материальная основа для создания задуманного Новиковым и Шварцем Дружеского ученого общества. «Колумб, впервые завидевший землю,— утверждал Иван Григорьевич,— не мог радоваться более меня, когда в руках моих очутился значительный капитал для осуществления моей платоновой идеи». Не меньше Шварца радовался и Новиков: создание Дружеского общества обещало новый размах его книгоиздательской деятельности.

Официальное открытие Общества состоялось в октябре 1782 года (до этого его члены собирались приватно в деревянном корпусе близ университета на Моховой). Было разослано печатное объявление на русском и латинском языках, приглашающее любителей наук пожаловать в дом Татищева у Красных ворот (сейчас дом № 41 по улице Кирова).

Цель Общества его учредители определяли так: «Особливое же внимание «Др. учен. о-ва» обращено будет к тому, чтобы те части учености, в которых, сравнивая их с прочими, не столько упражняются, как, например: греческий и латинский языки, знание древностей, знание качеств и свойств вещей в природе, употребление химии и другие познания, процветали вящше и могли приносить свои плоды. В таком намерении сие «Общество» стараться будет также присоединить к себе славнейших чужестранных ученых мужей, а с некоторыми из них вступить в ученую переписку.

Но дабы польза от всего вышесказанного не заключена была и ограничена в тесных пределах сего «Общества», то

оно стараться будет, как то уже сие прежде чинено было, о попечении своим иждивением различного рода книг, особливо же учебных, и о доставлении их в училище.

...Сверх сего учреждена «Филологическая семинария» для содержания в ней на первый случай и обучении 35 питомцев, в числе которых и приняты уже 21 студент из разных духовных академий и семинарий, порученные «Дружескому уч. о-ву», для обучения их предписанным им наукам; для 14 ж впредь определяемых остались порожние места. Сии семинаристы три года наставляемы будут в предписанных им пауках со всяким рачением, дабы по прошествии того времени, возвратясь к своим местам, могли они сами вступить в учительское звание».

Как видим, у Дружеского ученого общества была серьезная и обширная программа обучения. Говорят даже, что впоследствии Новиков сам отыскивал способных молодых людей, снабжал их учебниками, давал им переводы, которые печатал затем в своей типографии.

Церемония открытия Дружеского общества происходила в большом зале богатого татищевского особняка. Гостей встречали хозяин дома Петр Алексеевич Татищев и Иван Григорьевич Шварц. Держались они строго и даже несколько чопорно, всем своим видом подчеркивая торжественность момента.

Одними из первых появились профессора Московского университета, друзья Шварца, Ф. Баузе и Я. Шнейдер. Они заметно волновались, несмотря на солидный стаж публичных выступлений,— сегодня им предстояло продемонстрировать свое ораторское мастерство не перед студентами, а перед высшими авторитетами — Новиковым и его друзьями.

Вслед за Шнейдером и Баузе приехал Иван Владимирович Лопухин, известный масон, завсегдатай дома Татищевых. Держался он легко и уверенно и, несмотря на свои 26 лет, казалось, чувствовал себя равным и с Петром Алексеевичем, и с Ивапом Григорьевичем. Знатность и богатство его фамилии гарантировали ему особое положение в обществе. По своим общественно-политическим взглядам Лопухин был монархистом, противником революции, апологетом крепостничества.

Гостей становилось все больше и больше. Татищев и Шварц уже не успевали встречать каждого из прибывающих. Даже с Семеном Ивановичем Гамалеей они едва

смогли поздороваться. А Гамалея был только рад — он не любил привлекать к себе внимание. Небольшого роста, с высоким лбом, маленькими глазами под нависшими бровями, он тут же пошел искать своего кумира Николая Ивановича Новикова.

Про Гамалею рассказывали много необыкновенных историй. Говорили, что он родился в Киеве. Там же закончил духовную семинарию. Потом попал во флот, был правителем канцелярии у белорусского генерал-губернатора фельдмаршала З. Г. Чернышева. Вместе с ним в 1782 году переехал в Москву, куда Захара Григорьевича назначили главнокомандующим, и стал правителем его канцелярии.

Еще в бытность их в Белоруссии Гамалея отказался от 300 душ крепостных, ссылаясь на то, что со своею собственной душой не знает, как управиться. Потом он перестал нюхать табак, подсчитав, что тратит на него 15 рублей в год, и стал раздавать эти деньги бедным. Был и такой случай. Однажды слуга выкрал у него 500 рублей и сбежал. Слугу поймали, но Семен Иванович отпустил его, говоря при этом: «...видно, мне не суждено иметь людей... и вот деньги, которые ты взял». Подобных историй было множество, и они прочно утвердили за ним репутацию чудака.

Гамалея превосходно знал латинский, немецкий и некоторые восточные языки и уже помогал Дружескому обществу своими переводами. В компании он был застенчив и молчалив, но у себя дома, особенно с друзьями, становился удивительно словоохотлив.

Не успел Семен Иванович разыскать Новикова, как объявили о приезде главнокомандующего Москвы графа Захара Григорьевича Чернышева. Его сопровождал адъютант Иван Петрович Тургенев — питомец университетской гимназии, блестяще образованный богатый симбирский помещик.

Все засуетились, и церемония открытия Дружеского ученого общества началась.

Вдохновенно произнесли свои речи Баузе и Шнейдер. Друг Новикова П. И. Страхов с воодушевлением прочел рассуждения о силе и пользе учения. Другой приятель Николая Ивановича — Ф. П. Ключарев прочитал свою новую оду, специально сочиненную к этому случаю. Выступили даже питомцы Общества: один — с благодарственной ре-

чью, другой — со стихами. Посетителям раздавали книги, изданные Новиковым при содействии Дружеского общества. В заключение взял слово Иван Григорьевич Шварц. Он благодарил графа Чернышева за оказанную честь и просил его удостоить Общество рекомендации императрицы.

Так Дружеское общество было утверждено официально. Новиков и Шварц несколько дней ходили как именинники.

Но вскоре у Ивана Григорьевича начались крупные неприятности в университете. Куратор Московского университета И. И. Мелиссино — сын греческого лекаря, выехавшего из Венеции при Петре I, воспитапиик сухопутного кадетского корпуса — был недоволен созданием самостоятельного Дружеского общества и предлагал влить его в Вольное российское собрание, созданное еще в 1771 году. Шварц отказался. Мелиссино начал мстить ему. Наконец в июне 1782 года Иван Григорьевич, уже несколько раз оскорбленный куратором, не выдержал и подал в отставку. Отставка была принята. Шварца сделали почетным профессором.

Теперь, когда у него появилось много свободного времени, Иван Григорьевич с еще бо́льшим энтузиазмом занялся масонскими делами. Под его влиянием в 1782 году из университетской типографии вышли многие книги духовного содержания. Распространению и пропаганде масонских взглядов служили и печатавшиеся здесь журналы.

За несколько лет до этого Новиков создал новую масонскую ложу «Гармония», в которую вошли его друзья Н. Н. Трубецкой, М. М. Херасков, А. А. Черкасский, И. П. Тургенев, князь Енгалычев, А. М. Кутузов и И. Г. Шварц. По их инициативе стал выходить масонский журнал «Московское ежемесячное издание». Знакомство с 12 его номерами дает наглядное представление о той упорной борьбе, которая происходила в среде мартинистов. В одних статьях — скрытые и открытые нападки на передовую научную мысль и философию, в других — актуальные политические проблемы. Например, в письме о льстецах и царях под видом рассуждений о политических нравах дореволюционной королевской Франции затрагивались вопросы, волновавшие тогда всех лучших русских людей: здесь говорилось о сословных барьерах, об абсолютизме и рабстве, о необходимости прогрессивного законодатель-

ства. Кстати, именно в «Московском ежемесячном издании» впервые в истории русской жизни ставился вопрос о праве женщин на высшее образование.

В 1782 году на смену ему пришел масонский журнал «Вечерняя заря». В предисловии к его первому номеру отмечалось, что он является продолжением «Утреннего света», прекратившего свое существование в 1780 году. Редактором «Вечерней зари» был Шварц. Поэтому здесь более откровенно, чем в других масонских изданиях, проповедовались мистические идеи.

Совсем другой характер носила «Городская и деревенская библиотека, или Забавы и удовольствия для разума и сердца», также родившаяся в 1782 году. Цель этого развлекательного издания Новиков видел в том, чтобы дать занимательное чтиво деревенским жителям.

Типография Новикова работала без перебоев. И поэтому когда пришлось думать о ее переводе в другое помещение, Николай Иванович сильно расстроился. В Москве открывались новые присутственные места, и кому-то приглянулся дом у Воскресенских ворот. Переезжать не хотелось, но делать было нечего — согласия Новикова никто не спрашивал. Издатель занял денег у Лопухина и купил на Лубянке дом, прежде принадлежавший аптекарю Мейеру. За домом был огромный сад, доходивший почти до Лучникова переулка. Новиков перевел типографию в новое помещение и перебрался сам.

Следующий, 1783 год был самым блестящим в деятельности Дружеского общества. Его заседания с каждым разом становились все многолюднее. Гости и хозяева (они были одеты в одинакового покроя голубые кафтаны с золотыми пуговицами) с жаром обсуждали различные педагогические и филантропические проекты, придирчиво рассматривали отчеты по денежным делам, внимательно изучали корреспонденцию.

Одной из главных забот Дружеского общества стало издательское дело, что вполне соответствовало замыслам Николая Ивановича Новикова.

В это время был издан указ о «вольных типографиях», по которому всякому, кто желал, разрешалось печатать книги под надзором полицейской цензуры. Открылось несколько типографий в Москве и Петербурге, но из-за неопытности предпринимателей они исчезли так же быстро, как и возникли.

Дружеское общество тоже воспользовалось этим указом. Одна типография была оформлена на имя Новикова, другая — на имя Лопухина. Первая помещалась на Лубянке, вторая — в Армянском переулке, там, где жили их хозяева. Кроме того, существовала третья, «тайная» типография. Она находилась в доме Шварца близ Меншиковой башни. В ней печатались исключительно мартинистские издания.

В четырех типографиях — университетской, двух «вольных» и одной «тайной» — в 1783 году вышло 79 названий. Книги продавались в университете и в других книжных лавках Новикова, в частности у Спасских ворот на мосту. Примеру Новикова последовали и другие: на Никольской улице, в помещениях, устроенных в новой каменной стене Заиконоспасского монастыря, расположились книготорговцы Кольчугин, Полежаев, Тараканов, Матушкин. Канули в прошлое те времена, когда литературой торговали на толкучем рынке вперемешку со старым тряпьем и продуктами.

Ежегодно Новиков печатал «Росписи книг», продающихся в университетской книжной лавке. Большой популярностью у москвичей пользовалась и новиковская библиотека для чтения, открытая издателем при книжном магазине на Моховой. Это была одна из первых публичных библиотек Москвы.

В 1783 году увидели свет в новиковском издании антирелигиозная книга «Ахукамукхама Талым Набы...» и письма из Америки, автором которых был Федор Васильевич Каржавин, сыгравший выдающуюся роль в русском освободительном движении на первом его этапе. Сын ямщика, двенадцать лет проведший в эмиграции в Америке, он был другом и последователем А. Н. Радищева, верным защитником угнетенных и яростным врагом самодержавия. Судя по всему, у Новикова с Каржавиным были хорошие дружеские отношения.

Новый, 1784 год начался для Новикова неудачно. Шварц поехал в подмосковное имение Трубецкого Очаково и слег там. 17 февраля его не стало. Николай Иванович не смог поехать на похороны, так как и сам был серьезно болен.

Дружеское общество почтило память Шварца особым заседанием. Говорили о том всеобщем уважении, которое приобрел Иван Григорьевич за 10 лет, проведенных им в

России. Речи эти трогали своей искренностью и теплотой. С особой благодарностью вспоминали о Шварце его ученики. Навсегда он остался и в памяти Новикова, который после смерти Ивана Григорьевича продолжал их общее дело с удвоенной энергией.

Вскоре из Дружеского общества родилась еще более солидная организация — Типографическая компания. Ее название говорит само за себя. Главная задача нового Общества состояла в дальнейшем расширении издательского дела. Членами Типографической компании стали братья Трубецкие, братья Лопухины, И. П. Тургенев, А. М. Кутузов, В. В. Чулков, Н. А. Ладыженский, барон Шредер, С. И. Гамалея, А. А. Черкасский, князь Енгалычев, Г. М. Походяшин, Н. И. Новиков и его брат Алексей — всего 15 человек.

Первым начинанием компании было создание новой обширной типографии на 20 печатных станков. Размещалась она у Новикова на Лубянке и еще в нескольких домах на Никольской улице.

Типографическая компания начала издавать в огромном количестве книги самого различного содержания. В их числе были научные и философские труды, романы и пьесы, пособия по народному просвещению и учебники. Видное место занимали произведения русских писателей — М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина, М. М. Хераскова, В. И. Майкова. Новиков познакомил русское общество и с лучшими образцами западноевропейской литературы. Благодаря ему русский читатель узнал имена Расина, Свифта, Сервантеса, Шекспира, Эразма Роттердамского, Лессинга. Новиков перевел ряд статей французских энциклопедистов, английских экономистов, немецких философов, издал «Записки о походах в Галлию» Юлия Цезаря, «Историю о странствиях» Прево, «Одиннадцать писем разного содержания» Цицерона и т. д.

Стремясь к просвещению всех слоев населения, Новиков выпустил много дешевых книг в популярном изложении. «Я стараюсь особенно о том, чтобы книги пускать как можно дешевле и тем заохотить к чтению все сословия»,— писал он в одном из писем.

Произошли некоторые изменения и в характере его журнальной деятельности. Выходивший с 1784 года «Покоящийся трудолюбец» заметно отличался от последних масонских журналов Новикова. Во многих вопросах жур-

нал явно полемизировал с «Вечерней зарей»: отвергал алхимию, астрологию, спиритизм, поиски универсального лекарства. Новиков выступал против суеверий, против преследований за веру, против невежества и лицемерия духовенства. Он говорил об обязанностях правителей заботиться о народе и о том вреде, который неумный государь может принести своей стране. Больше того: Новиков во многих вопросах прямо расходился с масонами. Он, например, отдавал должное просветительской философии XVIII века, признавал научное познание.

В «Покоящемся трудолюбце» издатель снова обратился к жизни крепостных крестьян, хотя время для этого было весьма неблагоприятное: после восстания Пугачева Екатерина подозрительно относилась к любому упоминанию о крепостном праве. В одном из номеров журнала Новиков поместил «Письмо к другу», в котором изобразил крестьян, вынужденных работать без отдыха:

Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучим, не стыдясь, подобных нам людей;
С презреньем некоим на их труды взираем,
Гордяся леностью, их силы изнуряем.

В «Покоящемся трудолюбце» было напечатано также большое стихотворение «Быль», в котором был выведен жестокий и сварливый помещик, приказывающий выдрать слугу на конюшне за правдивый ответ.

Жизнь со всеми ее ужасами и противоречиями вторгалась даже в такие новиковские издания, которые, по-видимому, должны были более, чем другие, отражать масонские верования, искания и порывы в заоблачный мир.

Типографическая компания занималась не одним лишь изданием книг. У нее была своя собственная больница, она имела хорошо оборудованную аптеку. Для заведования ею из-за границы были выписаны известный фармацевт Френкель и пять провизоров (впоследствии они завели в Москве свои собственные аптеки). Лекарства из аптеки Типографической компании отпускались бедным бесплатно.

Кроме того, Типографическая компания отправляла за границу молодых людей для завершения образования, помогала создавать школы и оказывала безвозмездную помощь беднякам. Недаром Новиков писал с болью: «У нас в Москве убогие хижины подле великолепных палат сами извещают о своих бедняках».

Екатерина была осведомлена о взглядах и деятельно-

сти Новикова и его друзей. Она видела, что они привлекают к себе все больше и больше сторонников и, главное, находят поддержку в широких народных массах, среди студентов и в кругу интеллигенции. Напуганная всем этим, Екатерина твердо решила разделаться наконец с Новиковым.

ТУЧИ НА ГОРИЗОНТЕ

Первые испытания обрушились на Николая Ивановича совершенно неожиданно. По просьбе главнокомандующего Москвы графа З. Г. Чернышева Типографическая компания перепечатала два учебника, ранее изданных комиссией народных училищ. Разрешение на их выпуск получено не было, и в августе 1784 года комиссия опротестовала издание. Граф Чернышев хотел написать в Петербург, что Новиков ни в чем не виноват, но не успел: 29 августа он скончался. Издатель вынужден был дать объяснение, но его, разумеется, признали неудовлетворительным.

Спустя некоторое время Екатерина послала в Москву предписание осмотреть все книги в лавках Новикова и в его типографии. «Слышу я,— писала она обер-полицмейстеру Архарову,— что па Москве печатают ругательную Историю Езуитского Ордена, а как я тому Ордену дала покровительство, то требую, чтоб история та не токмо запрещена была, но и экземпляры отобраны были».

Такую книгу Новиков, действительно, напечатал. Орден иезуитов был закрыт самим папой, но Екатерина приютила его членов в России и поэтому была возмущена поведением издателя, который выступил против тех, кому она покровительствовала.

У Новикова отобрали сотни книг. Многие из них варварски сожгли, а его самого представили архиепископу Платону для испытания в вере. Платон, впрочем, заявил, что «молит всещедрого Бога, чтобы во всем мире были христиане таковые, как Новиков».

В январе следующего, 1785 года последовали еще два указа, направленные против издателя. Первый предлагал изъять из ведения Новикова школы и больницы, учрежденные им и масонами. Второй указ запрещал печатать масонские книги. Николаю Ивановичу снова учинили строгий допрос и вновь уничтожили многие его издания. Правда, несколько сот книг Новикову все же удалось

спасти: нарушив указ императрицы, он передал их для хранения одному частному книгопродавцу. Впоследствии Екатерина жестоко наказала Новикова за это.

Давая показания в 1785 году, Николай Иванович Новиков говорил, что в своей издательской деятельности не имеет никаких других намерений кроме того, чтобы «по силам его и по возможности приносить трудами своими пользу отечеству через распространение книжной торговли».

Деятельность Типографической компании продолжалась. В 1785 году Новиков издал 39 названий, в том числе эпическую поэму Хераскова «Владимир возрожденный», «Древнюю и новую историю от начала мира до настоящего времени», книгу «Судьба религии» и несколько справочников. Этот год ознаменовался также появлением такого интереснейшего издания, как «Детское чтение для сердца и разума», одним из активнейших сотрудников которого стал впоследствии молодой Н. М. Карамзин.

Со смертью Чернышева Типографическая компания лишилась надежной опоры. И Тургенев, и Лопухин, и Гамалея потеряли влияние в административном мире и вынуждены были оставить свои прежние места. Настроение у всех было подавленное.

В это время у И. П. Тургенева в Симбирске умер отец, и он поехал туда по делам наследства. На родине Иван Петрович встретил юношу, «играющего роль светского человека,— как говорил поэт И. И. Дмитриев,— решительного за вистовым столом, любезного и занимательного в дамском кругу, политика пред отцами семейства, которые хотя и не привыкли слушать молодежь, но его слушали». Это был 19-летний Карамзин.

Тургеневу он очень понравился: живой ум, пылкий темперамент, открытое сердце, удивительная общительность выделяли его среди окружающих. Он уговорил Николая Михайловича поехать с ним в Москву. Симбирская жизнь Карамзину уже порядком надоела, и юноша с готовностью согласился. В Москве Тургенев свел своего земляка с Николаем Ивановичем Новиковым. Новикову Карамзин тоже понравился, и издатель предложил ему сотрудничать в «Московских ведомостях». Позднее вместе с Александром Андреевичем Петровым Карамзин стал редактировать «Детское чтение для сердца и разума». Новые сослуживцы поселились тогда в старинном каменном доме

Николай Михайлович Карамзин.

Шварца близ Меншиковой башни. Их скромное жилище украшал бюст покойного профессора под черным флером. Молодые люди быстро сдружились и, несмотря на различие темпераментов — Петров был угрюм, молчалив и подчас насмешлив,— отлично уживались под одной крышей.

Карамзин относился к Петрову как к старшему товарищу. Александр Андреевич — ученик Шварца — был очень умен, широко образован, прекрасно знал отечественную словесность, в совершенстве владел несколькими новыми и древними языками.

«Детское чтение...» при Карамзине и Петрове было одним из самых популярных изданий в России. Журнал пытался внушить своим юным читателям высокие идеалы добра и справедливости, уважение к человеческой личности, любовь к родной земле, ненависть к лицемерию и лжи. Его статьи были одновременно серьезны и забавны, поучительны и веселы.

Так, в одной из новелл рассказывалось, как один господин расхвастался о своих путешествиях и перечислил все страны и города, где он бывал. По его словам выходило, что он объездил весь свет.

«— Так вы очень знакомы с географией? — сказал один из собеседников.

— Нет,— ответил он,— я не был *в ней*: однако же *близ нее* проезжал».

В другом номере авторы рассказывали, как старый, бравый офицер попал в компанию ученых, где рассуждали об Аристотеле. Спросили и его мнение. «Я думаю,— отвечал добродушно старик,— что иной во всю жизнь не бывал в Аристотеле, а болтает о нем».

С большой охотой журнал помещал различные загадки. В одном из его номеров была такая загадка: «Что вчера будет, а завтра было?» В следующем выпуске был помещен ответ: «Загадка, предложенная в последнем листе, значит нынешний день, о котором вчера говорили, что он будет, а завтра будут говорить, что он уже был».

Под руководством Новикова «Детское чтение...» настойчиво проводило мысль об уважении крестьянского сословия. «Кто презирает крестьянина, тот недостоин питаться хлебом»,— утверждал журнал.

Большое внимание уделял журнал и распространению различных научных знаний. В нем были помещены беседы о солнечном тепле, громе, магните, воздухе, кофейном де-

реве, сахаре, о правах диких животных, написанные очень простым, доходчивым языком. Материал для журнала брался из лучших заграничных изданий, а над переводами статей немало потрудились и Петров и Карамзин. «Скажу вам кое-что о моем настоящем положении,— писал в 1787 году своему другу Лафатеру будущий автор «Бедной Лизы» и «Истории государства Российского».— Я все еще живу в Москве, на свободе от всяких служебных занятий. Перевожу с немецкого и французского, каждую неделю должен приготовить печатный лист для детей, набрасываю для себя самого кое-что под всегдашним заглавием «Беспорядочные мысли».

Карамзин перевел для журнала «Юлия Цезаря» Шекспира и драму Лессинга «Эмилия Галотти». На страницах «Детского чтения...» появилась и первая повесть Карамзина — «Евгения и Юлия», очень близкая по своему стилю к «Бедной Лизе».

По словам Н. М. Карамзина, «Детское чтение» новостию своего предмета и разнообразием материи, несмотря на ученический перевод многих пиес, нравилось публике». Эту же мысль подтверждает М. А. Дмитриев: «Детское чтение» было едва ли не лучшею книгою из всех, написанных для детей в России. Я помню, с каким наслаждением его читали даже взрослые дети».

Горячими поклонниками журнала были в свое время поэт В. И. Панаев и писатель С. Т. Аксаков. Все, кто читал «Детские годы Багрова-внука», хорошо помнят, какую роль в духовной жизни героя играл новиковский журнал: «Я читал свои книжки с восторгом и, несмотря на разумную бережливость матери, прочел все с небольшим в месяц. В детском уме моем произошел совершенный переворот, и для меня открылся новый мир... Я узнал в «рассуждении о громе», что такое молния, воздух, облака, узнал образование дождя и происхождение снега. Многие явления в природе, па которые я смотрел бессмысленно, хотя и с любопытством, получили для меня смысл, значение и стали еще любопытнее».

Автор «Записок ружейного охотника» и «Записок об ужении рыбы» неоднократно подчеркивал, что своей страстью к натуральной истории и к собиранию коллекций он обязан новиковскому журналу.

Хорошо известна высокая оценка, данная «Детскому чтению...» замечательным русским критиком В. Г. Белин-

ским. «Бедные дети! — обращался он к юным читателям 40-х годов прошлого столетия.— Мы были счастливее вас: мы имели «Детское чтение» Новикова».

Журнал выходил до 1789 года. Кроме Карамзина и Петрова активное участие в нем принимали А. А. Прокопович-Антонский и Василий Подшивалов. Впоследствии журнал неоднократно переиздавался. После смерти Новикова издателями «Детского чтения...» были М. Пономарев и С. Селивановский.

Влияние Новикова на Н. М. Карамзина в 80-х годах было, бесспорно, огромным. Но впоследствии, особенно после Французской революции, которую Карамзин сам наблюдал в Париже и Лионе и которая напугала его, он отказался от просветительских идеалов и стал ярым защитником крепостничества и самодержавия.

«Новиков умер в нищете — Карамзин жил в роскоши. В то время, когда Новиков ставил на карту сотни тысяч рублей, Карамзину нечего было есть. Они были оба люди гениальные, но их карьера была весьма различна, и они достигли самых противоположных результатов. История гигантов представляет с точки зрения логики немало любопытного»,— писал друг Новикова Д. П. Рунич.

В 1785 году Типографическая компания, давно уже искавшая для себя более удобное и просторное помещение, решила приобрести особняк графа И. С. Гендрикова на Садовой (потом в нем располагались Спасские казармы). Для покупки и переделки дома требовалось много денег. Член Типографической компании барон Шредер уверил товарищей, что получает от дяди из Мекленбурга очень большое наследство и может выделить из него 50 тысяч рублей на покупку дома. Шредер дал задаток и уехал в Берлин.

Владение графа Гендрикова фактически перешло к Новикову. Сюда с Лубянки должна была переехать типография со служащими, в этом же доме должны были поселиться вдова Шварца с детьми, Гамалея и брат Новикова Алексей, тут же предполагалось расположить аптеку Типографической компании.

Казалось, все складывается удачно. Но вдруг Шредер сообщил, что дядя лишил его наследства. Немец просил продать гендриковский дом и возвратить ему деньги. Сделать это было очень трудно: в доме уже успели произвести значительную перестройку, связанную с большими расхо-

дами. Тогда Новиков и Трубецкой предложили Типографической компании перевести особняк на ее имя. Между тем возвратившийся в Москву Шредер решительно потребовал, чтобы ему немедленно вернули наличными стоимость дома и весь капитал, вложенный им в разное время в общую кассу. Делать было нечего: чтобы рассчитаться со Шредером, дом пришлось заложить в Опекунском совете. Типографическая компания стала собственником гендриковского дома и одновременно приобрела долг в 100 тысяч рублей.

Правда, несмотря на это, благотворительная деятельность Новикова и его кружка продолжалась.

В 1786—1787 годах в России разразился страшный голод. Четверть ржи стоила в Москве 7 рублей. «Всякий, у кого есть дети,— говорил тогда Новиков,— не может равнодушно отнестись к известию о том, что огромное число несчастных малюток умирает на груди своих матерей. Я видел исхудалые бледные личики, воспаленные глаза, полные слез и мольбы о помощи, тонкие, высохшие ручонки, протянутые к каждому встречному с просьбой о корке черствого хлеба,— я все видел это собственными глазами и никогда не забуду этих вопиющих картин народного бедствия. Целые тысячи людей едят древесную кору, умирают от истощения. Если бы кто поехал сейчас в глухую деревню, в нищенскую хату, у него сердце содрогнулось бы при виде целых куч полуживых крестьян, голодных и холодных. Он не мог бы ни есть, ни пить, ни спать спокойно до тех пор, пока не осушил бы хоть одной слезы, пока не утолил бы лютого голода хоть одного несчастного, пока не прикрыл бы хоть одного нагого. Прочь веселье, радости и счастье! Раскроем свои сундуки, свои мешки золота, вынем из своих роскошных шкатулок драгоценные каменья, браслеты, кольцы, ожерелья, сложим все это к ногам голодающей братии. И только тогда не будут нарушать наш сон и покой эти несчастные, не будем слышать их стоны и вопли, не будет стыдно нам жить».

Эту речь Н. И. Новиков произнес в кругу своих друзей с огромным подъемом и волнением. Он был бледен. На глазах его блестели слезы. Лицо выражало искреннее страдание.

Вот как вспоминал об этом своем выступлении сам Николай Иванович: «Был в первый раз еще в жизни моей поражен ужасною картиною голода, был я чрезвычайно

сильно этим тронут; натурально, что я случившимся у меня приятелям, в числе коих был и г. Походяшин (известный богач-заводчик), рассказал о моей поездке в живых выражениях».

Речь шла об Авдотьине, куда Новиков ездил в начале зимы; узнав, что его крестьяне мрут от голода, Николай Иванович отдал им тогда весь свой хлеб и даже помог жителям соседних деревень. У них с братом было отложено на «черный» день 3 тысячи рублей. На эти деньги Новиков купил крестьянам хлеба.

В Москву он вернулся потрясенный, с твердым намерением сделать все, от него зависящее, чтобы помочь голодающим. Он обратился за помощью к друзьям. Первым откликнулся Григорий Максимович Походяшин. Его отец был когда-то простым извозчиком на одном из рудников Сибири. Случайно обнаружив богатые запасы медной руды, он в короткое время разбогател.

Григорий Максимович приехал в Москву в 1785 году и через соседа Новикова по авдотьинскому имению Ф. П. Ключарева познакомился с Николаем Ивановичем, которого сразу же самозабвенно полюбил. Через год Походяшин вышел в отставку с чином премьер-майора и поселился в Москве с красавицей женой, которая давно и тяжело болела.

Григорий Максимович предложил Новикову 10 тысяч рублей на покупку хлеба. Если этих денег будет мало, говорил Походяшин, он готов дать еще, но при одном условии: чтобы никто никогда не узнал об этом. (Когда Походяшин в конце концов разорился и умирал на чердаке, где единственной ценной вещью был портрет Новикова, прошел слух, что он растратил свое состояние на лечение жены.)

Получив от Походяшина деньги, Новиков отправился в деревню и «жил там всю зиму и следующую весну,— рассказывал сам Николай Иванович.— Г. Походяшин передавал всего 50 000 руб., на которые я закупил хлеба и роздал просившим взаймы до следовавшей осени, с тем, чтобы деньгами или хлебом заплатили. Хлеб раздаваем был со свидетелями и расписками. Всех казенных и дворянских селений, из коих брали хлеб, кажется, не ошибусь, если скажу, было около ста. Посредством сего хлеба вся та окольность в тот несчастный год прокормилась и весною все поля обсеяны были яровым хлебом».

Новиков настолько увлек богатого заводчика своей идеей, что осенью Походяшин отказался взять обратно собранные деньги, решив обратить этот капитал на постоянную помощь крестьянам. Был создан особый магазин на случай неурожая (существовал до 1792 года).

Тех, у кого не было денег для уплаты долга, Новиков привлекал на своего рода общественные работы: одни строили каменное здание для хлебных запасов (частично оно до сих пор сохранилось в Авдотьине), другие обрабатывали особые запашки, хлеб с которых шел в общий магазин.

Эта благотворительная деятельность Новикова у многих вызывала подозрение. Одни утверждали, что он стремится таким путем привлечь к себе простой народ «для замыслов каких-то непонятных», другие пускали слух, что Новиков изготовляет фальшивые ассигнации: иначе откуда же взять столько денег? А тайну Походяшина Николай Иванович раскрыть не мог.

Как всегда, особенно настораживала деятельность Новикова Екатерину. Его широкая помощь голодающим, как нарочно, совпала с путешествием императрицы в Тавриду, с поездкой, которая должна была продемонстрировать миру процветание и благоденствие России.

Чтобы удовлетворить тщеславие Екатерины, на ее пути срочно сажали сады, возводили дома, устраивали базары. Ведь императрицу сопровождала целая армия иностранцев, которым надо было пустить пыль в глаза. Когда Екатерина решила взять с собой в путешествие парчовую с золотом шубу, одна из ее приближенных сказала ей: «Матушка, вы все пальчики об нее перекололи». «Разве не понимаешь, что я еду как икона»,— ответила императрица.

На станциях, где не было дворцов, устраивались галереи. От Кайдак до Херсона (седьмая часть пути) для путешественников было приготовлено десять с половиной тысяч лошадей. На Днепре была запрещена переправа, чтобы не было остановок в плавании. В Киеве, где Екатерина провела около трех месяцев, каждому посланнику иностранной державы отвели отдельный дом, приставили множество лакеев, предоставили полное содержание. Все было пущено в ход, даже декорации, которые изображали возникшие в пустыне города.

А в это самое время кто-то осмелился заявить, что народ русский прозябает в голоде и нищете. Ужо ему будет!

КОНЕЦ ТИПОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ

Деятельность новиковского кружка в интерпретации Екатерины выглядела совсем иначе, чем было в действительности. «Вам известно, что Новиков и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатание книг, дав такой всему благовидный вид, что будто бы все те заведения они делали из любви к человечеству; но слух давно носится, что сей Новиков и его товарищи сей подвиг в заведении делали отнюдь не из человеколюбия, но для собственной своей корысти, уловляя пронырством и ложною как бы набожностью слабодушных людей, корыстовались граблением их мнений, о чем он неоспоримым доказательством обличен быть может»,— писала императрица Прозоровскому, назначенному ею в феврале 1790 года главнокомандующим Москвы.

Новиков давно знал о неприязни к нему Екатерины, но с тем большим энтузиазмом продолжал свою издательскую деятельность. В 1786 году Типографическая компания выпустила 66 изданий. На первом месте по количеству изданных книг был А. П. Сумароков, которого Новиков очень любил. Оба они полагали, что главным пороком современного дворянского общества является его бескультурье и невежество, высмеивали сословную спесь, религиозные предрассудки и галломанию. Были изданы комедии Сумарокова «Вздорница», «Лихоимец», «Нарцисс», «Рогоносец по воображению», «Чудовище», «Ядовитый», трагедии «Ярополк и Демиза», «Мстислав», «Семира», «Хорев». Вышли отдельным изданием «Эпические творения Михаила Хераскова». Продолжал выходить «Экономический магазин».

1787 год был для Типографической компании и Новикова еще более плодотворным: увидели свет 132 произведения. В том числе «Женитьба Фигаро» Бомарше, «Российская история», «Рассуждения о врачебной науке, которую называют докторством», «Собрание древних российских пословиц» и полное собрание сочинений Сумарокова.

Через год был побит и этот рекорд — 155 изданий! Особенно повезло Мольеру: были изданы «Тартюф», «Школа женитьбы», «Принужденная женитьба», «Лекарь поневоле», «Мизантроп», «Мещанин во дворянстве» —

Александр Петрович Сумароков.

одним словом, все лучшее, что принадлежало перу этого замечательного французского комедиографа.

Среди других изданий этого года можно отметить «Евгению» Бомарше, «Анекдоты о Петре Великом», «Политическое завещание кардинала Ришелье французскому королю», «Историю империи Петра Великого», «Топогра-

фическое описание Казани, Харькова», «Политическое состояние Древнего Рима», «Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам», «Подробное наставление о табаководстве», «Скотный лечебник», новые азбуки (французская, латинская, немецкая).

«Он не распространил, а создал у нас любовь и охоту к чтению, к наукам...— говорил о Новикове историк Киреевский.— Дело, им совершенное, осталось. Оно живет. Оно приносит плоды и ждет благодарности от потомства».

Подводя итог издательской деятельности Новикова в статье «О книжной торговле и любви к чтению в России», Карамзин писал: «Господин Новиков был в Москве главным распространителем книжной торговли. Взяв на откуп университетскую типографию, он умножил механические способы книгопечатания, отдавал переводить книги, завел лавки в других городах, всячески старался приохотить публику к чтению, угадывал общий вкус и не забывал частного. Он торговал книгами, как богатый голландский или английский купец торгует произведениями всех земель: то есть с умом, догадкою, с дальновидным соображением».

«Россия училась говорить, читать и писать по-русски по книгам и журналам, издаваемым в Москве»,— утверждал поэт П. А. Вяземский.

Но в следующем, 1788 году положение изменилось: вместо 155 названий всего 45. А еще через год и того меньше. Издательская деятельность Новикова, несмотря на все его усилия, пошла к закату.

Возвращаясь от Трубецких к себе на Садовую, Николай Иванович в который раз задумался о превратностях судьбы. Десять лет назад он приехал из Петербурга в Москву, чтобы взяться за дело, которое многим казалось абсолютно безнадежным. Но издатель верил в свою фортуну, и она ему улыбнулась. Перед глазами замелькали бесчисленные обложки: то строгие и лаконичные, то вычурные и замысловатые. Недавно он подсчитал: 944 названия напечатал за 10 лет! Новиков знал, что это немало, очень немало. Он готов был сделать в несколько раз больше. Для этого у него теперь были и опыт и знания, нашлись бы даже силы, которые, правда, в последнее время начали иссякать, но все это от неурядиц, от неприятностей, от долгов. Покупка гендриковского дома сильно

подорвала бюджет Типографической компании. Сделка уже сама по себе была невыгодной, а тут еще Шредер с его предательством. С этого времени долги стали расти, как снежный ком. А теперь еще одна неприятность. Вспомнив о ней, Николай Иванович помрачнел и с тоской огляделся вокруг, будто искал сочувствия у прохожих. Но никто не обращал на него внимания, люди спешили по своим делам, у каждого были свои заботы. Ну кому интересно, что у него отобрали университетскую типографию (в мае 1789 года подошел конец десятилетнему контракту)! Новиков знал, что еще несколько лет назад Екатерина распорядилась контракт не возобновлять. А он все-таки надеялся. Надеялся на чудо, на случайность, на неожиданную удачу. Чуда не случилось. Придется давать объявление в «Московских ведомостях», что отныне его книжная лавка у Никольских ворот не будет уже называться университетскою, а университетская переходит в дом межевой канцелярии на Тверской. Жаль, очень жаль, что придется прекратить издания «Экономического магазина» и «Детского чтения...» — эти журналы были особенно дороги Новикову. Ходят слухи, что университетскую типографию и «Московские ведомости» передают коллежскому асессору Слепушкину. Дело, конечно, налажено, но может ли он его продолжить, как надо? И насколько он смыслит в издательском деле? Все это ужасно обидно. Столько планов взлетело на воздух! Пожалуй, самое лучшее — бросить все и уехать в Авдотьино.

Николай Иванович приехал домой и тут же начал собираться в дорогу. После этого он появлялся в Москве всего несколько раз, и то ненадолго. Больше времени, чем обычно, он провел здесь в ноябре 1791 года. Надо было завершить дела Типографической компании, которую пришлось распустить из-за недостатка средств и из-за постоянных придирок правительства. За Новиковым остался дом на Лубянской площади, остались все его отпечатанные, но не распроданные книги и Спасская аптека.

В этот трудный момент опять пришел на помощь Николаю Ивановичу Григорий Максимович Походяшин. Он купил у Новикова книжный магазин, который ему теперь был совсем не нужен, и, кроме того, дал взаймы 50 тысяч рублей. Издатель смог выплатить долг Н. А. Ладыженскому, у которого в свое время купил имение в Орловской губернии, и произвести раздел с братом.

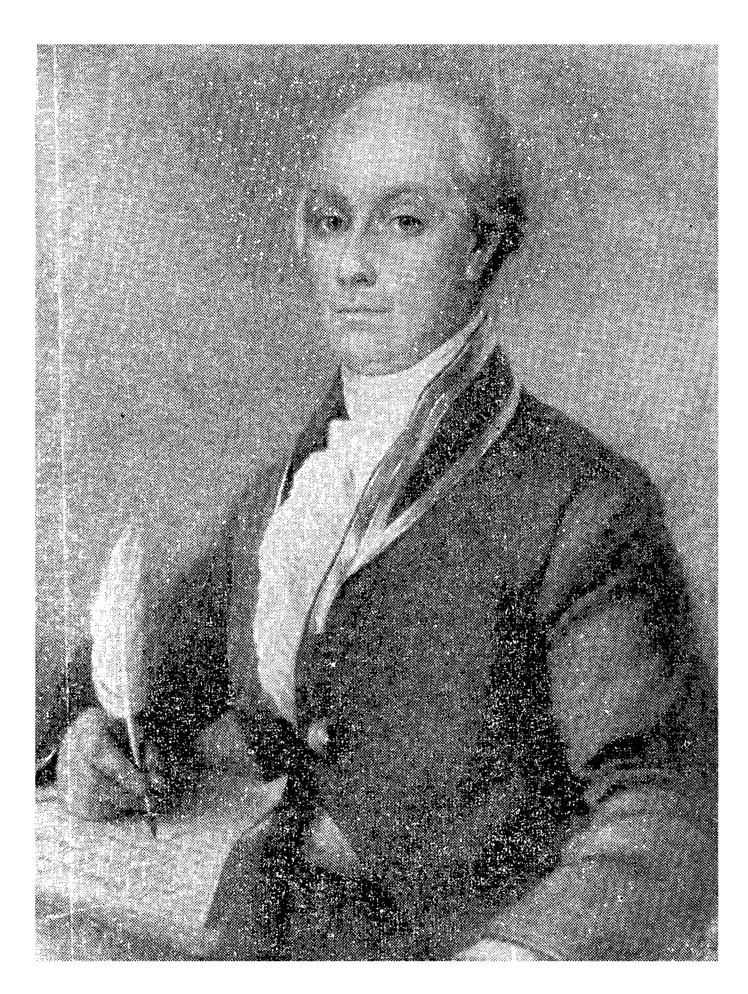
Покончив с делами, Новиков снова уехал в Тихвинское. Решил посвятить себя воспитанию детей, заняться наконец своим пошатнувшимся здоровьем и заставить свет забыть о себе.

Но не тут-то было. Кольцо вокруг Новикова смыкалось все плотнее и плотнее. Против него ополчилась даже Екатерина Дашкова, директор Российской академии наук. Екатерина II поручила ей в свое время напечатать «Географический словарь государства Российского о внутренней торговле». Прошло три года, а словарь все не появлялся. Тогда отвезли книгу Новикову, и вскоре несколько его экземпляров были уже в руках императрицы. «Новиков исправнее нас, в 6 недель то напечатал, о чем мы 3 года хлопочем»,— упрекнула Екатерина свою приятельницу на ближайшем обеде. Дашкова, «баба гордая, честолюбивая, искательница славы, исполненная завистью», как говорили о ней современники, смолчала, но обиду против московского издателя затаила. И когда придворного кондитера-француза обвинили в том, что он хотел якобы отравить императрицу, Дашкова воспользовалась случаем и назвала соучастниками мартинистов. Разумеется, тень тут же пала на Новикова: Екатерина давно считала, что он связан с наследником престола Павлом, который хочет занять императорский трон.

Екатерина не любила сына, боялась его и всячески избегала встреч. «Екатерина,— пишет современник,— считала тот день потерянным в жизни своей, когда она была обязана, по этикету двора или по каким-либо другим обстоятельствам, видеть своего сына». Когда Павел после свидания с матерью уезжал в Павловск или Гатчину, она всякий раз вздыхала с облегчением: «Ну, слава богу, гора свалила с плеч!»

Заняв трон, по закону принадлежавший сыну, Екатерина говорила в свое время, что будет править государством только до совершеннолетия Павла. Уже стали совершеннолетними его дети, а она все еще стояла у власти.

Николай Иванович Новиков не был лично знаком с наследником престола. Только дважды он оказывал Павлу небольшие услуги через архитектора В. И. Баженова, тоже состоявшего в масонской ложе. Впервые это было тогда, когда архитектор приезжал в Москву в связи с предполагаемой перестройкой Кремля. По замыслу Баженова, в центре Кремля предполагалось построить боль-

Александр Николаевич Радищев.

шой дворец, нечто вроде русского Акрополя. Внутри этого величественного сооружения среди площадей должны были размещаться древние кремлевские соборы. Перед дворцом со стороны Москвы-реки предполагалось расположить огромную овальную площадь с победными обелисками в центре и с лесом колонн вокруг. Проект этот был гран-

диозен и дерзок. Осуществить его оказалось чрезвычайно трудно (в конце концов он так и остался только на бумаге). В. И. Баженову то и дело приходилось отлучаться в Петербург; и вот в один из таких приездов он узнал от книгопродавца Глазунова, что цесаревич хочет, но не может найти сочинение Арндта об истинном христианстве. Архитектор, хорошо знакомый с Павлом, решил услужить ему и обратился к Новикову.

«Перед отъездом,— говорил в своих показаниях издатель,— сказал он мне и Гамалее, что он по приезде будет у той *особы,* о которой в бумагах говорится, и сказал: эта *особа* ко мне давно милостива, и я у нее буду; а вить эта *особа* и тебя изволит знать, так не пошлете ли каких книжек».

Посоветовавшись с друзьями, Новиков решил выполнить просьбу Баженова, но умолял его действовать осторожно, «чтобы он сам отнюдь не высовывался с книгами, сам не зачинал говорить, а разве эта *особа* сама зачнет».

Архитектор передал книги Павлу и подробно описал в письме Николаю Ивановичу Новикову свою встречу с цесаревичем. Но подлинного содержания баженовского письма так никто и не узнал: прежде чем ознакомить с ним друзей, Новиков сильно сократил его и переделал.

Потом издатель отправил Павлу еще несколько книг. Но когда через несколько лет Баженов попросил о новой услуге, Николай Иванович решительно отказался, сославшись на болезнь.

Екатерина впоследствии убедилась, что во взаимоотношениях ее сына с Новиковым не было никакой политической подоплеки, но в то время, о котором идет речь, любой поступок Павла вызывал у нее подозрение.

Французская революция 1789 года напомнила ей о возмездии. Недавняя вольтерианка пришла в ужас от парижских событий: «Казнить такого доброго милого короля, как Людовик XVI! Какое злодейство! Какая неблагодарность!» Екатерина так до самой смерти и не поняла причин переворота и обвиняла во всем злонамеренных депутатов, но сразу же твердо решила: в России такому не бывать!

О прежней «свободе мысли» уже не было и речи: подальше, подальше от французской заразы! По настоянию императрицы в Петербурге запретили играть комедию Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский»: ведь как-никак

герой ее ведет борьбу против варяжских князей во имя славянского веча!

Екатерина зорко и подозрительно вглядывалась в привычные лица и чуть ли не в каждом видела заговорщика. «Якобинцы всюду разглашают, что они меня убьют,— писала она своему заграничному агенту барону Гримму.— Три или четыре человека отправлены ими для этой цели». Но больше всего императрица опасалась народного движения: видно, не успела еще окончательно опомниться от Пугачева.

Первым пострадал Александр Николаевич Радищев. Его «Путешествие из Петербурга в Москву» потрясло Екатерину своей смелостью и откровенностью.

«Человек родится в мир равен во всем другому, все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю».

«...Страшись, помещик жестокосердный, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение».

«Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель его».

Как он посмел! «Сочинитель наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и защищает всевозможное, к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование против начальников и начальства» — таков был окончательный вывод императрицы.

И сколько ни доказывал на суде Радищев, что французская революция не имеет никакого отношения к его книге — она ведь написана раньше,— оправдания ему не было. Писателя приговорили к смертной казни, которую милостиво заменили затем десятилетней каторгой.

Очередь была за Новиковым.

РАСПЛАТА

До февраля 1790 года Москвой управлял Петр Дмитриевич Еропкин. Теперь на его место Екатерина назначила князя Александра Александровича Прозоровского. Узнав об этом назначении, князь Потемкин в письме императрице иронизировал: «Ваше величество выдвинули из вашего арсенала самую старую пушку, которая будет непременно стрелять в вашу цель, потому что своей собственной не имеет».

«Это был старый фронтовой генерал,— пишет о Прозоровском историк М. Н. Лонгинов,— который полагал, что все на свете может и должно подчиняться военной дисциплине и что администрация состоит в одном наблюдении за сохранением порядка, понимаемого в самом узком значении этого слова. Надменный по характеру, довольно ограниченный умом, плохо образованный, он не уважал просвещения и ценил одну исполнительность по службе».

Екатерине был нужен именно такой человек. В первом же своем послании Прозоровскому она посоветовала ему заняться Новиковым и его друзьями. «Касательно известной шайки,— писала она,— полезно будет без огласки узнать число людей, оной держащихся; пристают ли вновь или убывают ли из оной».

Прозоровский был ретив в подобных делах и еще до распоряжения Екатерины установил слежку за каждым, кто казался ему подозрительным. Особенно за иностранцами, и уж непременно за французами, а также за мартинистами. Была бы его воля, кажется, взял бы под надзор полиции каждого москвича.

Через несколько месяцев главнокомандующий доносил в Петербург: «Новиков живет в деревне, в округе Бронницкой; строит, сказывают, превеликое каменное строение». «Послать под каким ни есть видом... осмотреть, какие строения заводит у себя в деревне Новиков»,— распорядилась Екатерина. Она искала улик или хотя бы какого-нибудь мало-мальски серьезного повода. Когда однажды Прозоровский предложил ей издать указ об аресте Новикова, императрица недовольно возразила: «Нет, надобно найти причину».

В апреле 1792 года Екатерина II отправила в Москву указ расследовать, не печатает ли Новиков духовные книги.

Незадолго до этого в Риге были задержаны возвращавшиеся из-за границы воспитанники новиковского кружка Василий Колокольников и Максим Невзоров, обучавшиеся в иностранных университетах медицине и химии. Молодые люди на допросах в Невском монастыре, куда они были доставлены из Риги, отзывались о Новикове с большой теплотой. Они говорили, что надо отличать Типографическую компанию от масонства, что воспитанники филологической семинарии о мартинистах ничего не слышали и что сам Новиков заботился лишь об их обучении.

И тем не менее издатель доживал на свободе последние дни.

22 апреля весь московский «книжный мир» был взбудоражен. Прошел слух, что в бывшем гендриковском доме произведен обыск. «И в лавке Новикова тоже!» — добавляли очевидцы. «И не только там — во всех «вольных» лавках!»

Действительно, в Москве начались повальные обыски. Там, где были найдены не показанные в каталогах книги, хозяев брали под стражу, а лавки их опечатывали. Перепуганные книгопродавцы начали валить всю вину на Новикова. Так, Никита Никифорович Кольчугин признался Прозоровскому, что запрещенных книг у него хранится на 5 тысяч рублей, прячет он их в кладовых Гостиного двора да на суконной фабрике в Кадашах за Москвой-рекой, а книги эти, говорил он, новиковские.

В это самое время в Авдотьине тоже был переполох. Прибывшие от Прозоровского офицеры перевернули весь дом. Прислуга испуганно жалась по углам. Больной Новиков упал в обморок. Дети рыдали, не понимая, в чем дело. Но незваные гости неожиданно исчезли. Они увезли с собой все бумаги и книги, которые нашли в доме, в том числе 23 издания в листах и без переплета, припрятанные Новиковым еще в 1785 году. Правда, ни церковных литер, ни типографского оборудования обнаружено не было. А ведь именно это интересовало императрицу.

Новиков остался в Авдотьине под присмотром местных властей. Но Прозоровский им не доверял и направил в село гусар во главе с князем С. И. Жеваховым. Им было приказано привезти Новикова в Москву, как только позволит его здоровье. Гусарам совсем не хотелось скучать в такой дыре, как Авдотьино, и они часа через два затолкали больного в кибитку и отправились в обратный путь. Крестьяне горько оплакивали своего любимого хозяина, но ничем не могли ему помочь.

Дети Новикова остались в Авдотьине. Там их караулил офицер с четырьмя гусарами. А караулить-то, в общем, было уже некого: сын и старшая дочь Николая Ивановича тяжело заболели от испуга.

Из Авдотьина Новиков попал прямо в приемную Прозоровского. Главнокомандующий спешил: хотелось отрапортовать Екатерине об успешно проведенной операции. Он взял какую-то из книг, что были отобраны у Новикова,

и, указывая на цифры, обозначавшие в примечаниях к тексту ссылки на главы, грозно завопил: «Вот тут, под этими условными знаками скрываются ваши зловредные замыслы и преступные учения; но все это теперь откроется!»

Немного пришедший в себя Новиков взглянул на него насмешливо. «Это не условные знаки, это же обычные примечания»,— проговорил он грустно и устало.

После допроса Николая Ивановича отвезли на его московскую квартиру. Дом охраняли вооруженные солдаты.

Князь Прозоровский первым допросом остался недоволен. Личность Новикова была до такой степени отлична от его собственной, а взгляды арестованного настолько ему не понятны, что он даже растерялся. Главнокомандующий был твердо убежден в виновности подсудимого, но как это доказать окружающим?!

А тут еще предстояло разбирать новиковские издания. Прозоровский подумал-подумал и снова вызвал Жевахова. Семен Иванович, родом грузин, служил в полицейских московских эскадронах подполковником и был начальником гусар. Рубать шашкой умел, а вот грамоту знал не очень. Говорят, Жевахов придумал свою цензуру: пригнал подводы, свалил на них все, что попало под руку, отвез па Воробьевы горы и сжег там. О дальнейших событиях рассказывают так.

На другой день гордый своей работой Жевахов отправился с докладом к Прозоровскому. Градоначальпик встретил его приветливо:

— А сиречь, князь Семен, начал ли ты разбирать новиковскую чертовщину?

Прозоровский повторял «сиречь» за каждым словом. Подполковник отвечал ему на малороссийском наречии:

— Да кому же, ваше сиятельство, я кажу, вси кончив.

— Как, сиречь, кончил?

— Да навалил вси на возы, свиз на Воробьевы горы да и сжег.

— Сиречь, туда и дорога! Спасибо, сиречь, князь Семен, что догадался, сиречь, я и забыл приказать сжечь чертовщину.

Так была решена судьба новиковских изданий. А допросы продолжались. Николай Иванович не мог понять, чего от него хотят, а Прозоровский тем временем писал Екатерине: «Дело «нежное»... Такого коварного и лука-

вого человека я, Всемилостивейшая Государыня, мало видал; а к тому же человек натуры острой, догадливой, и характер смелой и дерзкой: хотя видно, что он робеет, но не замешивается; весь его предмет только в том, чтобы закрыть его преступление».

Даже в болезни Новикова Прозоровский видел только коварное притворство. Когда после утомительных и бесконечно длинных допросов Николай Иванович, придя в полное изнеможение, просил о передышке, раздавался резкий окрик князя, и на писателя обрушивался поток брани. А однажды Прозоровский пригрозил Новикову, что не даст ему больше еды и отправит в Тайную канцелярию.

Дело Новикова велось секретно. Правда, был момент, когда Екатерина приказала передать его в суд, на что Прозоровский ей резонно возразил: «С передачей его суду придется дать Новикову по закону бо́льшую свободу, чем он пользуется теперь, а самое главное — в суд нельзя передать допросов Новикова, так как там идет речь о масонстве, и суд будет обязан спросить, что такое масоны. Таким образом, при передаче дела в суд у Новикова «все способы будут замешать оное дело».

Московский главнокомандующий предлагал Екатерине создать особую комиссию из лиц «умных и проворных и дело знающих». Императрице подобная предусмотрительность очень понравилась. «Хвалю поступок князя Прозоровского, что остановил мое приказание осуждение Новикова»,— отвечала она в Москву.

Но чем дальше шло следствие, тем яснее понимал главнокомандующий, что ему одному с Новиковым не справиться. Он взмолился о помощи. «Я сердечно желал бы,— писал он в сыскную канцелярию в Петербург прокурору С. И. Шешковскому,— чтобы вы ко мне приехали, а один с ним не слажу! Экова плута тонкого мало я видывал».

Екатерина не пустила Шешковского в Москву, а велела перевести Новикова в Шлиссельбургскую крепость: надо было быстрее кончать это щепетильное дело. Час расплаты настал.

Никто не осмелился поднять голос в защиту Новикова. Разве что один Карамзин. Сразу же после ареста своего бывшего наставника он напечатал стихотворение «К милости», в котором наряду с обычными похвалами Екатерине был тонкий намек на необходимость снисхождения.

Остальные молчали. Да и кто мог помочь издателю, если он вступил в единоборство с самой императрицей?

Из Москвы уезжали в середине мая. Было за полночь. Город давно уже спал. Николай Иванович с тоской взглянул на небо, усыпанное бесчисленным множеством ярких звезд, и заплакал. Он отдал всю свою жизнь этому прекрасному городу, и что же? Его, как преступника, под покровом ночи увозят из родного дома. Ему не дали ни с кем попрощаться. У него отобрали все вещи, чтобы он не мог себя «повредить». Есть ли в них что-нибудь человеческое?

Появился Жевахов. Мешая русские слова с украинскими, он приказал садиться и первым забрался в коляску. Рядом поместились Новиков, доктор Багряпский, сопровождавший больного Николая Ивановича, и еще некто Яковлев. В кибитке-тройкой уселись унтер-офицер, «надобное» число гусар и слуга Новикова. Поезд замыкал еще один экипаж, где разместились остальные гусары.

Арестованному было строго-настрого приказано отвечать, если его спросят в пути, что едет, мол, по высочайшему повелению, а куда — этого сказывать не полагается.

В тот же день, на который был назначен отъезд из Москвы, комендант Шлиссельбургской крепости получил указ принять арестованного. Имя его почему-то названо не было. Известно только: «от Прозоровского».

Загадочный арестант прибыл лишь в конце месяца: чтобы избежать инцидентов, ехали не по бойкому Петербургскому тракту, а по безлюдной дороге через Ярославль и Тихвин, а это было гораздо дольше.

Прибывший произвел на коменданта странное впечатление: прекрасный высокий лоб, умные добрые глаза, кроткая и застенчивая улыбка — какой же это преступник? Но рассуждать времени не было, да и не положено по чину: повел арестованного в каземат, в тот самый, в котором сидел свергнутый Елизаветой Петровной и убитый стражей при попытке офицера В. Я. Мировича освободить его император Иван IV Антонович. Кто-то сказал коменданту — он уже знал, с кем имеет дело,— что Новиков бывал здесь лет 20 назад, осматривал камеру и ушел из темницы ужасно расстроенный — будто предчувствовал...

Прошло всего несколько дней, Николай Иванович не успел опомниться от длинной, тяжелой дороги, как перед ним появился знаменитый петербургский сыщик, тайный

советник и кавалер С. И. Шешковский. Руки, которые только что толкнули в сибирскую ссылку Радищева, жадно ухватились за новое дело, казавшееся ему не менее заманчивым: он был как гончая на охоте — чем труднее цель, тем она желаннее. При этом палач не брезговал никакими средствами: надо было запугать — запугивал, требовалась пытка — мог учинить и пытку. И все сам — без посторонней помощи. Бывало, что при одном его имени те, кому предстояло иметь с ним дело, падали в обморок.

С Новиковым Шешковский обращался «деликатнее»: знал, что иначе от него ничего не добьешься. Он начал «с увещевания и убеждения». Подробно расспрашивал о всех обстоятельствах жизни, особенно с 1775 года, то есть после вступления Новикова в масонство, а 3 июня предложил арестованному 55 вопросов. Главные из них были составлены самой Екатериной.

Правительство хотело выяснить, во-первых, не участвовал ли Новиков в каком-нибудь антигосударственном заговоре и, во-вторых, не был ли связан он сам (или его друзья-единомышленники) с иностранными державами. Об издательской деятельности писателя словно забыли, а ведь именно печатание и хранение духовных книг послужило формальным поводом для его ареста.

Новиков старался отвечать на все вопросы честно, подробно и вразумительно. Но Екатерина была недовольна: она не нашла в этих ответах того, чего искала. Во время следствия императрица жаловалась московскому обер-полицмейстеру Н. П. Архарову, что «всегда успевала управляться с турками, шведами и поляками, но, к удивлению, не может сладить с армейским поручиком».

Не добившись от Новикова покаяния, через два с половиной месяца на основании взятых у него бумаг и ответов на следствии писателя признали преступником, имевшим сообщников. В вину ему ставилась переписка с герцогом Брауншвейгским и с великим князем Павлом Петровичем, издание «развращенных и противных закону православному книг», а также участие в масонстве и «поколебании и развращении слабых умов». В итоге было решено: подвергнуть «вредного государственного преступника... по силе тягчайшей и нещадной казни». Однако повторилась история, аналогичная радищевской; Екатерина, «следуя сродному ей человеколюбию и желая оставить ему время на принесение в своих злодеяниях покаяния», как говори-

лось в указе, ограничилась приказанием «запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость».

А что же случилось с другими участниками процесса, с друзьями и единомышленниками просветителя?

Книгопродавцев помиловали 2 июля 1796 года по случаю рождения великого князя Николая Павловича, всех, за исключением Кольчугина. Приговор ему гласил: «Московский городовой магистрат, уездный и нижний надворный суды находят Кольгучина подлежащим, вместо смертной казни, к наказанию кнутом, с вырезыванием ноздрей и постановлением знаков и к ссылке в каторжную работу».

Что касается Трубецкого и Тургенева, то они отделались «легким испугом»: им было приказапо покинуть Москву. Один отправился в свое воронежское имение, другой уехал в Симбирск. Лопухин умолял императрицу не отрывать его от престарелого отца. Екатерина смилостивилась, и третий участник этой истории избежал наказания. Ближайшие друзья Новикова Х. А. Чеботарев и М. М. Херасков тоже не пострадали: за одним сохранилась университетская кафедра, другой, как и прежде, остался куратором Московского университета.

Таким образом, фактически был наказан один Новиков. Это поразило даже Прозоровского. «...Я не понимаю конца сего дела,— писал он другу своему Шешковскому,— как ближайшие сообщники, если он преступник, то и те преступники».

Прозоровский недоумевал, зато Екатерина отлично знала, за что пострадал Новиков. Это была ее расплата. За насмешки над «Всякой всячиной». За хлесткую сатиру «Трутня». За «Отрывок путешествия...» и за «Письма к Фалалею». За училища для бедных детей и сирот. За филологическую семинарию, готовившую народных учителей. За «совращенную» новыми идеями молодежь. За помощь голодающим... Нет, Екатерина никогда не могла простить Новикову его самостоятельности, его независимости, его гордого сознания, что он делает полезное народу дело.

Новиков пострадал за свои идеи: за ненависть к царскому самодержавию, за борьбу против бесправия крепостного крестьянина, за просветительские идеалы. «Екатерина любила просвещение,— с гневом писал А. С. Пушкин,— а Новиков, распространявший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу... Радищев был сослан в

Сибирь, Княжнин умер под розгами, а Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если бы не чрезвычайная его известность».

Через 26 лет после этого позорного процесса Карамзин говорил: «Его заключили в Шлиссельбургской крепости не уличенного действительно ни в каком государственном преступлении, но сильно подозреваемого в намерениях, вредных для благоустройства гражданских обществ... Новиков как гражданин, полезный своей деятельностью, заслуживает общественную признательность; Новиков как теософический мыслитель, по крайней мере, не заслуживает темницы».

Две недели Екатерина не подписывала приговор. Не потому, что жалела узника — побаивалась общественного мнения.

25 апреля 1795 года императрица издала указ о продаже новиковского имущества с публичного торга. Решено было удовлетворить Опекунский совет — там был заложен гендриковский дом — и некоторых частных лиц, требовавших свои долги. Родовое имение Новикова Авдотьино-Тихвинское было передано наследникам — брату и детям.

По приказу Екатерины были уничтожены почти все новиковские издания, признанные «вредными», в том числе многие книги из его личной библиотеки. «Славного Новикова и дом, и все имение, и книги продаются в Москве из магистрата с аукциона,— и типография, и книги, и все. Особливо нечто значило,— записывал в своем дневнике Андрей Тимофеевич Болотов.— По-видимому, справедлив тот слух, что его нет уже в живых,— сего восстановителя литературы».

Но он был жив и даже не одинок. Вместе с Новиковым в Шлиссельбургской крепости содержался его друг врач М. И. Багрянский. Правда, когда комендант крепости полковник Колюбакин спросил его, по доброй воле, по приглашению хозяина или насильно отправлен он в Шлиссельбург, Багрянский ответил ему, что «по своей воле ни за что на свете ехать бы не согласился, а взят поневоле».

Кроме Багрянского в Шлиссельбурге находился слуга Новикова. Вот он-то был предан своему хозяину по-настоящему: пошел в заключение не по принуждению, а по доброй воле.

Жизнь в заточении была безрадостной. Николай Иванович постоянно болел, денег на лекарства не хватало.

Полковник Колюбакин, видя мучения своего узника, написал рапорт генерал-прокурору А. Н. Самойлову об «увеличении кормовых денег Новикову и заключенным с ним, а также о разрешении Багрянскому прогулок и бритья бороды».

Месяца через два в Шлиссельбургской крепости появился чиновник Тайной канцелярии коллежский советник Макаров. В своем донесении он писал: «Содержание секретным арестантам чинится со всевозможной осторожностью и к утечке или каким другим неприятным случаям сумления никакого нет; положенное же число для продовольствия их денег все получают и тем довольны, исключая Новикова, который произносил просьбу о недостатках в рассуждении нынешней во всем дороговизны».

Просьбу Новикова оставили без внимания: на содержание узников не прибавили ни копейки.

Но ни голод, ни крайняя нищета — ничто не угнетало Новикова так, как вынужденное бездействие. Человек, у которого долгие годы не было ни одной минуты свободной, чей день был строго расписан с раннего утра до позднего вечера, оказался в такой обстановке, когда приходилось месяцами и годами сидеть буквально сложа руки. Он выучил наизусть библию — единственную книгу, которую ему позволили взять с собой. Когда строгости немного ослабели и Николаю Ивановичу разрешили прогуливаться внутри крепости, он с большим успехом стал заниматься разведением кур. «Я первый куровод в России»,— говорил бывший издатель с полушутливой гордостью. За что бы ни брался этот человек, все ему удавалось. Недаром, видя его постоянный успех, некоторые люди считали Новикова чуть ли не колдуном.

Николай Иванович, вспоминая впоследствии годы, проведенные в Шлиссельбургской крепости, говорил, что простой народ относился к заключенным сочувственно. Новикову на всю жизнь запомнился случай, когда какой-то неизвестный человек принес ему соленых грибов. Эти грибы в глиняном сосуде были ему дороже самых изысканных блюд, потому что были они преподнесены от чистого сердца.

Между тем время шло. 6 ноября 1796 года внезапно скончалась Екатерина II. Павел находился в своем увеселительном замке в Гатчине, когда узнал о смерти матери. Он так искренне обрадовался, что с трудом удержи-

вал на лице скорбную мину. Наконец наступило мгновение, о котором он втайне мечтал долгие горы!

Ненависть к Екатерине — вот что на первых порах руководило поступками нового императора. «Ты отправила в Сибирь Александра Радищева — так я его верну! Ты заточила в крепость Николая Новикова — я его выпущу! Я освобожу всех, кто значится в твоих списках Тайной канцелярии!»

87 узникам Павел вернул свободу. Первым в его указе стояло имя Новикова, вторым — доктора Багрянского. Радищев был записан под номером двадцать два.

Блестящие возможности открылись перед бывшими единомышленниками Новикова: Лопухин и Трубецкой стали сенаторами, Тургенев — директором Московского университета.

Освобожденный из крепости Николай Иванович поспешил домой. Но по дороге в Авдотьино задержался на несколько дней у друга своего Федора Петровича Ключарева в деревне Валовое, тоже недалеко от Бронниц.

Когда же он появился на родине, друзья и родные едва узнали его. «Он прибыл к нам 19 ноября поутру, дряхл, стар, согбен, в разодранном тулупе,— вспоминал Семен Иванович Гамалея.— Доктор и слуга крепче его... Некоторое отсвечивание лучей небесной радости видел я на здешних поселениях, как они обнимали с радостными слезами Николая Ивановича, вспоминая при том, что они в голодный год великую через него помощь получили; и не только здешние жители, но и отдаленных чужих селений... Сын в беспамятстве побежал, старшая дочь в слезах подошла, а меньшая нова, ибо она не помнила его, и ей надобно было сказать, что он ее отец».

Не успел еще Николай Иванович как следует оглядеться в родном доме, насладиться встречей с детьми после долгой разлуки, наговориться вдоволь с другом своим верным Семеном Ивановичем, даже бороду сбрить не успел — а отросла она у него довольно длинная,— как вновь пришлось собираться в дорогу. Из Петербурга прибыл фельдъегерь — новый император желал видеть освобожденного.

Николаю Ивановичу ехать не хотелось. Он еще не опомнился от недавних событий, с дворцом у него были связаны слишком тяжелые воспоминания. Но его желания никто не спрашивал. Новиков расцеловался с домо-

чадцами, распрощался с дворовыми и снова двинулся в путь.

Государь принял его милостиво, но упрекнул: «Как же я тебя освободил, а ты не хотел поблагодарить меня?» Гость стал оправдываться, но как-то уж чересчур неловко.

Павел предложил издателю вознаграждение за убытки: Екатерина разорила Новикова — это он хорошо знал. Но гость отказался: «Я и потери-то всей не ведаю. А вот если бы Вы, Ваше Величество, даровали свободу узникам Шлиссельбурга...» Император не дал ему договорить и перевел разговор...

По словам внука Новикова Николая Рябова, эта аудиенция продолжалась около часу. В своих воспоминаниях Рябов пишет, что дед его вел себя с большим достоинством. «Впрочем, твердость духа никогда ему не изменяла,— заключает автор,— он всегда казался спокойным, не жаловался и терпеливо нес свой крест».

Николай Иванович вернулся в Авдотьино. Здесь ему предстояло почти безвыездно провести последние 20 лет жизни.

ОПЯТЬ В АВДОТЬИНЕ

На возвратившегося из Петербурга хозяина свалилась груда всяких забот. Двухэтажный деревянный барский дом требовал срочного ремонта: крыша уже прохудилась, в осеннюю непогоду повсюду выставлялись ведра да корыта, крыльцо подгнило и жалостливо скрипело под тяжелыми шагами Николая Ивановича, с балконов куда-то подевались все резные украшения. Дому этому было более 40 лет — в 1753 году его выстроил отец Новикова,— и 20 из них он не обновлялся.

Николай Иванович заложил Авдотьино в Опекунском совете, получил деньги и приступил к ремонту. В первую очередь отделали две комнаты второго этажа, обращенные к реке. В одной из них, угловой, разместили книги, чудом сохранившиеся после полицейского обыска 1792 года, во второй устроили спальню для Николая Ивановича. Окна выходили на юг, и в комнатах целый день играло солнце. Свежий ветерок с Северки (дом стоял на самом ее берегу) раздувал легкие занавеси.

От дома через реку был перекинут длинный широкий мост на мощных сваях (мост этот был снесен уже в наши

дни — после Великой Отечественной войны; остатки его и сейчас можно увидеть в Авдотьине). За речкой простирался огромный луг, за лугом зеленой стеной стояли леса. Николай Иванович любил гулять на лугу с детьми, хотя постоянно опасался, как бы не случился припадок у Ивана или Вари. Только младшенькая Вера радовала его истерзанное сердце. Девочка росла умной, бойкой и сообразительной. «Вот кто будет моим утешением отныне!» — думал Новиков, любуясь ее хрупкой, стройной фигуркой. Правда, и Вера часто хворала: видно, унаследовала от матери ее слабое здоровье. Отца она обожала и готова была проводить с ним все свое время.

Кроме Николая Ивановича и его детей в Авдотьине жил младший брат Новикова Алексей. Отставной надворный советник, бывший член Типографической компании, после ареста издателя он остался в Тихвинском присматривать за детьми и хозяйством. Своей семьи у него никогда не было, и все его интересы были связаны с братом. Но с годами характер Алексея становился все тяжелее, и Николай Иванович в письмах к друзьям часто жаловался, что не находит с ним общего языка. «...Он слишком упрям в своих мнениях»,— писал Новиков 27 марта 1798 года другу своему Александру Федоровичу Лабзину.

Лабзин когда-то учился в педагогической семинарии у И. Г. Шварца. Был ревностным масоном. Сотрудничал в «Вечерней заре». По окончании учебы служил в Московском губернском правлении, потом перешел работать в университет, стал близок к Типографической компании. Арест Новикова застал Александра Федоровича Лабзина в Петербурге, где он служил в это время в секретной экспедиции почтамта. Через четыре года, когда Николая Ивановича выпустили на волю, Лабзин уже был видным чиновником. В 1800 году он открыл масонскую ложу «Умирающий сфинкс», в которую вовлек своих друзей: Н. И. Новикова и профессоров Московского университета Харитона Андреевича Чеботарева и его зятя Матвея Яковлевича Мудрова (между прочим, Мудров еще студентом был наречен женихом 11-летней дочери Чеботарева Софьи. В 1797 году он вы́ходил ее от сильной оспы и спустя некоторое время женился на ней).

В 1818 году Александр Федорович Лабзин был назначен вице-президентом Академии художеств, а четыре года спустя «позорно» исключен со службы за дерзкую шутку:

он предложил избрать в почетные любители академии наравне с графами Аракчеевым, Гурьевым и Кочубеем лейб-кучера императора Александра I Илью Байкова, как наиболее близкого ко двору.

Вот что пишет о Лабзине С. Т. Аксаков: «Лабзин был среднего роста и крепкого сложения: выразительные черты лица, орлиный взгляд темных, глубоко-знаменательных глаз и голос, в котором слышна была привычка повелевать, произвели на меня сильное впечатление. В обращении он был совершенно прост и любил употреблять резкие, так называемые тривиальные или простонародные выражения, как, например: выцарапать глаза, заткнуть за пояс, разодрать глотку и т. п. ...можно было заметить, что Александр Федорович Лабзин человек необыкновенно умный, властолюбивый, пылкий по природе, но умеющий владеть собою. В разговорах он ни одним словом не обнаружил своего исключительного, мистического направления, он не касался никаких духовных предметов, а очень весело, остроумно, не скупясь на эпиграммы, рассуждал о делах общественных и житейских... заговорил со мной о театре и очень искусно заставил меня высказать все мое увлечение и все мои задушевные убеждения в высоком значении истинного артиста и театрального искусства вообще... В обращении его с «братьями» слышен был тон господина, а «братья»... относились к нему почтительно, как будто к существу высшей природы».

Новикова и Лабзина связывала долголетняя и искренняя дружба. Много долгих зимних вечеров провел Николай Иванович над пространными письмами-отчетами, предназначенными Александру Федоровичу. Он рассказывал ему о своей тяжелой, однообразной жизни вдали от города, о своих бесконечных хозяйственных заботах, о нравственных переживаниях. То интересовался, как записывают в юнкера — все еще надеялся пристроить своего 16-летнего сына,— то умолял помочь детям покойного Шварца Павлу и Петру, то просил прислать хороших цветочных семян, то жаловался на здоровье. «...Для меня все равно: идти или лежать, есть или нет и проч. Затем уже всегда и следуют телесные припадки, расстройка и слабость...» — писал он в марте 1798 года. И в том же письме: «Я отныне стал слишком недоверчив к тем, коих не имел еще времени испытать». А вот что он пишет Лабзину через несколько лет, в декабре 1802 года: «...я, с приезда из Москвы, успел

два раза пущать кровь... Сверх такового состояния беспрестанно боролся с нуждами, недостатками, и ежедневно напрягая и без того уже изнуренные силы в изобретении способов и переворотов, ибо предшедшие два года хлеб родился худо, а в истекающем почти и совсем пропал, почему и я принужден был кормить дворовых и крестьян третий год покупным хлебом».

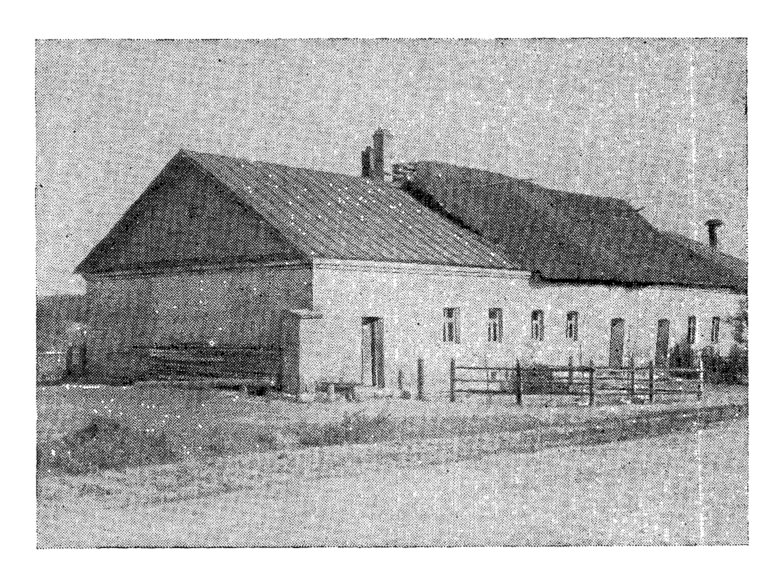
Такие же искренние, откровенные письма шли и в адрес других его друзей — Х. А. Чеботарева, Д. П. Рунича, Н. М. Карамзина. Переписка Новикова помогает с наибольшей полнотой и достоверностью представить себе последние годы жизни этого незаурядного человека.

Несмотря на расстроенное здоровье, Николай Иванович не переставал заботиться о своем друге Гамалее и особенно о вдове Шварца Наталье Ильиничне и ее детях, которые тоже поселились с ним в Авдотьине и полностью жили на его средства. Очень привязан был Новиков к Павлу Шварцу, который стал впоследствии известным садоводом и написал немало трудов по садоводству. Рекомендуя его в 1814 году другу своему Д. П. Руничу, он говорил: «Полюбите его: он хотя еще и профан, но по сердцу предобрый, а по уму прелюбезный человек. Я истинно люблю его как родного сына».

Это безграничное человеколюбие толкнуло его еще на один поступок, о котором и после смерти Новикова, и даже теперь, в наши дни, с благодарностью вспоминают авдотьинцы.

Возвратившись из тюрьмы, хозяин обнаружил, что не только его собственный дом в полном беспорядке и запустении. Всюду в Авдотьине он видел одно и то же: вросшие в землю, кривобокие, крытые соломой крестьянские халупы. Посоветовался с мужиками и решил осуществить план, задуманный им лет десять назад. Снова стали ломать камень на берегах Северки и на скрипучих крестьянских подводах отвозить в деревню. И вот один за другим выросли в Авдотьине 36 каменных изб, крытых железом. Уж что-что, а пожар мужикам теперь был не страшен! Каждый дом был рассчитан на четыре семьи. Четыре изолированных помещения, каждое в два окна. Четыре двери: две в середине, две по бокам — каждый хозяин имел свой вход и свою прихожую.

Восемь новиковских изб и сейчас стоят в Авдотьине. Они отремонтированы, крыши покрыты шифером, малень-

Одна из крестьянских изб, построенных Н. И. Новиковым в Авдотьине.

кие окошки заменены большими, под окнами зелень. Живут в этих домах рабочие и служащие местного племенного завода. Рядом с новиковскими домами вырастают новые особнячки из серого кирпича. По своей архитектуре они напоминают дома, построенные Новиковым: те же четыре входа и те же восемь окон. Это вечная память о человеке, для которого всю жизнь главным было служение народу.

Жители Авдотьина говорят о великом просветителе не только с гордостью — она понятна: он ведь их земляк,— но и с какой-то нежной любовью и глубоким почтением. Тридцатилетние мужчины и женщины «вспоминают» о нем как о своем знакомом, и не просто знакомом, а большом друге. Видно, любовь к Новикову была настолько сильна в авдотьинцах, что не иссякла и через полтора столетия, через несколько поколений. А что говорить о тех, кто был знаком с ним лично!

«Новиков был человек необыкновенно добрый и гуманный к своим крепостным,— рассказывал местный священник М. С. Смирнов.— В голодный год... он кормил целую округу. Население Авдотьина и Каменки пекло хлеб из-за припека, и этот хлеб выдавали остальным деревням, а тем,

которые жили далеко, отсыпали прямо мукой. Старожилы помнили, что житье-бытье крестьянское при Новикове было блаженным временем, даже когда он уже разорился... В солдаты он своих крестьян не отдавал, а отплачивался деньгами...»

Авдотьинцы не называли своего хозяина иначе, как «отцом», «благодетелем», «ангелом». Вот что рассказывал о Новикове крестьянин Захар Гаврилов: «Да, душа-человек — вот какой. Как обращался, и говорить нечего: как отец родной... Уж что про нас сказывать, а вся-то округа называла его ангелом своим да благодетелем». И дальше: «Лопухин тут после него поселился (этот Лопухин не имеет никакого отношения к своему однофамильцу, члену Типографической компании.— *Л. Б.*). ...Не такой он был человек, как Новиков, совсем другой... Сердитый был барин... Беда с ним нам была смертельная, потому что бил он смертным боем... Нагайка у него была с серебряной ручкой, а дрался он ею больно... А после Лопухина отошли мы к комитету, и тут пошло уж одно разоренье».

Этот рассказ был записан биографом Новикова М. Н. Лонгиновым через 40 лет после смерти Николая Ивановича. Прошло столько времени, а крестьянин-старик все с прежней теплотой и благодарностью вспоминал своего хозяина. «Куда как был ласков и добродушен наш Николай Иванович»,— говорит он случайному гостю, чувствуя в нем симпатию и расположение к Новикову.

Кстати, когда Лонгинов приехал в Авдотьино, деревня сильно поразила его своим непривычным видом: «...какое-то селение не то военного, не то колонистского типа». «Среди совершенно русского пейзажа,— писал Лонгинов,— было странно и непривычно видеть эту линию построек из камня, крытых почерневшею и кое-где торчавшею клочьми соломой (при Новикове дома были покрыты железом.— *Л. Б.*). В остальном представлялся обыкновенный, но всегда приятный русскому глазу вид: налево от деревенской улицы, за зеленым выгоном, возвышалась окрашенная в розовую краску церковь; напротив нее виднелись усадебные постройки, а ближе опрятные домики причта. В усадьбу вела аллея, как это бывало исстари в барских поместьях, а при начале аллеи стояли белокаменные воротные столбы, тоже, вероятно, помнившие далекое время. Прямо против ворот белел каменный дом».

Новиков, живя в Авдотьине, по единодушному призна-

нию его современников, больше всего занимался строительством. Двухэтажный каменный дом, о котором идет речь, был третьим в имении Новиковых. Николай Иванович построил его в 1800 году.

Вот как выглядело это здание в середине прошлого века (по описанию Лонгинова). Дом серого цвета был покрыт красной железной крышей. Десять каменных ступенек вели в главный подъезд. Рядом с центральным входом была небольшая дверь в кладовую, по бокам от крыльца — два крытых входа в обширные сухие подвалы. На втором этаже по лицевому фасаду восемь окон. Посредине дверь, выходящая на балкон. В поперечном фасаде четыре окна, двери посредине, и такие же балконы. Из сеней вела вверх прочная дубовая лестница. На втором этаже располагались парадные комнаты. Тут жили Николай Иванович и его сын Иван.

Комната Новикова была одновременно кабинетом и спальней. Здесь стоял диван, на котором Николай Иванович отдыхал, и бюро с кипами бумаг и лекарствами. Комната имела два окна и была окрашена в желтый цвет. Рядом находилась библиотека.

На первом этаже потолки были ниже и полы не паркетные. Под комнатой сына жили дочери, под библиотекой собирались пить чай, под кабинетом Новикова была комната вдовы Шварца, а под залой — Гамалеи. Повсюду большие печи с голубыми изразцами.

И сегодня дом в Авдотьине выглядит внешне почти так же. Но вместо красной железной крыши — шифер: он надежнее и долговечнее. Дом окрашен снаружи белой краской. На нем мемориальная доска, увековечивающая память Новикова. Те же восемь окон по фасаду от центрального входа. Деревянные балконы сооружены в наши дни. Сохранились даже подвалы (вправо от центрального входа), куда, как и при Новикове, засыпают картофель.

Но боковые и задний фасады дома выглядят иначе, чем это описано у Лонгинова: никаких балконов, и окон гораздо меньше. Сзади еще один вход в дом: когда он сделан, установить трудно. Сейчас он ведет в квартиры служащих совхоза. Внутри от новиковской планировки почти ничего не осталось; это и понятно: прошло 170 лет с тех далеких времен.

От аллеи, которая вела к дому, сохранилось лишь несколько дубов и вязов. Многие из них доживают свой век:

Авдотьинская церковь.

их черные безжизненные сучья — еще одно доказательство того, что время не щадит даже природу.

Когда-то вокруг дома, по воспоминаниям современников, был громадный сад. Сейчас в это мало верится: ни одного плодового дерева вокруг.

В прошлом веке в новиковском имении помещалась богадельня. Здесь же располагалась аптека и школа для мальчиков...

Архитектурным центром села, как и всюду на Руси, была церковь. Каменную церковь вместо деревянной заложил в 1753 году отец Николая Ивановича, но достроена она была уже самим Новиковым в 1789 году. Церковь сложена из местного тесаного камня местными мастерами. Она находится под охраной государства как ценный историко-архитектурный памятник. Церковь очень изящна. Особенно красива ее трехъярусная колокольня, украшенная карнизами, фронтонами, колоннами. На лицевой стороне колокольни написана картина, изображающая явление божией матери пономарю Георгию. Очень ценна сохранившаяся до наших дней на фасаде церкви деревянная скульптура Христа. Около южных дверей прибита доска с надписью: «Здесь покоится тело раба божия Николая Ивановича Новикова, родился 27 апреля 1744 года, скончался 31 июля 1818 года». Эта доска появилась через 40 лет после смерти писателя.

У Николая Ивановича Новикова в годы его жизни в Авдотьине, как всегда, был твердый распорядок дня. Обычно, если не был болен, он вставал в четвертом часу утра. Не спеша выпивал чашку крепкого чая и усаживался к письменному столу. Если было темно, он зажигал четыре восковые свечи. Это время Николай Иванович считал самым полезным для умственных занятий. Он читал и писал до восьми часов, а потом спускался к утреннему чаю. За столом на первом этаже собирались все многочисленные домочадцы: дети свои и Шварца (лишь сын Иван в последние годы оставался у себя в комнате из-за нездоровья), Наталья Ильинична, Семен Иванович. Когда был жив брат Алексей, он тоже принимал участие в этих утренних чаепитиях. Веселья за столом не было. Все сидели чинно и большей частью молча. Но относились друг к другу очень заботливо, предупреждая любое желание соседа.

После завтрака Новиков занимался хозяйственными делами или принимал больных. Медицина стала вторым

его призванием, и не случайно: эта гуманная профессия очень соответствовала его характеру. Почти во всех письмах Николая Ивановича друзьям одна и та же просьба: пришлите лекарства! Так, в одной из корреспонденций Лабзину он заклинает прислать «порошки для Вани и Варвары», одно лекарство для себя, одно для Веры и Натальи Ильиничны, а «остальные для всех», то есть для крестьян.

В Авдотьине Николай Иванович изучил все тонкости народной медицины: он знал, какая трава от желудка, какая от бессонницы, какая от ушибов, какая от зубной боли,— и не уставал давать полезные советы своим друзьям и знакомым. Например, в одном из писем Карамзину он просит его подробнее рассказать о болезнях, которые его мучают, и обещает помочь советом.

Немало дел ежедневно ждало Николая Ивановича и по хозяйству. Доход от имения был невелик. Выйдя из крепости, Новиков заложил Авдотьино за 10 тысяч рублей, надеясь поправить свои дела. Но, как нарочно, год выдался неурожайный, и почти все деньги ушли на строительство и покупку хлеба. Пришлось влезать в долги.

Видя свое отчаянное материальное положение, Новиков начинает строить «прожекты», один фантастичнее другого. Вдруг у него появляется идея открыть суконную фабрику. Он достает 30 станков, строит для фабрики каменное помещение, просит Лабзина найти ему купцов и получше разузнать, какой товар сейчас нужнее.

Потом возникает другой план, и Новиков принимается за винокурение, мечтает наладить крупное производство, но винозаводчиком все-таки не становится.

Теперь все его интересы в садоводстве. Он выписывает саженцы, скрещивает разные сорта и у всех знакомых просит семян. Любуясь белым облаком цветущих вишен и яблонь, он отдыхает душой, забывает о скучных хлопотах, о своих и чужих болезнях. Не думает, хватит ли хлеба до нового урожая, переживет ли он еще одну зиму. Все это кажется ему мелким и незначительным по сравнению с чистотой, мудростью и вечностью природы.

Но неумолимая повседневность стучится в его безоблачный мир новым нервным припадком несчастного Вани, Верочкиной простудой, слезами Натальи Ильиничны, собственными болячками.

Николай Иванович возвращается в дом, поудобнее усаживается у письменного стола и изливает свою скорбь на

белом бумажном листе. «Ежели вы огорчаетесь на меня за долгое молчание,— пишет он другу,— то вы неправы, ибо выпущаете из внимания 60 лет, мои припадки и дряхлость и окружающие меня со всех сторон крестные и тяжкие обстоятельства... на 60 годе узнал я новые припадки, коих прежде не ведал: зубная болезнь, глазная, весьма часто делающаяся боль, и тупость, и слабость зрения сделались мне знакомыми...»

И все-таки он не сдается. Проходит немного времени, и Новиков на удивление всем решает снова попытаться взять в аренду университетскую типографию. А по Москве уже ходят слухи, что Александр I собирается назначить Новикова директором Московского университета. Но ни директором университета, ни даже «директором» типографии ему уже не суждено стать: слишком свежа еще в памяти света его нашумевшая история.

Николай Иванович снова возвращается в Авдотьино. Теперь с издательской деятельностью покончено навсегда. Последняя надежда рухнула. Словно солнечный зайчик, поманила и исчезла.

А долги все растут и растут. Друзья советуют обратиться за помощью к государю. Новиков решительно отказывается: не в его правилах одалживаться у сильных мира сего. «Избавь нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»,— скажет впоследствии великий поэт. Силу «барского гнева» Николай Иванович уже успел испытать на себе. А в «барскую любовь» он не верит.

Правда, в конце жизни Новиков нарушит это свое священное правило и, дойдя «до последней крайности», как говорила его дочь, напишет прошение императрице Марии Федоровне. Но это будет уже жест отчаяния. «Вы, может быть, не поверите,— скажет он потом Руничу,— что я в 1792 году, когда меня взяли с постели и повезли, был гораздо спокойнее, нежели ныне. Тогда была надежда и уверения, что я один страдать буду; а ныне нет надежды, и я видел перед собой пропасть, в кою повергнуться должны не один я, но все семейство и живущие со мною друзья, что раздирало сердце мое».

Особенно подорвала новиковское хозяйство война 1812 года. Во всей округе Николай Иванович остался один: соседи-помещики покинули свои имения и перебрались «подальше от француза». Новикову уезжать было некуда. Да и куда было ехать с больными детьми? Разве пустишь-

ся с ними в далекий путь? Да и зачем? Не все ли равно, где и когда умирать? Новиков не боялся смерти, он давно нравственно подготовил себя к этой страшной минуте, которая уже не казалась ему страшной, а порою была даже желанной...

Фуражиры наполеоновской армии, рассказывает историк В. Боголюбов, то и дело появлялись в окрестностях Авдотьина, но Новикова не тронули. А Николай Иванович заставлял своих крестьян ловить отставших французов, платил за каждого по рублю, а потом кормил и лечил пленных. Когда Наполеона изгнали и в Бронницкий уезд, в который тогда входило Тихвинское, вернулась местная администрация, авдотьинский владелец передал ей свои «трофеи»: несколько десятков французов.

Но в этом поступке Новикова кое-кто узрел помощь Наполеону и вообще заподозрил какой-то политический умысел. Одно время даже начали следствие по этому поводу, но, за недостатком улик и учитывая возраст Новикова, прекратили.

Стоит познакомиться с письмами Николая Ивановича, написанными в этот период, как становится абсолютно ясно, что он, подобно всем русским людям, был охвачен горячим патриотическим порывом, тяжело переживал приход французов в Москву и безгранично радовался освобождению. Иначе и не могло быть: Новиков всей своей предшествующей жизнью успел доказать беспримерную любовь к родине.

После 1812 года он уже не мог наладить своих хозяйственных дел: тут, как нарочно, пошли неурожаи, особенно сильные в 1815 и 1816 годах. Долгов накопилось так много, что авдотьинцы жили под постоянной угрозой полного разорения. В 1817 году Новиков писал: «Здоровье мое совершенно расстроено, так что едва-едва могу бродить. Тяжелее этого года во всех отношениях я, кажется, еще в жизни моей не имел».

В это трудное время у Новикова были только две отрады: книги и друзья. В его письмах постоянно идет речь о газетах, журналах, книгах. Некоторые из них он выписывал и покупал сам, а когда не было денег, просил друзей прислать прочитанное. «В бывших моих обстоятельствах,— пишет он Д. П. Руничу,— я и забыл просить вас о газетах, почему и прошу покорно по приложенной записке для нас записать и выслать, а денег за них внесу пос-

ле, теперь нет». В другом письме к Руничу он просит его прислать прошлогодний «Инвалид». Если Николаю Ивановичу нужна была редкая книга, он точно указывал, где ее можно достать. Особенно много самых разнообразных изданий присылал ему Лабзин, а в доме заботы о библиотеке лежали на Гамалее.

В первом часу дня, когда семья собиралась за обеденным столом, по традиции любили поговорить о литературе. И тут уж было никого не узнать. Застенчивый Семен Иванович начинал выступать с таким вдохновением и жаром, что прислуга на кухне удивленно замолкала и с любопытством заглядывала в дверь. Верочка рассказывала о последних иностранных новинках, советовалась с отцом и Гамалеей, опытным переводчиком, о своих работах. Сам Николай Иванович любил вспоминать прошлое — журналы, Дружеское общество, Шварца.

Шумный, веселый обед ничем не напоминал молчаливое, чопорное чаепитие, когда каждый погружен был в свои мысли и заботы.

После обеда Николай Иванович отправлялся отдыхать (от этой привычки он не отказывался даже в гостях), часа через полтора-два вставал и отправлялся на прогулку: гулял по саду или по деревне, а то шел на гумно или на фабрику.

Вечера Николай Иванович любил проводить в обществе друзей: в сумерках он почему-то не выносил одиночества. Чаще других к нему приходила младшая дочь. В последние годы отцу было трудно писать — болели руки, и она работала под его диктовку. Иногда здесь с каким-нибудь рукоделием пристраивалась Наталья Ильинична. Приходил в гостиную Гамалея, и обязательно с книгой.

Изредка появлялся кто-нибудь из соседей — Ключарев, Ладыженский или Бутурлин. Но настоящий праздник был тогда, когда приезжали гости из Москвы или Петербурга. Николай Иванович заранее очень тщательно готовился к этим встречам. В доме наводился порядок, в комнате для гостей стелили свежие постели, проветривали подушки и одеяла, мыли окна, надраивали полы. Кухарки до полуночи пекли пироги, жарили мясо, тушили овощи. Гостей выходили встречать к воротам всем семейством, нарядные, возбужденные, счастливые.

Сохранился один очень любопытный документ — описание тихвинских праздников. И хотя неизвестный автор рас-

сказывает о событиях конца 80-х годов, но и по нему можно получить представление о том, как встречали в Авдотьине гостей в начале прошлого века, потому что хозяин и тогда делал все возможное, чтобы сохранить добрые старые традиции.

Итак, 20 июня 1788 года. В доме Новикова ждут приезда гостей. Николай Иванович, появившийся в Авдотьиие за несколько дней до этого, сообщает жене и детям, что у них обещали быть И. П. Тургенев, А. А. Петров, Г. М. Походяшин, Ф. П. Ключарев, В. В. Чулков.

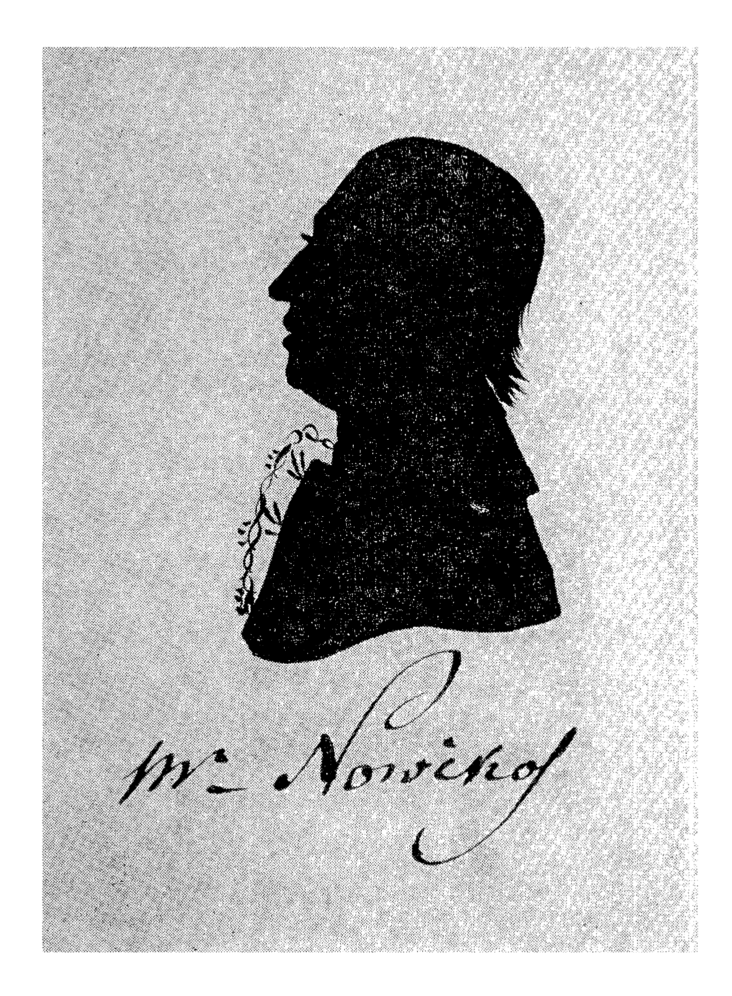
И вот желанные гости появляются. Их приезд приветствуют стихами:

Под игом долга жданья
Томившихся сердец
Свершилися желанья,
Свершились наконец:
Мы в час срежаем сей
Грядущих к нам гостей.
...Весельем облекитесь
Вы, Северски брега;
Во всей красе явитесь
Цветущие луга:
Излейте свой бальзам
Во чувствия друзьям.

На этом празднике у Новикова было 38 гостей. А кроме того, на праздничном обеде присутствовали еще 904 нищих. «На балконе была устроена беседка, куда хозяин пригласил гостей после обеда, к «десертному столу», и в беседке этой пол устлан был травою, на стенах в два ряда были поставлены горшки с розами, левкоями, гвоздиками, бальзаминами, астрами разных родов и прочими цветами; а на ступенях крыльца и перед покоями по всему берегу реки стояли в горшках же померанцевые, вишневые и другие деревцы. Железные прутья, на которых висел зонтик над балконом, увиты были долгою осокою так искусно, что издали казались они пальмами».

Особенно торжественно отмечались на этот раз именины Тургенева. Сначала имениннику поднесли стихи, затем «вошли в столовую дети хозяина; на головах их были васильковые венки, а шея, грудь и руки их перевязаны были разноцветными гирляндами. Они шли тихо к столу, ухватя друг друга за руку, а в другой руке несли розовый венок.

...Надели на него розовый венок и, приняв чашу с вином, подносили торжествующим».

Силуэт Н. И. Новикова.

В саду по этому случаю была специально сооружена беседка из зеленых березовых ветвей. Вечером на берегу за рекою против дома в честь именинника устроили фейерверк. Всюду пели песни, играли на свирелях, плавали по реке на лодках. Потом ночью ездили смотреть «известную горящую печь, которая складена была в каменной горе на

берегу реки. Она в ночной темноте представлялась великолепными разноцветными фейерверками. Рассматривание силы пламени и тяжкого труда, с каким работники обжигают ее, подало друзьям нашим случай к важным размышлениям», заключает автор этого единственного в своем роде описания авдотьинских праздников.

Конечно, после возвращения из Шлиссельбурга Николай Иванович уже не мог устраивать таких пышных встреч своим друзьям. Однако он изо всех сил старался так обставить пребывание своих гостей в Авдотьине, чтобы им было весело и удобно, проявляя при этом истинно русское хлебосольство.

Несколько раз приезжал в Авдотьино Николай Михайлович Карамзин, но подробности этих встреч, к сожалению, неизвестны.

Сохранилось интересное воспоминание о Тихвинском и Новикове, принадлежащее перу академика А. П. Витберга, автора известного проекта храма Христа Спасителя, который предполагалось возвести на Воробьевых горах. Витберг побывал в Авдотьине вместе с профессором Московского университета М. Я. Мудровым вскоре после изгнания французов из Москвы.

«Новиков, жертва сильного стремления к благу родины,— пишет Витберг,— жил отшельником в небольшой деревне...

По Бронницкой дороге, верст за 50 от Москвы, стал виднеться шпиц церкви села Тихвинского. Небольшая деревенька, и бедная. Вскоре открылся и ветхий господский дом, обнаруживавший недостаток, запущенный сад и все окружающее показывало нужду и отшельничество. Мы взошли. Я нашел Новикова старым, бледным, болезненным, но взор его еще горел и показывал, что еще может воспламеняться и любить. Большой открытый лоб и вид серьезный и длинные волосы сзади, но во время разговора его мина принимала вид чрезвычайно приятный. Он встретил меня с душевным расположением...»

В Гамалее Витберг нашел человека, «исполненного любви и привета. Правда, он был молчалив, говорил мало, резко. Новиков, напротив, был одарен превосходным даром красноречия. Речь его была увлекательна, даже самые уста его придавали какую-то сладость словам».

Это последнее документальное воспоминание о Новикове.

31 июля 1818 года великий русский просветитель, «положивший, по словам Витберга, основание новой эре цивилизации России, начавший истинный ход литературы, деятельно неутомимый, муж гениальный, передавший свет Европе и разливший его в глубь России», скончался. Его похоронили тут же в Авдотьине.

После смерти отца Вера Николаевна стала лихорадочно искать способа расплатиться с долгами: «Все долги, оставшиеся после моего батюшки, тяготят мое сердце, и с помощью благодетельных друзей его, с благословением божиим, я надеюсь понемногу избавиться от оных».

Между тем приближался срок платежа в Опекунском совете — имение было под угрозой, и В. П. Новикова решила обратиться за помощью к Александру I. «Горестные обстоятельства принудили меня искать пособия у монаршего престола,— писала она в одном из писем.— Имея на попечении своем больных брата и сестру, святейшею обязанностию поставляю употребить все средства к доставлению им спокойной жизни».

Просил за сирот и Н. М. Карамзин: он отправил Александру I записку, в которой рассказал о жизни и деятельности Новикова и которую заканчивал так: «Бедность и несчастье его детей подают случай государю милосердному вознаградить в них усопшего страдальца...»

Помощи не последовало. Авдотьиио было продано с публичного торга. Имение приобрел генерал-майор П. А. Лопухин. В 1845 году вдова Лопухина передала Тихвинское комитету для разбора и презрения просящих милостыню для устройства там богадельни.

Дочери Новикова ненадолго пережили отца. Вскоре умер и Гамалея. Его могила в Авдотьине, рядом с церковью. Дольше других прожил сын Новикова Иван.

С тех пор прошло полтора столетия. Сменилось несколько поколений. Полторы сотни раз лето сменяло весну, а зима осень. Навеки позабыты миллионы имен, а имя Николая Ивановича Новикова живет и жить будет, пока существует земля русская.

Судьба Новикова величественна и трагична одновременно. Один из самых светлых умов своего времени, человек необыкновенной энергии и душевной чистоты, он в расцвете творческих сил был заточен в Шлиссельбургскую

крепость, откуда вышел сломленным и постаревшим, и незаметно угасал в своем родовом имении.

Но потомки воздали ему должное. Имя Новикова золотыми буквами вписано в историю русской культуры и русского просвещения.

В июне 1968 года советский народ широко отметил 150-летие со дня смерти Николая Ивановича Новикова. В Ленинграде состоялась научная сессия, посвященная жизни и деятельности великого просветителя. Много новых интересных материалов появилось в прессе. Преподаватели и студенты исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова взяли шефство над Авдотьином, где Новиков родился и провел значительную часть своей жизни. В авдотьинской церкви они организовали экспозицию, рассказывающую о замечательном просветителе, чьи предсмертные слова звучат как пророчество: «Смерть мне не страшна, а тяжело, что я умираю, оставляя народ в том же бедственном состоянии, в каком нашел его при рождении. Я заводил народные школы, издавал книги, но что может сделать один человек?! Надеюсь, вы будете счастливее меня... Вам, может быть, или вашим внукам придется увидеть народ наш свободным и очеловеченным».

Это время настало. Оно настало потому, что на русской земле жили и боролись такие люди, как Новиков,— истинные патриоты своей родины.

СОДЕРЖАНИЕ

Будяк Людмила Михайловна

НОВИКОВ В МОСКВЕ И ПОДМОСКОВЬЕ. М. «Московский рабочий». 1970.
128 с. 8Р1

Редактор *Л. Крекшина*. Художественный редактор *А. Титова*. Художник *С. Ганнушкина*. Технический редактор *С. Устинова*. Издательство «Московский рабочий». Москва, ул. Куйбышева, 21. Л104238. Подписано к печати 3/IX — 1970 г. Формат бумаги 84 × 108$^{1}/_{32}$. Бум. л. 2,0. Печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,9. Тираж 20 000. Тем. план 1970 г. № 189. Цена 27 коп. Зак. 3504. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

Цена 27 коп.

